

Ф Е Д О Н Ъ.

ФЕДОНЪ

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемый здѣсь разговоръ Платона озаглавивается именемъ одного Сократова ученика, который, по свидѣтельству Цицерона ¹, находился въ дружеской связи съ Платономъ и, какъ извѣстно, послѣ смерти своего учителя основалъ особую философскую школу въ пелопоннесскомъ городѣ Элидѣ.

Платоновъ Федонъ во всѣ времена почитаемъ былъ драгоценнымъ литературнымъ произведеніемъ древняго міра. Интересность его поддерживалась особенно тѣмъ, что въ немъ, какъ и во многихъ другихъ сочиненіяхъ Платона, предметъ философскаго изслѣдованія обрамленъ поразительнымъ историческимъ событіемъ, и что самое это событіе, служа практическимъ доказательствомъ раскрываемой въ немъ истины, значительно возвышаетъ свѣтъ ея и сообщаетъ ей теплоту убѣдительности. Сократъ, прославившійся своею мудростію, нравственно доброю жизнію и ревностію къ истиннымъ пользамъ общества, по навѣту враговъ, приговоренъ къ смерти и содержится въ афинской темницѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, согласно съ опредѣленіемъ судей, онъ долженъ выпить ядъ и умереть. Друзья и ученики пришли проститься съ нимъ и видѣть его кончину; они со слезами окружаютъ темничный одръ своего учителя и готовы ловить каждое предсмертное его слово. Начинается бесѣда. Проникнутый разумною вѣрою въ бытіе жизни загробной, Сократъ обнаруживаетъ не страхъ смерти, а надежду на безсмертіе, не возмущеніе души, а спокойное ожиданіе лучшаго, и свое убѣжденіе старается

¹ *Cicer. de Nat. D.* 1, 33.

перелить въ скорбныя души друзей цѣлымъ рядомъ философскихъ размышленій о томъ, что за этою жизнію непремѣнно должна слѣдовать жизнь другая — лучшая и блаженнѣйшая. Такимъ образомъ въ Платоновомъ Федонѣ философскій предметъ оживляется соотвѣтствующимъ ему дѣйствіемъ, созерцательная истина получаетъ развитіе въ осязательной области чувства, отвлеченное изслѣдованіе идетъ въ связи съ судьбою изслѣдователя и направляется къ тому, чтобы въ олицетворенной Сократомъ человѣческой природѣ указать возможно твердую точку опоры для борьбы съ опасеніями и суемудріемъ скептицизма, обрекающаго разумную душу на смерть и уничтоженіе. Кратко: въ Платоновомъ Федонѣ выдержаны почти всѣ условія трагедіи. Мы видимъ здѣсь и драматическій узелъ—въ представленіи близкой Сократовой кончины, которая, не смотря на тожество своего значенія для всѣхъ, въ ученикахъ поддерживаетъ чувство скорби и сомнѣнія, а учителю обѣщаетъ отрадную будущность. Мы видимъ здѣсь и развязку—въ торжествѣ философской надежды на безсмертіе, снимающей съ животнаго страха мрачные покровы скорби, которыми слабая, порабощенная плоти и невѣжественная душа облекается предъ образомъ смерти.

Эту прекрасную *идею* философской своей драмы Платонъ развилъ съ такимъ искусствомъ и такъ мастерски раскинулъ сѣть главныхъ ея мыслей, долженствовавшихъ постепенно и незамѣтно направлять читателя къ убѣжденію въ безсмертіи, что не знаешь, чему болѣе удивляться, вѣрности ли содержанія, или художественности плана.

Разговоръ начинается вопросомъ о смерти Сократа и о предсмертномъ собесѣдованіи его съ учениками. Желая удовлетворить любопытству своего друга, Эхекрата, Федонъ рассказываетъ ему о причинѣ, замедлившей исполненіе казни надъ Сократомъ, потомъ перечисляетъ тѣ лица, которыя въ послѣдній день находились у своего учителя, и наконецъ говоритъ, какимъ образомъ они были впущены въ темницу, какъ нашли тамъ Ксантиппу, испускавшую вопли и рыданія,

и какъ Сократъ попросилъ Критона отослать ее домой. Это отдѣленіе діалога можно назвать *историческимъ вступленіемъ* въ бесѣду. Р 57—60 А.

Когда такимъ образомъ сцена дѣйствія была приготовлена, слѣдовало установить и показать предметъ его. Это начинается тѣмъ, что Сократъ, сейчасъ только освобожденный отъ оковъ, потираетъ себѣ ногу и говоритъ: «Какъ страннымъ кажется мнѣ то, что люди называютъ приятнымъ! Въ какой удивительной связи находится оно съ скорбію, хотя послѣдняя по видимому противоположна первой! Вотъ и самъ я отъ оковъ прежде чувствовалъ въ своей ногѣ боль, а теперь за болью, кажется, слѣдуетъ что — то приятное. Если бы моя мысль представилась Езопу, онъ сложилъ бы изъ нея басню.» — Услышавъ о Езопѣ, Кевисъ вдругъ припоминаетъ порученіе поэта Эвина — спросить у Сократа, что заставило его въ темницѣ перелагать въ стихи Езоповы басни. На вопросъ объ этомъ Сократъ отвѣчаетъ: «Такое дѣло внутренно было мнѣ неоднократно сновидѣніемъ, которое повелѣвало заниматься музыкою. И я занимался; потому что безопаснѣе умереть, когда успокоена совѣсть послушаніемъ. Скажи же Эвину, чтобы и онъ потомъ бѣжалъ за мною.» — Это выраженіе Сократа: *«ἐμὲ δὴὼκεν ὡς τὰχιστα»* Симмиасъ понималъ буквально и говоритъ, что Эвинъ не такой человекъ, — не послушается. — А развѣ онъ не философъ, спросилъ Сократъ? Если философъ, то послушается, хотя и не наложитъ на себя рукъ. — Изъ этихъ словъ Сократа естественно вытекаетъ вопросъ: какимъ образомъ можно слѣдовать за умирающимъ философомъ, не налагая на себя рукъ? — Сократъ отвѣчаетъ на него такъ: боги—наши попечители, а мы—одно изъ ихъ стяжаній. Но еслибы какое нибудь изъ твоихъ стяжаній, Кевисъ, захотѣло умертвить само себя, независимо отъ твоего соизволенія на эту смерть, то не прогнѣвался ли бы ты на него и не подвергъ ли бы его наказанію? Значитъ, благоразуміе требуетъ не умерщвлять себя прежде, пока Богъ не пошлетъ такой необходимости, въ какую теперь поставлены

мы. — Явно, что этимъ отвѣтомъ рѣшена только половина предложеннаго вопроса, то-есть — не должно налагать на себя рукъ; а другая остается еще безъ отвѣта. Поэтому Кевись снова спрашиваетъ: за чѣмъ же однако философамъ желать смерти, особенно когда Богъ есть нашъ попечитель? За чѣмъ ты такъ равнодушно оставляешь и насъ и боговъ, которыхъ самъ же считаешь добрыми властителями? — Для защиты себя противъ такого обвиненія Сократъ обѣщается доказать, что по смерти онъ, можетъ-быть, увидится съ добрыми людьми и непременно предстанетъ предъ добрыхъ владыкъ — боговъ, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ гораздо лучше, нежели злымъ. Всю эту систему предварительныхъ мыслей, направленную къ установленію бесѣды, надобно почитать *прологомъ* Платонова Федона. Р. 60. В—64. А.

Установивъ тему разговора, Сократъ далѣе предлагаетъ цѣлый рядъ доказательствъ, что наша душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, вступить въ новый періодъ жизни и будетъ существовать вѣчно. Обозрѣвая эти доказательства, нельзя не замѣтить обширной сообразительности, которая связываетъ ихъ однѣ съ другими. Это не есть простое, численное показаніе, основаній, на которыхъ утверждается убѣжденіе въ безсмертіи: это—одна нераздѣльная ткань основныхъ идей, органически соединенныхъ въ цѣлое *философское изслѣдованіе*; такъ что каждая изъ нихъ, взятая сама по себѣ, можетъ казаться либо произвольною, либо одностороннею, либо неясною, а разсматриваемая всѣ вмѣстѣ и въ связи одна съ другой, онѣ постепенно растутъ, укрѣпляются, круглѣютъ и всестороннимъ своимъ развитіемъ мало по малу разсѣваютъ недоумѣнія, относящіяся къ изслѣдываемому предмету.

Сократъ прежде всего опредѣляетъ, что такое смерть, и согласно со всеобщимъ убѣжденіемъ, почитаетъ ее отрѣшеніемъ души отъ тѣла. Потомъ онъ изслѣдываетъ отличительныя черты истиннаго философа и находитъ, что достойный своего имени мудрецъ во всю жизнь болѣе и болѣе отрѣшается отъ тѣла, потому что тѣло своими чувствами закры-

ваецъ отъ него истину и, требуя заботливости о себѣ и о своемъ, отвлекаецъ его отъ разумѣнія; безъ истины же и разумѣнія невозможно ни справедливое, ни доброе, поколику то и другое въ своей сущности созерцается душою,—невозможны ни мужество, ни разсудительность, поколику первое не должно связываться страхомъ смерти, а послѣдняя удовольствіями тѣлесными,—вообще невозможна никакая добродѣтель. Сократъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: «Не это ли, не отрѣшеніе ли души отъ тѣла называется смертію? Отрѣшить же душу всегда стараются преимущественно тѣ, которые истинно философствуютъ, поколику занятіе философа въ томъ и состоитъ, чтобы отрѣшать душу отъ тѣла. Слѣдовательно, не смѣшно ли было бы, если бы человѣкъ, своею жизнію приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла къ нему? Итакъ я справедливо не жалуясь и не скорблю, оставляя васъ, ибо надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми друзьями.» Р. 64. В—69. В.

Понятно, что это доказательство вполне оправдываетъ Сократа въ безтрепетномъ ожиданіи смерти, такъ какъ онъ во всю жизнь умиралъ, то есть, постепенно отрѣшался отъ всего тѣлеснаго. Но отсюда еще непосредственно не вытекаетъ истина о загробномъ существованіи души. Поэтому Кевисъ возражаетъ: душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, не разсѣется ли какъ воздухъ или парь? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Сократу надлежало доказать, что искомое философомъ разумѣніе, для котораго онъ старается очищать душу отъ всего чувственнаго, скрывается въ ней самой и не подлежитъ закону переворотовъ, называемыхъ жизнію и смертію. Доказательство его къ этой цѣли идетъ слѣдующимъ образомъ. Есть старинное преданіе, говоритъ онъ, что души, живущія на землѣ, перешли сюда изъ умершихъ. Преданіе это можно подтвердить наблюденіемъ надъ всѣми вещами природы. Въ природѣ все бываетъ такъ, что противное происходитъ изъ противнаго, напримѣръ большее изъ меньшаго, лучшее изъ

худшаго и на оборотъ. Притомъ, между противоположностями всегда есть состоянія среднія или точки переходенія одной противоположности въ другую; таковы напримѣръ между сномъ и бодрствованіемъ — засыпаніе и пробужденіе. Предположивъ это, какъ посылку, Сократъ напоминаетъ о взаимной противоположности жизни и смерти и о среднихъ или переходныхъ состояніяхъ первой и послѣдней, то есть, объ оживаніи и умираніи, и наконецъ заключаетъ: слѣдовательно изъ умершаго происходитъ живущее, а изъ живущаго умершее, и наши души съ одной стороны существовали до рожденія, съ другой — будутъ существовать и по смерти. Притомъ замѣтъ, продолжалъ Сократъ, что допущенныя нами противоположности непременно должны совершать кругъ, то есть, имѣть происхожденіе обоестороннее: въ противномъ случаѣ все перейдетъ въ одинъ и тотъ же видъ, и движеніе прекратится. Р. 69. С—72. D.

Этотъ развитый Сократомъ силлогизмъ составляетъ однакожь только первую половину предположеннаго имъ доказательства. Изъ него еще не видно, точно ли душа, переходя изъ смерти въ жизнь и изъ жизни въ смерть, сохраняетъ тожество своего разумѣнія и въ существѣ своемъ не зависитъ отъ переворотовъ тѣлеснаго бытія. Поэтому Сократъ далѣе старается доказать, что, не смотря на послѣдовательную противоположность состояній, душа постоянно носить въ себѣ однѣ и тѣ же идеи. Ученіе, говоритъ онъ, есть не иное что, какъ припоминаніе. Но припоминать значитъ воскрешать въ памяти то, что мы когда-то знали, только забыли. Остановившись на этой мысли, Сократъ подробно развиваетъ теорію такъ называемаго содружества идей и полагаетъ, что эта теорія основывается на предварительно полученномъ знаніи ихъ; положеніе свое подтверждаетъ онъ особенно тѣмъ, что для насъ не было бы вещей равныхъ и неравныхъ, подобныхъ и неподобныхъ, если бы въ нашей душѣ не обрѣталось готоваго знанія о равномъ и неравномъ, подобномъ и неподобномъ самомъ въ себѣ. И это

знаніе, говоритъ онъ, имѣемъ мы вовсе не отъ чувствъ, потому что всѣ чувственныя равенства и подобія далеко недостаточнѣе его. Дѣятельностію чувствъ только возбуждаются забытыя нами истины. Если же идеи, какъ знанія сами въ себѣ, получены нами не чрезъ чувства и предшествуютъ дѣятельности чувствъ; то мы должны были получить ихъ до рожденія. Слѣдовательно душа не только существовала въ мірѣ прежнемъ, но еще существовала съ тѣми самыми идеями, которыя пробуждаются въ ней теперь. Р. 72. Е—77. А.

Къ этому разсужденію о предсуществованіи душъ подаль поводъ Симміасъ. Но прежнее возраженіе Кевиса: — душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, не разсѣется ли, какъ паръ? — все еще остается безъ отвѣта. Поэтому, успокоивъ перваго, Сократъ переходитъ теперь къ разрѣшенію недоумѣнія, возникшаго и въ послѣднемъ; то есть, доказавъ, что души существовали до рожденія, онъ намѣревается доказать и то, что онѣ равнымъ образомъ будутъ существовать и по смерти. Если вамъ угодно два послѣдовательно составленныя нами умозаключенія соединить въ одно, говоритъ онъ: то загробное существованіе душъ уже доказано. Вы согласились, что душа, по закону всѣхъ вещей, изъ одного состоянія переходитъ въ другое противоположное и совершаетъ свое переходеніе кругообразно; потомъ вы приняли и другое положеніе, что души изъ прежней жизни чрезъ смерть перешли въ жизнь настоящую. Слѣдовательно необходимо уже допустить, что изъ настоящей жизни онѣ чрезъ смерть опять перейдутъ въ жизнь будущую. Не смотря однакожь на это, Сократъ излагаетъ особое доказательство посмертнаго существованія души и говоритъ: Разрушиться свойственно тому, что сложно; а что не состоитъ изъ частей, то не можетъ быть подвержено разрушенію. Это *dictum de omni* есть основаніе новаго Сократова силлогизма. Для выведенія изъ него заключенія въ пользу безсмертія души и смертности тѣла слѣдовало только доказать, что душа не состоитъ изъ частей, а тѣло сложно. Важнѣйшую мысль, на которой должно опираться

это положеніе, философъ видитъ въ допущенномъ прежде тождествѣ хранящихся въ душѣ идей и нетождествѣ подлежащихъ чувству предметовъ. Равное само по себѣ, прекрасное само по себѣ, сущее само по себѣ, говоритъ онъ, — всегда то же и неизмѣнно: напротивъ вещи, подлежащія чувствамъ, ни какимъ образомъ не остаются тѣми же и измѣняются. Но тождественное есть нѣчто безвидное или безформенное, (*ἀειδέες*), а нетождественное видимо. Къ предметамъ безвиднымъ относится душа, къ видимымъ — тѣло. Слѣдовательно тѣло по природѣ нетождественно и измѣнчиво, а душа — тождественна и неизмѣнна. Увлекаясь тѣломъ, она конечно возмущается и бываетъ какъ опьянѣлая; но, направляясь къ истинно сущему, остается тѣмъ, что она есть, — существомъ тождественнымъ. Притомъ душѣ свойственно управлять и господствовать, а тѣлу — управляться и служить. Но управляющее и господствующее уподобляется божественному, а управляемое и служащее — смертному. Итакъ тѣлу, какъ природѣ смертной, надлежитъ скоро разрушиться; а душа, какъ существо божественное, должна или остаться вовсе неразрушимой, или быть къ тому близкою. Р. 77. В—80. А.

Это заключеніе, выведенное въ формѣ сужденія раздѣлительнаго, или съ нѣкоторою нерѣшительностію, находится въ близкой зависимости между прочимъ отъ вставленной Сократомъ мысли, что душа, увлекаясь чувствами тѣла, можетъ и сама какъ бы отѣлеситься, слѣдовательно въ извѣстной степени терять свою тождественность и свойственную существу божественному разумность. Такое представленіе разностепенной тождественности душъ въ мірѣ загробномъ должно было возбуждать вопросъ о различныхъ — низшихъ и высшихъ — формахъ существованія души, по отрѣшеніи ея отъ тѣла. Этого вопроса, хотя онъ и не имѣетъ прямого отношенія къ главной темѣ разсужденія, Сократъ не могъ упустить изъ вида и оставить безъ рѣшенія, потому что рѣшеніе его должно было ученію о безсмертіи сообщить нравственную силу, а слушателей бесѣды о жизни загробной

утвердить на поприщѣ истинной философіи. Итакъ онъ въ общихъ чертахъ описываетъ формы посмертной жизни, и въ его діалогѣ является интересный *эпизодъ* о переселеніи душъ и о высокой судьбѣ души философствующей. Если душа, говоритъ Сократъ, при отрѣшеніи отъ тѣла не увлекается за собою ничего тѣлеснаго, потому что во всю жизнь размышляла только о томъ, какъ бы легче умереть; то съ этими свойствами отойдетъ она въ подобное себѣ безвидное мѣсто и будетъ наслаждаться блаженствомъ, проводя всю послѣдующую жизнь дѣйствительно съ богами. Напротивъ, если она отрѣшается грязною и неочищенною отъ тѣлесности, поколику предавалась страстямъ и пожеланіямъ; то, переложенная тѣлособразными свойствами, окажется тяжелою и видимою, а потому, тяготѣя опять къ видимому, облечется, пожалуй, снова въ такое тѣло, котораго природа ближе согласуется съ направлениемъ господствующей ея страсти, наприкладъ въ породу осла, волка, ястреба, либо въ образъ муравья, даже человѣка, если она привязана была къ политическимъ обычаямъ человѣческой жизни. Вотъ почему истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣлесныхъ пожеланій, не боятся никакихъ внѣшнихъ лишеній и свою душу, принужденную смотрѣть на все сквозь чувства, будто сквозь рѣшетку темницы, утѣшаютъ самостоятельностью и свободою мышленія, зная, что у всякаго удовольствія и у всякой скорби какъ будто есть гвоздь, которымъ онѣ пригвождаютъ душу къ тѣлу. Кто живетъ по внушеніямъ такой философіи, тому удивительно ли не страшиться смерти и думать, что его душа не разсѣется, какъ паръ, и не прекратитъ своего существованія? Р. 80. В—84. В.

Этимъ разсужденіемъ разговоръ по видимому долженъ былъ окончиться; ибо тверже того, что сказано, казалось, ничего нельзя было придумать. Не смотря однакожь на то, Симміасъ и Кевисъ о чемъ-то вполголоса говорятъ между собою и какъ будто высказываютъ другъ другу какія-то недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, бывъ вызваны Сократомъ къ

объясненію, они, одинъ послѣ другаго, объявляютъ своему учителю, чѣмъ именно колеблется ихъ увѣренность. Въ изложенномъ доказательствѣ безсмертія Сократъ къ тождеству и неизмѣнности души заключилъ отъ тождества и неизмѣнности находящихся въ душѣ идей. Но Симміасъ по видимому идетъ далѣе и спрашиваетъ: откуда же происходитъ тождественность и неизмѣнность самыхъ идей? Не суть ли онѣ выраженіе благонастроеннаго организма, какъ гармонія есть сліяніе звуковъ благонастроенной лиры? И потому не слѣдуетъ ли душу почитать просто гармоніею тѣла и заключать, что какъ скоро тѣлесный инструментъ разрушается или перерѣзываются струны,—душа, въ значеніи происходящей изъ него гармоніи, должна тотчасъ же исчезнуть, гораздо прежде, чѣмъ исчезаетъ тѣло? Выслушавъ это недоумѣніе Симміаса, Сократъ потомъ выслушиваетъ и возраженіе Кевиса. Между тѣмъ какъ первый душу поставлялъ въ зависимость отъ тѣла, будто гармонію отъ лиры, и заключалъ къ ея разрушимости, послѣдній напротивъ почитаетъ зависимымъ тѣло отъ души и при всемъ томъ говоритъ, что нельзя быть увѣреннымъ въ ея безсмертіи. Душу представляетъ онъ, какъ ткача, соткавшаго и изнашившаго много платьевъ, хотя ткачъ умеръ прежде того, имъ же сотканнаго платья, въ которое одѣли его по смерти. То есть, душа могла развить и износить много тѣлъ: однакожь нельзя еще полагать, что она не умретъ прежде послѣдняго, развитаго ею тѣла. Нельзя думать, чтобы многократныя рожденія не изнуряли ея, и чтобы наконецъ при которой нибудь изъ смертей она и сама не уничтожилась. Р. 84. С—88. В.

Когда возраженія Симміаса и Кевиса были высказаны, души всѣхъ присутствовавшихъ возмущались крайнимъ сомнѣніемъ: теперь всѣ заключили, что либо они—плохіе судьи, либо предметъ надобно почитать неразрѣшимымъ, и повидимому возненавидѣли вообще философскія разсужденія. Замѣтивъ это, Сократъ начинаетъ бесѣдовать съ Федономъ и нечувствительно вводитъ въ діалогъ новый *эпизодъ* противъ

ненависти къ умственнымъ изслѣдованіямъ. Намъ непремѣнно надобно побѣдить Симміаса и Кевиса, говоритъ онъ; только смотри, чтобъ не сдѣлаться разсужденіе-ненавидцами, какъ дѣлаются человѣконенавидцами. Ненависть къ людямъ вообще рождается вслѣдствіе неблагоразумной и излишней довѣренности къ одному или нѣсколькимъ человѣкамъ, которые обманули насъ. Точно такъ же и ненависть къ изслѣдованіямъ вообще происходитъ отъ неблагоразумнаго и слѣпаго увлеченія рѣчами нѣкоторыхъ людей, тогда какъ впослѣдствіи онѣ оказались ложными. А кто въ этомъ случаѣ виновать? Гораздо больше тотъ, кто безусловно вѣрить лжи. Поэтому ненавистникъ разсужденій не долженъ сваливать своей вины на разсужденія, но скорѣе долженъ ненавидѣть собственное увлеченіе и порицать себя. И такъ прежде всего будемъ осторожны, говоритъ Сократъ; не пустимъ въ свою душу той мысли, что будто въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего здраваго: напротивъ сознаемся, что мы-то еще не здоровы, и постараемся пріобрѣсть нужное намъ здоровье.—Сказавъ это, Сократъ приступаетъ къ рѣшенію предложенныхъ возраженій. Р. 88. С—91. С.

Сперва онъ опредѣляетъ *statum quaestionis*, то есть, кратко повторяетъ возраженіе Симміаса, что душа, не смотря на свое превосходство предъ тѣломъ, исчезнетъ первая, какъ нѣкоторый родъ гармоніи; — потомъ приступаетъ къ опроверженію мнѣнія Симміасова и опровергаетъ его на такомъ основаніи, которое уже прежде допущено, какъ несомнѣнное, то есть, на положеніи, что ученіе есть припоминаніе, или что душа существовала до рожденія. Напомнивъ объ этомъ положеніи, Сократъ показываетъ, что понятіе о душѣ, какъ о гармоніи тѣла, вовсе не гармонируетъ съ нимъ; потому что гармонія, будучи результатомъ тѣлеснаго настроенія, не могла и не можетъ существовать прежде тѣла или до его рожденія. Если же она существовала прежде тѣла и была гармоніею: то должна была состоять изъ такихъ частей, которыхъ еще не было. Поло-

жимъ однакожъ, что она въ самомъ дѣлѣ состоитъ изъ частей. Явно, что каково бы ни было настроеніе ихъ, — высоко или низко, хорошо или худо, — душа, какъ гармонія тѣла, во всякомъ случаѣ должна быть гармонією. Но предположивъ это, мы не откроемъ различія между одною душою и другою, равно какъ между добромъ и зломъ; потому что въ такомъ случаѣ всякая душа, какъ гармонія, будетъ добро, а дисгармонія или зло не найдетъ въ ней себѣ мѣста. Да и то опять: само собою разумѣется, что душа, какъ гармонія тѣла, не можетъ разногласить съ тѣлесными частями, которыхъ напряженіе выражается этою самою гармонією. Между тѣмъ мы видимъ, что она часто противится органическимъ дѣятелямъ — то строгими обузданіями ихъ, то скорбями, то врачебными средствами и тому подобнымъ. Слѣдовательно она есть нѣчто божественнѣе гармоніи, есть начало господствующее надъ самыми тѣлесными частями, настроеніе которыхъ, по мнѣнію Симміаса, должно выражаться гармонією. Р. 91. D—95. В.

Побѣдивъ сомнѣніе Симміаса и показавъ неосновательность его возраженія, Сократъ намѣревается потомъ разсмотрѣть мнѣніе Кевиса, чтобы и его также привести къ убѣжденію въ безсмертіи. Прежде всего онъ подробно раскрываетъ смыслъ Кевисова недоумѣнія, что хотя душа долговременнѣе тѣла, но не погибнетъ ли она, износивъ много тѣлъ и оставляя послѣднее, съ рожденіемъ котораго могло развиться и усилиться въ ней сѣмя собственнаго ея разрушенія. Потомъ за опредѣленіемъ вопроса слѣдуетъ рѣшеніе его, и это дѣлаетъ Сократъ, какъ и прежде противъ Симміаса, посредствомъ обстоятельнаго и полнаго анализа такой мысли, которая давно уже принята была Кевисомъ, то есть, чрезъ разсматриваніе природы допущенныхъ въ душѣ идей. Надобно, говоритъ онъ, изслѣдовать первое основаніе, на которомъ утверждается жизнь души, коренной источникъ, изъ коего она проистекаетъ, и смотрѣть, — эмпирически ли — началами видимой природы, можно объяс-

нить это, или дуалистически—поставляя дѣятельность началъ природы подъ управленіе ума, или идеально—находя въ самой душѣ залогъ вѣчнаго ея существованія. Но коснувшись способа эмпирическаго, Сократъ замѣчаетъ, что этимъ путемъ философъ не доходитъ до первыхъ началъ и блуждаетъ въ лабиринтѣ противорѣчій. Правда, говоритъ онъ, слѣдуя руководству опыта, я какъ будто знаю что-то, знаю, напримѣръ, что тѣло увеличивается отъ принятія пищи, что одинъ человѣкъ выше другаго головою, что единица, сложенная съ единицею, даетъ два, и т. п. Но такъ какъ это причины не первая; то, остановившись на нихъ, я тотчасъ же начинаю противорѣчить самъ себѣ и полагаю, что между пищею и величиною нѣтъ ничего общаго, что голова не можетъ быть причиною высоты, что въ понятіи единицъ, сколько бы ихъ ни слагалось, не видно понятія двухъ. Такимъ образомъ оказывается, что я, пока держусь опыта,—вовсе ничего не знаю. Не успѣвшіе доходить мы до кореннаго источника жизни, опираясь и на началахъ дуалистическихъ. Дуалисты, какъ представляется на первый взглядъ, все хотятъ изъяснить изъ разумной и высшей причины вещей. Такъ Анаксагоръ намѣревался все изъяснить изъ ума. Это было бы и хорошо, потому-что тогда я зналъ бы мѣсто и значеніе каждой вещи, слѣдовательно зналъ бы, что хорошо и что худо: но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Въ системѣ Анаксагора умъ только полагается, какъ начало устрояющее, а дѣйствительными строителями почитаются дѣятели матеріальные, слѣдовательно опять опытные, которыхъ зависимость отъ ума нисколько не опредѣлена, и которые даже сродства съ нимъ не имѣютъ, подобно тому, какъ жилы и кости—условія моего сидѣнія въ темницѣ—далеко не сродны съ опредѣленіемъ судей, предписавшихъ мнѣ сидѣть здѣсь. Итакъ истинная причина жизни души ни для эмпиризма, ни для дуализма недоступна; чувствами видѣть ее нельзя, не подвергаясь опасности ослѣпнуть. Остается третій способъ—идеальный.

Но и тутъ опять затрудненіе: сущее само по себѣ, какъ послѣдняя причина жизни, не можетъ быть предметомъ непосредственнаго созерцанія. Чтобы созерцать его, необходимы образы мышленія (*τα εἶδη*), то-есть, идеи, которыми она отображается въ разсудкѣ. И если ты допустишь въ немъ бытіе этихъ образовъ или идей, напимѣръ, прекрасное само въ себѣ, доброе само въ себѣ и проч.; то я, говоритъ Сократъ, твердо докажу тебѣ истину безсмертія. р. 95 С—102 А.

На указываемомъ основаніи доказательство осуществляется слѣдующимъ порядкомъ мыслей. Все, что признается за прекрасное, надобно почитать прекраснымъ не отъ какихъ нибудь частныхъ свойствъ, а отъ прекраснаго самого въ себѣ, поколику первое принимаетъ участіе въ послѣднемъ. То же должно сказать и о всемъ прочемъ: великое велико отъ величины, малое мало отъ малости, высокое высоко отъ высокости, а не отъ чего другаго; равно какъ два суть два отъ двоицы, а не отъ сложенія или дѣленія единицъ. Однимъ словомъ: истинная причина того, что прекрасное прекрасно, великое велико, малое мало, двойственное двойственно и проч., есть прекрасное само въ себѣ, великое само въ себѣ, двоица сама въ себѣ и т. д., поколику, то-есть, что нибудь первое причастно соотвѣтствующему себѣ послѣднему, или поколику извѣстною дѣятельностію мы, какъ говорится, приближаемся къ идеѣ предмета и выражаемъ ее. При этомъ Сократъ намекаетъ на возможность хода какъ отъ предположенія къ слѣдствіямъ, такъ и отъ предположенія къ непредполагаемому или самодовольному (къ началу), то есть, намекаетъ на возможность методы аналитической и синтетической и говорить, что не должно хвататься то за ту, то за другую и смѣшивать ихъ между собою. Утвердивъ положеніе, что причина каждой вещи есть ея идея, поколику извѣстная вещь идеализуется, Сократъ далѣе переходитъ къ другому положенію, что идеѣ, какъ идеѣ, несвойственно принимать

въ себя что нибудь противоположное, либо самой переходить въ идею противоположную, но что, по приближеніи къ ней противоположнаго, она или удаляется, или исчезаетъ. Напримѣръ, черное само въ себѣ не можетъ перейти въ бѣлое само въ себѣ и на оборотъ; но когда къ бѣлому подошло черное, первое убѣгаетъ, не уничтожаясь: а иначе бѣлое сдѣлалось бы чернымъ и черное бѣлымъ, какъ Симіасъ, въ сравненіи съ Федономъ и Сократомъ, становится и низокъ и высокъ. При этомъ Сократъ замѣчаетъ, что вещь сама въ себѣ (идея) не должна быть смѣшиваема съ вещію въ явленіи: какъ явленіе, она можетъ переходить изъ одного состоянія въ другое противоположное; а сама въ себѣ не сдѣлается вещію или идеею противною. По раскрытіи этого втораго положенія въ ученіи о природѣ идей, идеологъ простирается далѣе, и въ идеяхъ находитъ еще одну отличительную черту, что онѣ не только сами по себѣ не превращаются—противная въ противную, но и не допускаютъ, чтобы даже какая нибудь частная вещь, получивъ общій характеръ извѣстной идеи, принимала въ себя нѣчто другое, хотя и не противное, однакожъ характеризующееся идеею противною. Мало того, напримѣръ, что четъ и нечетъ, какъ идеи взаимно противныя, не принимаютъ въ себя одинъ другаго: они не позволяютъ и того, чтобы два переходили въ три, либо три—въ два, хотя два и три не противоположны между собою, а только охарактеризованы противоположностями, то-есть, четомъ и нечетомъ. Однимъ словомъ: идея нетолько не принимаетъ въ себя идеи противной, но и всего непротивнаго, что приносить съ собою черты, принадлежащія противному. Изложивъ эти мысли, Сократъ вдругъ незамѣтнымъ для слушателей образомъ является на точкѣ заключенія и говоритъ: тѣлу, поколику оно становится живымъ, всегда сообщается душа, такъ что душа всегда приноситъ жизнь. Но жизни противоположна смерть, и смерти, какъ идеи противоположной, жизнь принять въ себя не можетъ. Слѣдо-

вательно душа, всегда приносящая жизнь, которая никогда не принимаетъ въ себя смерти, есть существо безсмертное. То-есть, душѣ хотя и не противоположна смерть, какъ тремъ не противоположенъ четъ, но принося съ собою жизнь, которой противоположна смерть, какъ три приносятъ съ собою нечетъ, которому противоположенъ четъ, она не приметъ смерти, а только устранился отъ нея, не переставая существовать въ собственномъ своемъ образѣ. Потому, когда тѣло принимаетъ образъ смерти, душа, приносящая съ собою жизнь, отрѣшается отъ тѣла и продолжаетъ сохранять свойственный себѣ образъ—жизнь. р. 102 В—107 А.

Этимъ важнѣйшимъ доказательствомъ безсмертія души Платонъ заключаетъ свое ученіе о философическихъ основаніяхъ, на которыхъ утверждаются надежды, что человѣкъ будетъ наслаждаться жизнью и по смерти. Теперь повидимому слѣдовало бы ожидать эпилога, или заключительныхъ мыслей Сократовой бесѣды. Но мы видѣли, что Платонъ первую половину своего діалога окончилъ эпизодомъ о переселеніи душъ по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла. Соответственно этому, и вторая половина его заключается также *эпизодомъ* о посмертныхъ наградахъ и наказаніяхъ. Тамъ Сократъ пришелъ къ мысли, что формы существованія душъ, по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла, будутъ не одиѣ и тѣ же; а здѣсь онъ начертываетъ картину этихъ формъ примѣнительно къ религіознымъ вѣрованіямъ своихъ соотечественниковъ и сказаніямъ греческой мифологіи. Душа, отрѣшившись отъ тѣла, говоритъ онъ, въ сопровожденіи приставленнаго къ ней духа, идетъ въ мѣсто, назначенное для произведенія надъ нею суда, а изъ этого мѣста, смотря по тому, какую оказалась она, начинается либо ея блужданіе и борьба съ оставшеюся въ ней плотностію, пока она не вселится въ сообразное себѣ тѣло, либо ея переходъ въ убѣжище покоя и блаженства. Но гдѣ такія мѣста и пристанища душъ?—Здѣсь Платонъ, повидимому, спускается до уровня народ-

ныхъ понятій и свою географію, согласно съ цѣлю эпизода, излагаетъ такъ: Земля стоитъ неподвижно въ центрѣ небесной сферы и окружена эфиромъ. Она очень велика и изменности ея служатъ мѣстомъ осадковъ всего нечистаго и грязнаго, а возвышенности чисты и увѣнчаны звѣздами неба. Мы, люди, живемъ въ глубокихъ впадинахъ, и воздухъ называемъ небомъ, тогда какъ истинное небо и истинная земля — выше осадка, именуемаго воздухомъ. Въ мѣстахъ нашего жительства все повреждено и извѣдено: напротивъ на высотахъ, выходящихъ изъ воздуха, все прекрасно и совершенно. На той высокой землѣ есть также животныя и люди, пользующіеся воздухомъ, какъ мы водою, и дышущіе эфиромъ, какъ мы — воздухомъ. Болѣзней они чужды, жизнь ихъ долговременна, въ храмахъ ихъ существенно обитаютъ боги. Та земля прорѣзана узкими или широкими прокопами, по которымъ льются обильныя воды. Подъ землею же есть множество вѣчно текущихъ рѣкъ воды теплой и холодной, есть даже рѣки огня и грязи. Одно изъ ущелій земли, прокопанное сквозь всю ее, называется тартаромъ, въ который сливаются и изъ котораго вытекаютъ всѣ рѣки. Тартаръ есть ущеліе бездонное, гдѣ воды находятся въ непрестанномъ колебаніи или движутся то къ одной поверхности, то къ другой. Отсюда необоримые вѣтры, разливы рѣкъ, образованіе озеръ и морей. Главныхъ водныхъ потоковъ четыре: Океанъ, окружающій землю снаружи, Ахеронъ, изливающійся въ озеро Ахерусію, Пирифлегетонъ, текущій огнемъ и грязью, и Стиксъ или Коцитъ, обладающій необычайною силою. Описавъ такимъ образомъ будущее жилище отшедшихъ душъ, Сократъ говоритъ, что души прежде всего приводятся къ Ахерону и, сѣвъ на колесницы, какія у которой есть, то есть, опираясь на свои добродѣтели и пороки, отправляются къ Ахерусіи. Здѣсь онѣ подвергаются суду, очищаются и потомъ пользуются свободою, либо получаютъ награды; а неисцѣлимыя повергаются въ тартаръ, откуда однѣ

изъ нихъ никогда не выходятъ, другія же волнами выбрасываются въ Коцитъ, либо въ Пирифлегетонъ и, достигнувъ Ахерусіи, умоляютъ обиженныхъ или убитыхъ ими, чтобы они вошли въ озеро и взяли ихъ. Напротивъ люди, по святости жизни оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ и стремятся въ жилище чистое; очистившіеся же философіею переселяются въ мѣста, еще превосходнѣйшія тѣхъ, которыя описаны выше. Такъ вотъ побужденіе употреблять всѣ способы, чтобы быть въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ. Теперь, прибавилъ Сократъ, пора приступить къ омовенію и потомъ выпить ядь Р. 107 В—115 А.

Когда Сократъ окончилъ свои разсужденія, Критонъ спрашиваетъ его: не сдѣлаетъ ли онъ имъ какихъ нибудь порученій?—Отвѣтъ Сократа на этотъ вопросъ составляетъ *эпилוגъ* Платонова Федона. Критону хотѣлось знать, что завѣщаетъ имъ Сократъ касательно своихъ дѣтей и касательно его погребенія. Но на первую половину вопроса философъ отвѣчаетъ, что заботящійся о своей душѣ, то-есть, приготавлиющій ее къ блаженной жизни за гробомъ, и безъ порученія сдѣлаетъ все и для всѣхъ; а не заботящійся объ этомъ, хотя бы и поручали ему, не сдѣлаетъ ничего и ни для кого. По отношенію же къ погребенію себя, Сократъ шутливо укоряетъ Критона, что бесѣда о безсмертіи души не убѣдила его въ умершемъ учителѣ видѣть не Сократа, а только тѣло Сократово; потомъ обращается къ другимъ ученикамъ и говоритъ имъ: Критонъ поручился судьямъ, что я не уйду изъ темницы; поручитесь теперь вы ему, что я уйду изъ этого брэннаго тѣла Р. 115 В.—116 А.

За этимъ эпилогомъ слѣдуетъ *историческое заключеніе* Федона. Сократъ удаляется въ другую комнату для омовенія. Когда оно было кончено, приводятъ къ нему дѣтей; онъ говоритъ съ ними и дѣлаетъ имъ наставленія. Потомъ, отпустивъ ихъ, возвращается къ ученикамъ и, не смотря на увѣреніе Критона, что солнце еще не совсѣмъ зашло,

приказываетъ подать себѣ ядъ, спокойно выпиваетъ его и самъ наблюдаетъ постепенное омертвѣніе своего тѣла. Р. 116 А—118 А.

Разсмотрѣвъ ходъ, послѣдовательность и связь мыслей въ Платоновомъ Федонѣ, мы должны еще обратить вниманіе на философскій характеръ ихъ и показать отношеніе этого діалога къ другимъ сочиненіямъ Платона.

Съ перваго взгляда представляется, что большая часть этого разговора состоитъ изъ положеній философіи пифагорейской, сродненныхъ съ неюкою Сократа. Ученіе о переселеніи душъ, понятіе о философіи, какъ о музыкѣ, мысль объ очищеніи (*καθαρσις*) или постоянномъ отрѣшеніи отъ тѣла, взглядъ на тѣло, какъ на темницу души, все это—положенія пифагорейскія; даже и бесѣдующія лица: Эхекратъ, Симміасъ и Кевись, были нѣкогда слушателями Пифагорейцевъ. Но въ Платоновомъ Федонѣ философы Пифагора направляются къ нравственной цѣли, къ возвышенію души подвигами добродѣтели, къ приготовленію ея для жизни блаженной. Замѣтно также намѣреніе Платона показать, что пифагореизмъ въ его время потерялъ древній идеально-религіозный характеръ. Извѣстно, что и Пифагоръ почиталъ душу гармонією; но подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ внутреннюю, математически опредѣляемую дѣятельность ея силъ. Напротивъ позднѣйшіе его ученики, потерявъ изъ виду идеальное начало своего учителя, уклонились къ эмпиризму и, не переставая понимать душу, какъ гармонію, производили ее уже, подобно Аристоксену (*Cicer. Tuscul. quaest. 1, 10*), изъ напряженія или смѣшенія стихій организма, а чрезъ то лишали ее самостоятельности. Такимъ образомъ душа, существенная или реальная гармонія Пифагорова, обратилась у нихъ въ формальную и стала въ аналогію съ гармонією лиры.

Сравнивая Федона съ другими діалогами Платона и, при сравненіи, обращая вниманіе на главнѣйшія и существенныя его мысли, мы скорѣе всего останавливаемся на Федрѣ.

Федонъ и первая половина Федра заключаютъ въ своемъ содержаніи столько общаго, что кажутся двумя вариациями одной и той же музыкальной темы; только въ Федрѣ больше лиризма, а Федонъ есть истинная философская драма: тамъ лиризмъ чрезвычайно веселъ и сопровождается почти непрерывною ироніею, а здѣсь иронія замѣняется ровнымъ и спокойнымъ движеніемъ развиваемаго предмета. По Федру, души въ надмірныхъ пространствахъ сопровождаютъ сонмъ боговъ и вмѣстѣ съ ними созерцаютъ истинное, доброе и прекрасное; но не умѣя управлять непослушными своими конями, падаютъ на землю, ломаютъ себѣ крылья и въ наказаніе поселяются въ смертныя тѣла. По Федону, онѣ жили гдѣ-то до рожденія и, оттуда принеся съ собою идеи истиннаго, добраго и прекраснаго, здѣсь на землѣ забыли небесныя свои стяжанія. Въ Федрѣ Сократъ говоритъ, что падшія души могутъ мало-по-малу выращивать свои крылья и возноситься надъ всѣмъ тлѣннымъ; въ Федонѣ, — что онѣ въ состояніи мало по малу припоминать домірныя свои идеи и оставлять все земное. Но первый разговоръ для выращенія крыльевъ почитаетъ полезною любовь къ прекрасному въ образахъ чувственныхъ; а послѣдній для припоминанія идей требуетъ постепеннаго отрѣшенія души отъ тѣла посредствомъ истинной философіи. Тамъ и здѣсь душа опредѣляется, какъ существо, заключающее въ себѣ самомъ источникъ непреходящей жизни; потому что въ существѣ ея сокрыты простыя и неизмѣняемыя истины, а въ простотѣ и неизмѣняемости этихъ истинъ лежитъ залогъ безсмертія. Такимъ образомъ и тамъ, и здѣсь человѣкъ есть фениксъ, возрождающійся изъ собственнаго праха и, среди безконечнаго ряда превращеній, по своей душѣ, существующій тождественно и неизмѣнно.

Теперь оставалось бы разсмотрѣть, въ какое время своей жизни Платонъ написалъ Федона. Но прямыхъ, историческихъ указаній на это нѣтъ ни въ самомъ діалогѣ, ни въ сочиненіяхъ другихъ древнихъ писателей. Изслѣдованія же

новѣйшихъ критиковъ не представляютъ въ этомъ отноше-
ніи заключеній вполнѣ удовлетворительныхъ. Асть (*de vita
et script. Plat.* p. 157 sq.) полагаетъ, что Федонъ написанъ
вскорѣ послѣ Протагора, Федра и Горгіаса: но разстояніе
между временами появленія этихъ трехъ разговоровъ слиш-
комъ велико; по этому показаніе Аста ничего не опре-
дѣляетъ. По Зохеру (въ киигѣ того же содержанія), выходъ
Федона въ свѣтъ долженъ былъ относиться ко времени, слѣ-
довавшемъ вскорѣ за смертію Сократа: но принимая въ со-
ображеніе господствующій характеръ ученія въ этомъ діало-
гѣ, художественную отдѣлку его и особенности нѣкоторыхъ,
введенныхъ въ разговоръ лицъ, нельзя согласиться и съ
мнѣніемъ Зохера. Вскорѣ послѣ Сократовой смерти появи-
лись, по всей вѣроятности, Критонъ и Апологія, такъ какъ
эти сочиненія имѣютъ ближайшее отношеніе къ послѣднимъ
днямъ аѣинскаго моралиста и какъ бы запечатлѣваютъ исто-
рію его жизни. Но предметъ Федона — уже не жизнь земная,
а надежды загробныя: здѣсь рѣшается вопросъ общій, ка-
сающійся не лично Сократа, а всего человѣчества; притомъ
здѣсь и самое ученіе характеризуется чертами философіи
больше Платоновой, чѣмъ Сократовой. По этому нѣтъ ника-
кой положительной причины думать, что Федонъ есть раннее
произведеніе Платона, посвященное просто памяти Сократа
и служащее къ сохраненію его мыслей о безсмертіи души.
Можно догадываться, что этотъ діалогъ написанъ Плато-
номъ уже послѣ перваго путешествія его въ Италію и Сици-
лію, потому что, читая Федона, невольно замѣчаешь свѣжіе
слѣды обстоятельнаго знакомства Платонова съ тогдашнимъ
пифагореизмомъ. Правда, не неизвѣстно было ему ученіе
Пифагора и до того времени, какъ это ясно видно изъ его
Федра; знаемъ также, что пифагорейскую догму о безсмертіи
души высказалъ онъ уже въ Менонѣ (p. 81 A sqq. 86 A):
но ни въ которомъ изъ этихъ разговоровъ философы Пифа-
горейцевъ не сроднены такъ съ теоріею идей, какъ сроднены
онѣ въ Федонѣ. Мое мнѣніе о времени выхода въ свѣтъ Фе-

дона подтверждается и тѣмъ, что замѣчаемые въ этомъ діалогѣ слѣды пифагорейскаго ученія, подстроеннаго подъ взглядъ древней Академіи, могли быть выработаны чрезъ чтеніе сочиненій Филолая, который еще прежде смерти Сократа жилъ и училъ въ Эивахъ, и котораго сочиненія куплены были Платономъ въ Нижней Италиі (*Boeckh. Philol.* p. 18 sqq. p. 22). Поэтому-то, вѣроятно, главными собесѣдниками Сократа въ день его смерти являются Симміасъ и Кевисъ — ученики Филолая, долженствовавшіе лично убѣдиться, что ученіе еивскаго ихъ учителя не можетъ быть оправдано, если не найдетъ опоры въ основаніяхъ мудреца аѳинскаго. Съ тою же конечно цѣлію вводится въ разговоръ и Эхекратъ, по свидѣтельству Ямблиха, тоже Пифагореецъ. Вообще, если въ Федонѣ много пифагорейскаго, а Аѳины не видѣли въ своихъ стѣнахъ ни Филолая, ни другихъ Пифагорейцевъ, кромѣ Симміаса и Кевиса, то пифагорейское ученіе, по всей вѣроятности, принесено въ Аттику Платономъ; а это ясно уже указываетъ на время, когда написанъ Федонъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ

СОКРАТЪ. ЭХЕКРАТЪ изъ Фліунта, Пи- оагореець. Федонъ изъ Элиды. Аполлодоръ.	}	Кевисъ } Фивяне, ученики пи- Симмиасъ } оагорейца Филолая. Критонъ } Аѳинянинъ, другъ и ученикъ Сократа. Приставъ одиннадцати судей.
---	---	--

Эхекр. Самъ ты, Федонъ, былъ у Сократа въ тотъ день, 57. когда онъ въ темницѣ выпилъ ядъ, или слышалъ отъ кого другаго?

Фед. Я самъ былъ, Эхекратъ.

Эхекр. Что же говорилъ этотъ человѣкъ предъ смертію? и какъ скончался? Съ удовольствіемъ послушалъ бы. Вотъ уже давно и никто изъ Фліунтянъ не отправлялся ¹ пожить в. въ Аѳинахъ, и ни одинъ гость во все время не прїѣзжалъ изъ Аѳинъ, который могъ бы намъ рассказать объ этомъ ясно,—по крайней мѣрѣ болѣе того, что Сократъ выпилъ ядъ и умеръ; о прочемъ ничего не говорятъ.

Фед. Такъ вы не знаете и о томъ, какъ происходилъ надъ 58. нимъ судъ?

Эхекр. Да, намъ кто-то сказывалъ, и мы еще удивлялись, что онъ умеръ, кажется, спустя много времени по окончаніи суда. Отчего это было, Федонъ?

¹ ἐπιχωρίζει. Глаголь ἐπιχωρίζειν значитъ не просто переѣзжать куда нибудь, а переселяться, или перемѣнить мѣсто жительства. Valckenar. ad Herod. 1. 24, 4,

Фед. Это зависѣло отъ случая, Эхекратъ. Случилось, что наканунѣ осужденія увѣнчана была корма корабля, который Аѳиняне отправляютъ въ Делось.

Эхекр. А что это за корабль?

Фед. Это, по словамъ Аѳинянъ, тотъ корабль, на которомъ Тезей, привезши нѣкогда въ Критъ тѣхъ извѣстныхъ четырнадцать человѣкъ, и ихъ спасъ, и самъ спасся. Рассказываютъ, будто Аѳиняне въ то время дали обѣтъ Аполло-
 в. ну, что они будутъ ежегодно отправлять въ Делось священное посольство, если спутники Тезея спасутся ¹. Такое-то посольство они всегда и отправляли, да и нынѣ еще ежегодно отправляютъ. Когда же наступитъ этотъ праздникъ, по ихъ закону, городъ соблюдается чистымъ, и публичныхъ смертныхъ казней не бываетъ, пока корабль не достигнетъ Делоса и не приплыветъ обратно. Иногда, если путешественниковъ задерживаютъ вѣтры, это плаваніе совершается въ довольно долгое время. Праздникъ начинается, какъ скоро
 с. жрецъ Аполлона увѣнчиваетъ корму корабля, что случилось, какъ я сказалъ, наканунѣ осужденія. Поэтому для Сократа въ темницѣ промежутокъ между осужденіемъ и смертію былъ продолжителенъ.

Эхекр. Такъ что же скажешь ты о самой смерти его, Федонъ? Что было говорено и дѣлано? Кто изъ приближенныхъ находился при этомъ человѣкѣ? или архонты не позволяли приходить къ нему, и онъ умеръ, не видя друзей?

¹ Обычай Аѳинянъ ежегодно отправлять въ Делось священное посольство основывался на слѣдующемъ мифѣ: Критскій царь Миносъ, въ отмщеніе за смерть своего сына Андрогейя, осадилъ Аѳины. Доведенные этою осадой до крайности, Аѳиняне вступили съ нимъ въ условія и, по его требованію, обѣщались чрезъ каждые восемь лѣтъ присылать на островъ Критъ по семи дѣвочекъ и по столько же мальчиковъ, для принесенія ихъ въ жертву Минотаврѣ, который и пожиралъ ихъ въ лабиринтъ. Это обѣщаніе два осмилѣтія исполнялось вѣрно. Но въ третье обреченныхъ аѳинскихъ жертвъ положено было отправить съ Тезеемъ, чтобы онъ убилъ Минотавра и избавилъ Аѳинянъ отъ платежа этой кровавой дани. Посылавъ Тезея съ такою цѣлію, Аѳиняне дали обѣтъ ежегодно отправлять торжественное посольство въ дельфійскій храмъ Аполлона, если Тезей и самъ спасется, и его спутники. Plut. vit. Thesei p. 6 sq. Pausan. 1, 27. p. 67.

Фед. О, нѣтъ, съ нимъ были нѣкоторые, даже многіе. D.

Эхекр. Постарайся же рассказать намъ обо всемъ съ возможною подробностію, если ничто не отвлекаетъ тебя.

Фед. Я теперь свободенъ и расскажу вамъ тѣмъ охотнѣе, что и для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ вспоминать о Сократѣ, самъ ли говорю о немъ, или слушаю другаго.

Эхекр. Да и въ слушателяхъ своихъ, Федонъ, ты найдешь людей, подобныхъ тебѣ: такъ постарайся объяснить намъ все, сколько можешь, обстоятельнѣе.

Фед. Находясь у Сократа, я испыталъ что-то удивитель- E.
ное. Во мнѣ даже не возбуждалось и сожалѣнія о другѣ, тогда какъ онъ былъ столь близокъ къ смерти. Онъ казался мнѣ, Эхекратъ, блаженнымъ—и по состоянію его духа, и по словамъ: онъ умиралъ столь безтрепетно и великодушно, что и самое отшествіе его въ преисподнюю, думалъ я, совершается не безъ божественнаго жребія, что онъ и тамъ будетъ счастливѣе, нежели кто другой. Потому-то во мнѣ не возбуж- 59.
далось ни особеннаго сожалѣнія, какому слѣдовало бы быть при тогдашнемъ бѣдствіи, ни удовольствія—отъ того, что мы по обыковенію, философствовали: а разговоръ былъ въ самомъ дѣлѣ философскій. Напротивъ, живо представляя, что Сократъ долженъ скоро умереть, я питалъ какое-то странное чувство, какую-то необыкновенную смѣсь удовольствія и скорби. Да и всѣ присутствовавшіе были почти въ такомъ же расположеніи духа: то смѣялись, то плакали,—особенно одинъ изъ насъ, Аполлдоръ ¹. Ты знаешь, можетъ быть, этого человѣка и нравъ его.

Эхекр. Какъ не знать.

B.

¹ И Платонъ, и его современники описываютъ Аполлдора, какъ чело-
вѣка, сильно преданнаго Сократу и отличавшагося особенною живостію и
чувствительностію. Поэтому онъ быстро переходилъ отъ радости къ печали
и обратно, и нисколько не показывалъ мужескаго хладнокровія, за что въ
одномъ мѣстѣ Платонова Симпосіона (р. 173 D.) получилъ прозваніе *τοῦ μα-
κίκοῦ*. Характеръ его и сердце хорошо описываетъ *Wolfius* (Praefat. ad
Sympr. p. 41). А *Элианъ* (V. Н. 1. 16) забавно рассказываетъ, что Аполло-
доръ принесъ въ темницу прекрасное платье, чтобы Сократъ умеръ не
иначе, какъ въ красивой одеждѣ.

Фед. Такъ вотъ онъ находился точно въ такомъ состояніи духа; да и самъ я былъ возмущенъ, и другіе.

Элекр. А кто тогда случился у него, Федонъ?

Фед. Изъ соотечественниковъ пришли: этотъ Аполлоторъ, Критовулъ и отецъ его Критонъ ¹, также Гермогенъ, Эпигенъ, Эсхинъ ² и Антисоенъ ³; пришли еще: Ктизиппъ ⁴ пѣанскій, Менексенъ ⁵ и другіе соотечественники; а Платонъ, кажется, былъ нездоровъ.

Элекр. Были и какіе нибудь иностранцы?

с. *Фед.* Да; Симміасъ Фивянинъ, Кевисъ ⁶ и Федонъ, также Эвклидъ ⁷ изъ Мегары и Терпсіонъ.

Элекр. А были ли Аристиппъ ⁸ и Клеомвротъ?

Фед. Ну нѣтъ; сказывали, что они находились въ Эгинѣ.

Элекр. Кто же еще былъ?

Фед. Кажется, почти только эти.

¹ Критонъ, именемъ котораго названъ одинъ изъ діалоговъ Платона, имѣлъ четырехъ сыновей: Критовула, Гермогена, Эпигена и Ктизиппа. См. *D. Laert.* 11. 121. Но упоминаемый здѣсь Гермогенъ, кажется, былъ сынъ Иппоника, братъ Калліаса, о которомъ *Heindorf.* ad *Cratyl.* § 3. И присутствовавшій тутъ Эпигенъ былъ не сынъ Критона, а безъ сомнѣнія тотъ, о которомъ упомянуто въ Апологіи Сократа (р. 33 E. et *Xenoph.* memog. III. 12. 2), и котораго отецъ былъ Антифонъ.

² Объ Эсхинѣ сократическомъ см. *D. Laert.* II, 60—64.

³ Основатель философской школы Киниковъ, подражатель Сократа въ его воздержаніи и презрѣніи удовольствій. *Diog. Laert.* VI, 1—19. *Aelian.* L. H. 17. 35 al.

⁴ Ктизиппъ пѣанійскій, т. е. *ἐκ Παιανίας δῆμοϋ τῆς Πανδιονίδος φυλῆς* см. *Euthyd.* p. 273 A. et *Lysid.* p. 206 B.

⁵ Именемъ этого самаго Менексена названъ извѣстный діалогъ Платона. Онъ происходилъ изъ благороднаго дома (см. *Lysid.* p. 207. C.), рано сталъ заниматься философіею и слѣдовалъ какъ другимъ софистамъ, такъ особенно Ктизиппу. *Lys.* p. 206.

⁶ Симміасъ и Кевисъ—ученики Филолая, были преданнѣйшими друзьями Сократа (см. *Criton.* p. 45 B.).

⁷ Это тотъ самый Эвклидъ, который впоследствии основалъ Мегарскую школу, называвшуюся также эристической или діалектической. *D. Laert.* 11, 106—11. Онъ Терпсіону читаетъ разговоръ Сократа съ Теэтетомъ въ томъ діалогѣ, который надписанъ именемъ Теэтета.

⁸ Извѣстный основатель киринейской школы. А о Клеомвротѣ говорятъ, что прочитавъ Платонова Федона, онъ бросился въ море. Отсюда эпиграмма *Каллимаха* p. 24.

Эхекр. Такъ чтожь? о чемъ говорили?

Фед. Я постараюсь пересказать тебѣ все сначала. Мы D. всегда, и въ прежніе дни, имѣли обыкновеніе приходиться къ Сократу, предварительно собравшись въ то судилище, въ которомъ происходилъ судъ, такъ какъ оно было близъ темницы. Здѣсь, разговаривая между собою, мы каждый разъ ожидали, пока отпустятъ темницу; ибо отпирали ее не рано: когда же она была отперта, входили къ Сократу и по большей части проводили съ нимъ цѣлый день. Но въ послѣдній разъ собрались мы гораздо ранѣе; потому что, выходя изъ темницы вечеромъ наканунѣ того дня, узнали, что корабль уже возвратился изъ Делоса, и дали другъ другу обѣщаніе E. сойтись въ извѣстномъ мѣстѣ какъ можно ранѣе. Пришли; но сторожъ, обыкновенно отворявшій намъ дверь, вышелъ и сказалъ, чтобы мы подождали и не входили, пока Сократъ самъ не позоветъ насъ; потому что теперь, прибавилъ онъ, одиннадцать судей снимаютъ съ него оковы и объявляютъ, какую смертію въ этотъ день онъ долженъ умереть. Спусти немного послѣ того, сторожъ опять вышелъ и приказалъ намъ войти. Входимъ и видимъ Сократа только что освобожден- 60. нымъ отъ оковъ; подлѣ него сидитъ Ксантиппа (ты, конечно, знаешь ее) и держитъ дитя. Какъ скоро она увидѣла насъ, тотчасъ подняла вопль и начала говорить все, что говорятъ женщины, на примѣръ: о Сократъ! вотъ друзья твои съ тобою и ты съ друзьями — бесѣдуете уже въ послѣдній разъ. Но Сократъ, взглянувъ на Критона, сказалъ: Критонъ! пусть кто нибудь отведетъ ее домой. Тогда нѣкоторые изъ Критоновыхъ слугъ повели ее, а она кричала и ударяла себя въ грудь.

Между тѣмъ Сократъ, приподнявшись на скамьѣ, подо- B. гнулъ ногу, сталъ потирать ее рукою и, потирая, сказалъ: Друзья! какъ страннымъ кажется мнѣ то, что люди называютъ пріятнымъ! Въ какой удивительной связи находится оно съ скорбію, хотя послѣдняя, повидимому, противоположна первому! Взятые вмѣстѣ, они не уживаются въ человѣкѣ: но кто ищетъ и достигаетъ одного, тотъ почти

вынуждается всегда получать и другое, какъ будто эти двѣ крайности соединены въ одной вершинѣ ¹. Если бы С. такая мысль, продолжалъ Сократъ, представилась Езопу, то онъ, кажется, сложилъ бы басню, что Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, но не могли это сдѣлать, сростилъ ихъ вершины: слѣдовательно, кому досталась одна изъ нихъ, тотъ за нею получаетъ и другую. Вотъ такъ и самъ я—отъ оковъ прежде чувствовалъ въ своей ногѣ боль; а теперь за болью, кажется, слѣдуетъ что-то пріятное.—Клянусь Зевсомъ, Сократъ, подхватилъ Кевисъ, ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ. Меня уже спрашивали и другіе, а недавно и Эвинъ, о тѣхъ D. стихотвореніяхъ, которыя ты написалъ, перелагая рассказы Езопа, и о прологѣ Аполлону: чтó это вздумалось тебѣ писать стихи, пришедши сюда, между тѣмъ какъ прежде ты никогда и ничего не писывалъ? Если, по твоему мнѣнію, мнѣ надобно отвѣчать Эвину, когда онъ опять спроситъ меня (а я вѣрно знаю, что спроситъ); то скажи, каковъ долженъ быть мой отвѣтъ.—Отвѣчай ему правду, Кевисъ, что я написалъ это, не думая быть соперникомъ ни ему, E. ни его твореніямъ,—ибо зналъ, что такое соперничество не легко,—но желая испытать значеніе нѣкоторыхъ сновъ и успокоить совѣсть,—не этою ли часто повелѣвалось мнѣ заниматься музыкою ². Дѣло вотъ въ чемъ. Въ протекшей моей жизни не рѣдко повторялся у меня сонъ, который,

¹ Точка зрѣнія Сократа здѣсь очевидно феноменальная, а заключеніе дѣлается къ началу ноуменальному Съ этой точки зрѣнія человѣкъ—всегда въ противоположностяхъ, доказывающихъ ограниченность его природы самой въ себѣ, или то, что чувственное въ немъ ограничено духовнымъ, и наоборотъ. Это-то и есть сращеніе противоположностей въ вершинѣ. Отсюда Сократъ могъ бы также заключить, что чѣмъ живѣе чувствовалось удовольствіе, тѣмъ сильнѣйшее готовится чувство скорби.

² Помню, что когда вышло первое изданіе моего перевода Платоновыхъ сочиненій, нѣкоторымъ читателямъ не понравилось употребленное здѣсь слово *Музикія* (*μουσική*): Теперь я замѣняю его словомъ *музыка*, но прошу замѣтить, что подъ именемъ музыки у Платона разумѣются всѣ занятія и искусства, относившіяся къ области Музъ, и что высшимъ изъ этихъ занятій—высшею музыкою онъ почиталъ философію: о гармоніи же звуковъ тутъ и рѣчи нѣтъ.

представляясь въ разныхъ видахъ, говорилъ всегда одно и то же: Сократъ! производи и преподавай музыку. И я въ прежнее время всѣмъ занимался въ той мысли, что къ этому располагаетъ и возбуждаетъ меня сновидѣніе, что какъ на 61. скороходовъ имѣютъ вліяніе возбуждатели, такъ на меня, въ моей работѣ,—оно, повелѣвавшее заниматься музыкою; ибо философія, думалъ я, есть величайшая музыка, и ею долженъ я заниматься. Но потомъ, когда судъ былъ конченъ, а божій праздникъ препятствовалъ мнѣ умереть,—я подумалъ: ну что, если сонъ многократно возбуждалъ меня трудиться надъ народною музыкою? вѣдь надобно трудиться, а не отвергать внушенія; потому что безопаснѣе умереть, когда, повинувшись сновидѣнію, успокоишь совѣсть чрезъ сочиненіе В. стихотвореній. Поэтому сначала я написалъ гимнъ богу, которому тогда приносима была жертва; а послѣ бога, разсудивъ, что поэту, если онъ хочетъ быть поэтомъ, надобно излагать не рассказы, а вымыслы, и не находя въ себѣ способности вымышлять, я переложилъ въ стихи первыя попавшіяся мнѣ изъ тѣхъ басенъ Езопа, которыя были у меня подъ рукою и въ памяти. Такъ вотъ что отвѣчай Эвину, Кевись: да пусть онъ будетъ здоровъ и, если разсуждаетъ здраво, пусть скорѣе бѣжитъ за мною. Я, какъ видно, отхожу сегодня: такова воля Аѳинянъ.— С. Но Симміасъ сказалъ: что ты это, Сократъ, совѣтуешь Эвину? Вѣдь я уже много разъ разговаривалъ съ нимъ и, сколько понимаю, онъ охотно никакъ не послушаетъ тебя.— Почему же, возразилъ Сократъ? развѣ Эвинъ не философъ¹?— Кажется, философъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Слѣдовательно захочетъ и Эвинъ, и всякій, достойно принимающій участіе въ этомъ дѣлѣ. Конечно, онъ, можетъ быть, не наложитъ на себя рукъ; ибо это, говорятъ, незаконно.— Тутъ Сократъ

¹ Эвинъ, — по роду своихъ сочиненій, поэтъ, тѣмъ не менѣе объявлялъ себя софистомъ и за уроки бралъ съ учениковъ по пяти минъ. *Apolog. Xenoph.* с. IV. Такъ какъ софистовъ называли и философами, то Сократъ, примѣняясь къ народному понятію, не безъ ироніи, конечно, даетъ ему это имя.

Д. спустилъ ноги со скамьи на полъ и, сидя въ такомъ положеніи, продолжалъ бесѣдовать.

Кевись спросилъ его: ты говоришь, Сократъ, что наложить на себя руки незаконно, а между тѣмъ философу можно хотѣть слѣдовать за умирающимъ? — Такъ что же, Кевись? развѣ ты и Симміасъ не слышали объ этомъ отъ Филолая ¹, когда обращались съ нимъ? — По крайней мѣрѣ ничего яснаго, Сократъ. — Впрочемъ и я знаю только по слуху; однакожъ, чтò слышалъ, того не скрою. Да человѣку, собирающемуся перейти въ другую жизнь, и весьма прилично, можетъ быть, разсуждать ² и толковать о ней и о томъ, Е. какова она будетъ. Кто бы и сталъ дѣлать что-нибудь иное нынѣ до захожденія солнца? — Такъ почему же говорятъ, Сократъ, что лишать жизни самого себя незаконно? Теперешнее твое сужденіе я уже слышалъ и отъ Филолая, когда онъ жилъ у насъ; знаю и отъ другихъ, что дѣлать этого не надобно: но ясно ни отъ кого и никогда не слыхивалъ.

62. — Должно сильнѣе желать, сказалъ Сократъ; такъ авось услышишь. Можетъ быть, для тебя покажется удивительнымъ, что это одно изъ всего безусловно справедливо, и что не случается, какъ въ прочихъ дѣлахъ, чтобы только инымъ людямъ и только иногда было лучше умереть, нежели жить, а другимъ другое. Если же человѣку лучше ³ умереть; то ты, вѣроятно, удивишься, почему бы онъ поступилъ нечестиво, благодѣтельствуя самому себѣ, и зачѣмъ бы ему ожидать дру-

¹ Филолай, родомъ Кротонецъ, ученикъ Архита, знаменитый философъ пнеагорейской школы, жилъ нѣсколько времени въ Эпихъ и преподавалъ свое ученіе. Здѣсь между прочими его слушателями были Спимміасъ и Кевись, прежде чѣмъ стали они слушать Сократа.

² *Μεθολογῆν* въ этомъ контекстѣ значить не баснословить, а разсуждать о предметахъ темныхъ, сокровенныхъ или метафизическихъ. Сравни *Legg. 1. p. 632 E. Apolog. p. 39 E. Phaedr. p. 279 E.* Въ этомъ же смыслѣ и выше (61. В) слово *μεθολογῆν* противопоставляется *τῷ λόγῳ*.

³ Скрывающаяся въ этихъ словахъ мысль Сократа можетъ быть выражена слѣдующимъ силлогизмомъ: всѣ люди желаютъ себѣ самаго лучшаго (эта мысль Сократомъ опущена); но самое лучшее для людей есть посмертная жизнь; слѣдовательно всѣмъ людямъ лучше желать умереть.

гаго благодѣтеля.—Тутъ Кевись, слегка улыбнувшись, сказалъ: Зевсъ знаетъ, чтò говорить онъ!—Конечно, съ первого взгляда это можетъ показаться безсмыслицей, замѣтилъ В. Сократъ; однакожь въ моихъ словахъ есть нѣкоторый смыслъ. Изреченіе, находящееся въ тайномъ ученіи, что мы, люди, живемъ въ какой-то темницѣ, а потому сами собою не должны освобождаться изъ нея и уходить, мнѣ представляется слишкомъ высокимъ и неудобо-разсмотримымъ: но то, Кевись, по моему мнѣнію, хорошо сказано, что боги суть наши попечители, а мы—одно изъ ихъ стяжаній. Или ты не такъ думаешь, Кевись?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Но если С. бы которое-нибудь изъ твоихъ стяжаній, продолжалъ Сократъ, захотѣло умертвить само себя, независимо отъ твоего соизволенія на эту смерть; то не прогнѣвался ли бы ты на него и не подвергъ ли бы его наказанію, какому можешь? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Значить, благоразуміе требуетъ умерщвлять себя не прежде, какъ тогда, когда богъ пошлетъ необходимость, въ какую теперь поставлены мы. — Правда, что такъ, сказалъ Кевись; но то твое положеніе, Сократъ, кажется страннымъ, будто философамъ легко же- D. лать смерти, особенно когда мы одобрили мнѣніе, что Богъ есть нашъ попечитель, а мы его стяжаніе. Люди мудрѣйшіе не имѣютъ причины не скорбѣть, оставляя такое служеніе, къ которому они призваны самыми добрыми распорядителями вещей — богами; ибо вѣрно не думаютъ они, что, сдѣлавшись свободными, лучше позаботятся о самихъ себѣ. Глупый, можетъ быть, и возразить, что надобно бѣжать отъ господина, такъ какъ не умѣетъ размыслить, что отъ E. добраго бѣжать никакъ не должно, а должно тѣмъ болѣе оставаться съ нимъ, и что побѣгъ былъ бы дѣломъ безумнымъ: но мудрому, кажется, естественно желать всегда быть съ тѣмъ, кто лучше его. Такъ-то, Сократъ; мнѣ представляется противное тому, чтò сейчасъ говорилъ ты: людямъ мудрымъ при смерти прилично скорбѣть, а радоваться въ этомъ случаѣ свойственно лишь глупымъ. — Выслушавъ

63. это, Сократъ, казалось, былъ доволенъ изслѣдовательностію Кевиса и, взглянувъ на насъ, сказалъ: Кевисъ непременно всегда испытываетъ мысль и съ перваго раза никакъ не вѣрить тому, что кто утверждаетъ. — Да и точно, Сократъ, подхватилъ Симміасъ, мнѣ самому думается, что Кевисъ, по крайней мѣрѣ теперь, говоритъ дѣло; ибо съ какою цѣлію люди мудрые могли бы бѣжать отъ господъ, дѣйствительно лучшихъ, нежели сами, и легкомысленно оставлять ихъ? Его рѣчь, повидимому, направлена противъ тебя, такъ какъ ты столь равнодушно оставляешь и насъ и боговъ, в. которыхъ самъ же считаешь добрыми властителями. — Вы правы, сказалъ Сократъ; я вижу цѣль вашихъ словъ: вамъ хочется, чтобы я защищался противъ этого обвиненія, какъ въ судѣ. — Совершенно такъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Хорошо, продолжалъ Сократъ; постараюсь оправдаться предъ вами успѣшнѣе, чѣмъ предъ судьями. Если бы я не думалъ, Симміасъ и Кевисъ, что, во-первыхъ, пойду къ инымъ мудрымъ и благимъ богамъ, во-вторыхъ, къ умершимъ людямъ, луч- с. шимъ, нежели эти; то былъ бы виноватъ, не скорбя при смерти. Но теперь—знайте, я надѣюсь увидѣться съ добрыми людьми, хотя не смѣю утверждать это слишкомъ рѣшительно; а что предстану предъ добрыхъ владыкъ, боговъ, — это, повѣрьте, могу доказать столь же рѣшительно, какъ что-либо другое. Потому-то и не скорблю, а надѣюсь, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ, какъ издревле говорится, гораздо лучше, нежели злымъ. — Такъ что же, Сократъ? сказалъ Симміасъ. Питая въ умѣ такую d. мысль, ужели ты отойдешь, не передавъ ея намъ? Вѣдь въ этомъ благѣ, думаю, мы всѣ должны имѣть свою часть. Притомъ, вотъ тебѣ и оправданіе, если убѣдишь насъ въ истинѣ своихъ словъ. — Хорошо, постараюсь, отвѣчалъ Сократъ. Но прежде посмотримъ, что такое давно уже, кажется, хочетъ сказать мнѣ Критонъ. — Сказать нечего, Сократъ, кромѣ того, что человекъ, имѣющій дать тебѣ ядъ, безпрестанно твердитъ мнѣ, чтобы ты какъ можно менѣе разго-

варивалъ; потому что разговаривающіе, по его словамъ, слишкомъ разгорячаются, а предъ принятіемъ яда этого быть не должно: въ противномъ случаѣ иногда бываетъ нужно E. повторять пріемъ два и три раза ¹.—Оставь его, сказалъ Сократъ; пусть только готовитъ свое, чтобы дать мнѣ ядъ—и дважды, а если потребуется, и трижды. — Я-то почти зналъ это, отвѣчалъ Критонъ; да онъ непрестанно докучаетъ мнѣ.—Оставь его, сказалъ Сократъ.

Теперь я хочу дать отчетъ вамъ—моимъ судьямъ, что человекъ, искренно посвящающій жизнь свою философіи, встрѣтитъ смерть, какъ мнѣ кажется, мужественно и съ на- 64. деждою—по кончинѣ, за гробомъ, получить величайшія блага. А какъ это и почему такъ будетъ, Симміасъ и Кевисъ, постараюсь высказать. Для иныхъ, должно быть, незамѣтно, что люди, истинно преданные философіи, ничего другаго не имѣютъ въ виду, какъ только умирать и умереть. Если же такъ, то какая странность—желать этого весь вѣкъ и скорбѣть по достиженіи той цѣли, къ которой давно стремились и готовились!—Тутъ Симміасъ улыбнулся и сказалъ: клянусь Зевсомъ, Сократъ! ты заставляешь меня смѣяться, хотя те- B. перь я вовсе не расположенъ къ смѣху. Еслибы слышала тебя толпа, то мнѣніе твое о философахъ показалось бы ей, думаю, очень хорошимъ, и всѣ, по крайней мѣрѣ у насъ, похвалили бы ту мысль, что истинные философы желаютъ умереть; потому что и сами они признаютъ ихъ достойными такого жребія.—Да и справедливо похвалили бы, Симміасъ, если бы понимали свою похвалу: но они не знаютъ, умрутъ ли истинные философы, достойны ли они смерти, и какой именно достойны смерти. Оставимъ пока толпу, продолжалъ C. Сократъ, и будемъ разсуждать между собою. Почитаемъ ли

¹ Петитъ (Observ. miscell. 1, 17), основываясь на одномъ мѣстѣ Плу- тарха, старался доказать, что упоминаемый здѣсь исполнитель смертнаго приговора одиннадцати судей хотѣлъ убѣдить Сократа, чтобы онъ меньше говорилъ, побуждаясь къ этому не состраданіемъ, а корыстію; ибо, по обычаю, долженъ былъ покупать ядъ на свои деньги и за каждый пріемъ его платить двѣнадцать драхмъ.

мы что-нибудь смертію?—Конечно, отвѣчалъ Симміасъ.—Не есть ли она отрѣшеніе души отъ тѣла? Умереть не то ли значить, что и тѣло, отрѣшенное отъ души, существуетъ особо, само по себѣ, и душа, отрѣшившаяся отъ тѣла, существуетъ сама по себѣ? Иное ли что-нибудь, или это называется смертію?—Это, а не иное, отвѣчалъ онъ.—Смотри же, добрякъ, не то ли покажется и тебѣ, что мнѣ: вѣдь отъ сюда-то особенно мы уразумѣемъ предметъ своего изслѣдованія. Думаешь ли, что философу свойственно заботиться о тѣхъ, такъ называемыхъ, удовольствіяхъ, которыя состоятъ въ пищѣ и питъѣ?—Всего менѣе, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ.—Ну, а объ удовольствіяхъ любви?—Отнюдь нѣтъ.—Что еще? думаешь ли, что такой человѣкъ считаетъ уважительнымъ всякое другое попеченіе, относящееся къ тѣлу? Напримѣръ, цѣнить онъ или не цѣнить приобрѣтеніе отличной одежды, обуви, и иныхъ украшеній тѣла, когда нѣтъ

Е. большой необходимости прибрѣсть ихъ?—Истинный философъ, кажется, не цѣнитъ этого, сказалъ Симміасъ.—Слѣдовательно, тебѣ вообще кажется, продолжалъ Сократъ, что его дѣятельность направлена не къ тѣлу, что онъ, сколько возможно, удаляется отъ него и обращается къ душѣ?—Кажется.—Значить, философа можно узнать прежде всего по тому, что онъ-то особенно,—болѣе чѣмъ прочіе люди,

65. устраняетъ душу отъ сообщенія съ тѣломъ.—Повидимому такъ.—А вѣдь многимъ, Симміасъ, вѣроятно представляется, что безъ подобныхъ пріятностей и безъ участія въ нихъ не стоитъ жить, что не заботящійся объ удовольствіяхъ, относящихся къ тѣлу, живетъ близъ смерти.—Ты говоришь очень справедливо.—Но что думать о самомъ прибрѣтеніи разумнѣя? Препятствуетъ, или нѣтъ, тѣло, когда кто беретъ

В. его въ часть для такого прибрѣтенія? Я хочу сказать,—зрѣніе и слухъ представляютъ ли людямъ какую-нибудь истину, какъ безпрестанно щебечуть намъ по крайней мѣрѣ поэты? или мы не слышимъ и не видимъ ничего опредѣленнаго? Если же эти чувства невѣрны и неясны, то прочія и того менѣе;

ибо всѣ они, конечно, хуже этихъ. Или тебѣ не кажется?—
 Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Итакъ, когда же душа ка-
 сается истины? спросилъ Сократъ. Намѣреваясь вмѣстѣ съ
 тѣломъ изслѣдовать что-нибудь, она, очевидно, бываетъ имъ
 обманываема.—Твоя правда.—Слѣдовательно, если чѣмъ, С.
 то мышленіемъ открывается ей нѣчто существенное? —
 Да.—Но мыслить она лучше, вѣроятно, тогда, когда ничто
 не беспокоитъ ея,—ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удо-
 вольствіе, когда, оставивъ тѣло и, сколько возможно, удалив-
 шись отъ общенія съ нимъ, она бываетъ совершенно одна,
 сама по себѣ, и стремится къ сущему.—Такъ.—Значить, D.
 здѣсь душа философа вовсе не цѣнитъ тѣла и, убѣгая отъ
 него, старается быть сама съ собою?—Думаю.—А что ска-
 жешь на слѣдующіе вопросы, Симміасъ? Называемъ ли мы
 что-нибудь справедливымъ, или не называемъ?—Называемъ,
 клянусь Зевсомъ.—Равнымъ образомъ,—хорошимъ и доб-
 рымъ?—Какъ же.—Но такія вещи видалъ ли ты когда-ни-
 будь глазами?—Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—А касался ли
 ихъ которымъ-нибудь другимъ чувствомъ тѣла? (разумѣю
 все подобное, какъ-то: величину, здоровье, силу,—однимъ
 словомъ, сущность всего, т. е. что такое самъ по себѣ каж-
 дый изъ этихъ предметовъ). Тѣломъ ли созерцается истин- E.
 ная сторона ихъ, или это бываетъ такъ, что кто болѣе и
 основательнѣе приготовленъ къ уразумѣнію разсматривае-
 маго предмета, тотъ ближе и къ познанію его?—Безъ сомнѣ- 66.
 нія.—А подобное понятіе не тотъ ли пріобрѣтаетъ чище, кто
 будетъ обращаться къ каждому предмету именно одною мыс-
 лью, не присоединяя къ размышленію зрѣнія и не увлекая за
 умомъ никакого другаго чувства, кто будетъ пользоваться
 просто мыслію, самою по себѣ, и постарается уловить каж-
 дое сущее, само по себѣ, непремѣнно отказавшись и отъ
 глазъ, и отъ ушей и, такъ сказать, отъ всего тѣла, поколику
 своимъ участіемъ оно возмущаетъ душу и не позволяетъ ей
 пріобрѣсть истину и разумѣніе? Не этотъ ли болѣе, Сим-
 міасъ, чѣмъ кто другой, постигаетъ сущее?—Ты, Сократъ,

говоришь чрезвычайно какъ справедливо, сказалъ Сим-
 В. міась.—Но изъ всего этого, продолжалъ Сократъ, у людей,
 сознательно философствующихъ, не должно ли образоваться
 нѣкоторое опредѣленное мнѣніе, такъ какбы они рассу-
 дали между собою слѣдующимъ образомъ: вѣроятно, есть
 какая-то стезя, которая въ дѣлѣ изслѣдованія ведетъ насъ съ
 однимъ умомъ; потому что мы никогда не приобретаемъ
 вполне того, чего желаемъ и что называемъ истиною, пока
 облечены въ тѣло, и доколѣ наша душа смѣшана съ этимъ
 зломъ ¹? Въ самомъ дѣлѣ, тѣло запутываетъ насъ въ беско-
 С. нечныя хлопоты и ради того уже, что ему необходима пища;
 а иногда еще пристають болѣзни и возбраняють намъ входъ
 къ существу. Тѣло также наполняетъ насъ сладострастіемъ,
 пожеланіями, страхомъ, различными призраками и многими
 пустяками: поэтому дѣйствительно правду говорятъ, что
 подъ вліяніемъ тѣла и размыслить о чемъ-нибудь некогда.
 Да и войны, и бунты, и битвы откуда происходятъ, какъ не
 отъ тѣла и его пожеланій? Въдь всѣ войны воспаляются
 D. для пріобрѣтенія имущества; а имущество мы понуждаемся
 пріобрѣтать въ пользу тѣла, которому рабски служимъ. Та-
 кимъ образомъ для философіи-то у насъ и не остается време-
 ни. Но послѣ всего, если и представляется намъ какой досугъ,
 и мы обращаемся къ разсматриванію чего-нибудь; то во вре-
 мя изслѣдованій тѣло непременно опять припутается, произ-
 ведетъ шумъ, замѣшательство и тревогу, такъ что мы и не
 можемъ уже видѣть истину, а только полагаемъ за вѣрное,
 что когда хотимъ что-нибудь узнать чисто,—должны отвязать-
 ся отъ тѣла и созерцать самыя вещи самою ² душою. Зна-

¹ Сократъ здѣсь стоитъ, очевидно, на пиеагорейской точкѣ зрѣнія, утверж-
 дая, что тѣло есть положительное начало зла, а не просто — планетное пре-
 пятствіе созерцать истину, сколько она доступна ограниченной человѣческой
 душѣ. Языческій взглядъ на человѣка не могъ возвыситься къ мысли объ
 источникѣ зла въ самой душевной его природѣ, независимо отъ тѣла, и ве-
 сти въ сознание порчу, которою заражена его душа, со всѣми ея силами и
 съ самымъ умомъ.

² Есть, то-есть, въ нашей душѣ нѣчто такое, долженъ былъ бы сказать

читать, разумѣніе, которое почитаемъ предметомъ своего желанія и любви, мы, по всей вѣроятности, приобрѣтемъ тогда, Е. когда умремъ, а въ жизни не найдемъ его; потому что если съ тѣломъ нельзя ничего узнать чисто, то выходитъ одно изъ двухъ: знаніе или никогда не возможно, или возможно по смерти, такъ какъ по смерти, а не прежде, душа будетъ существовать сама по себѣ, безъ тѣла. Живя же, мы только въ той 67. мѣрѣ, какъ видно, становимся ближе къ знанію, въ какой наименѣе, кромѣ крайней необходимости, обращаемся и сообщаемся съ тѣломъ, и не оскверняемъ его природою, но очищаемся отъ него, доколѣ самъ Богъ не отрѣшитъ насъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ чистыми, чрезъ отрѣшеніе отъ безсмыслія тѣла, мы, вѣроятно, сойдемся и съ подобными намъ существами и сами собою узнаемъ все простое (а простое, В. навѣрно, и есть истина); ибо нечистымъ касаться чистаго едва ли позволено. Это-то, Симміасъ, должны говорить другъ другу и проповѣдывать всѣ, прямо любознательные. Или тебѣ не такъ кажется?—Всего болѣе, Сократъ.—Если же такъ, другъ мой, продолжалъ Сократъ; то, отходя туда, куда отхожу я, можно смѣло надѣяться, что тамъ скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, мы вполнѣ приобрѣтемъ то, ради чего такъ много трудились въ протекшей своей жизни. Поэтому пред- с. писанное мнѣ теперь переселеніе сопряжено съ доброю надеждою для всякаго, кто увѣренъ, что его умъ какбы очищенъ и приготовленъ.—Безъ сомнѣнія, сказалъ Симміасъ.—А очищеніе не въ томъ ли состоитъ, какъ мы давно говоримъ, чтобы душа наиболѣе отдѣлялась отъ тѣла и привыкала изъ всѣхъ частей его собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ, чтобы, по мѣрѣ возможности, и въ настоящее время, и послѣ, жила она сама собою, освободившись D. отъ тѣла, какъ изъ темницы? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Но не это ли именно, не отрѣшеніе ли и отдѣленіе души отъ тѣла, называется смертію?—Разумѣется, сказалъ

Сократъ, что, не смотря на растлѣніе ея природы, нудить ее преслѣдовать истину, какбы законное ея достоиніе.

онъ.—Отрѣшить же ее, говоримъ, всегда стараются преимущественно тѣ, которые истинно философствуютъ, поколику занятіе философовъ въ томъ и состоитъ, чтобы отрѣшать и отдѣлять душу отъ тѣла ¹. Или нѣтъ? — Явно. — Итакъ не смѣшно ли было бы, какъ я говорилъ сначала, еслибы человѣкъ, своею жизнію приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла

Е. бы къ нему? Не смѣшно ли было бы? — Какъ не смѣшно? — И въ самомъ дѣлѣ, Симміасъ, люди, истинно философствующие стремятся умереть, и смерть имъ менѣе страшна, чѣмъ кому-нибудь. Суди по этому: кто непрестанно досадуетъ на свое тѣло и желаетъ имѣть душу саму по себѣ, а случись это, — боится и скорбитъ; тотъ не безумецъ ли, что безъ радости отходить туда, гдѣ есть надежда удовле-

68. творить желанію цѣлой жизни (предметомъ желанія было разумѣніе) и освободиться отъ сотоварища, на котораго онъ досадуетъ? Многіе, разлученные смертію съ людьми, которыхъ они любили, — съ женою, съ дѣтьми, охотно согласились бы сойти въ преисподнюю, — въ той надеждѣ, что тамъ увидятся и будутъ вмѣстѣ съ милыми существами: какъ же скорбѣть и невесело отходить умирающему, когда онъ дѣйствительно любитъ разумѣніе и сильно проникнуть

В. тою надеждою, что оно нигдѣ не пріобрѣтается столь совершенно, какъ въ преисподней? Вѣдомо такъ, другъ мой, — лишь бы то былъ истинный философъ; ибо ему живо представляется, что чистое разумѣніе для него нигдѣ такъ не доступно, какъ тамъ. Если же сейчасъ сказанное мною справедливо; то не великое ли было бы безуміе такому человѣку бояться смерти? — Въ самомъ дѣлѣ великое, клянусь

¹ Само собою разумѣется, что это — философія жизни, а не отвлеченная наука. У Сократа теорія и практика не должны были отдѣляться: знаніе безъ дѣла, по его мнѣнію, есть незнаніе, а дѣло безъ знанія есть произведеніе случая, или явленіе, происходящее *Zeig moira*. Но чтобы мысль Сократа о философіи, какъ объ отдѣленіи души отъ тѣла, совершенно оправдалась, надлежало бы только сказать, что истинный философъ долженъ отрѣшать душу отъ пожеланій, направленныхъ къ тѣлу.

Зевсомъ, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Итакъ, не есть ли это для тебя достаточный признакъ, сказалъ Сократъ, что человекъ, скорбящій при смерти, былъ любителемъ не мудрости, а тѣла? Любитель же тѣла, извѣстно, любить С. и деньги и честь, то-есть, либо что-нибудь одно изъ двухъ, либо то и другое. — Конечно бываетъ такъ, какъ ты говоришь, отвѣчалъ онъ. — А не правда ли, Симміасъ, что людямъ съ философскимъ расположеніемъ очень свойственно и такъ называемое мужество? — Непремѣнно, сказалъ онъ. — Не имъ ли однимъ, — уничижителямъ тѣла, провождающимъ жизнь въ философіи, свойственна и разсудительность, которую многіе ставятъ именно въ томъ, чтобы не увлекаться пожеланіями, но вести себя скромно и благочинно? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Вѣдь если ты захочешь представить себѣ мужество и разсудительность не въ такихъ людяхъ, продолжалъ Сократъ, то онѣ покажутся тебѣ чѣмъ-то страннымъ. — Почему же, Сократъ? — Знаешь ли, отвѣчалъ онъ, что смерть, по мнѣнію всѣхъ другихъ, есть одно изъ великихъ золъ? — И очень. — Значитъ, тѣ мужественные, когда подвергаются смерти, подвергаются ей изъ страха болѣе великихъ золъ? — Правда. — Следовательно, всѣ, кромѣ философовъ, бываютъ мужественны изъ боязни и страха. А быть мужественнымъ по причинѣ страха и робости въ самомъ дѣлѣ странно. — Безъ сомнѣнія. — Что еще? не таковы ли и благонравные между ними? то-есть, не изъ воздержанія ли они разсудительны? Мы хоть и говоримъ, что это невозможно, однакожъ, при такой нелѣпой разсудительности имъ свойственно нѣчто подобное; потому что, боясь лишиться однихъ удовольствій и желая ихъ, они, изъ угожденія имъ, воздерживаются отъ другихъ. Служеніе удовольствіямъ называется, конечно, воздержаніемъ: и однакожъ, служа однимъ удовольствіямъ, они одерживаютъ верхъ надъ другими; а это и походитъ на сказанное нами, что они бываютъ разсудительны какбы чрезъ воздержаніе. — Въ самомъ дѣлѣ походить. — Между тѣмъ для 69.

добродѣтели, добрый Симміасъ, была бы правою не та мѣна, чтобы мѣнять удовольствія на удовольствія, скорби на скорби, страхъ на страхъ, большее на меньшее, будто монеты. Нѣтъ, настоящая монета, на которую надобно мѣнять все, здѣсь од-
 В. на—разумѣніе: ею и за нее покупается и продается дѣйствительно—и мужество, и разсудительность, и справедливость, и вообще истинная добродѣтель, независимо отъ того, чувствует-ся ли при этомъ удовольствіе, либо страхъ, и прочее тому подобное, или не чувствуется. Когда же тѣ качества отдѣлены отъ разумѣнія и промѣниваются одно на другое, — подобная добродѣтель не будетъ ли обманчивымъ призракомъ, въ сущности дѣломъ рабскимъ, не заключающимъ въ себѣ ничего
 С. здраваго и истиннаго? Истинное-то не есть ли въ сущности очищеніе отъ всего такого? Не должно ли назвать и разсудительность, и справедливость, и мужество, и самое разумѣніе нѣкоторымъ очищеніемъ ¹? Надобно полагать, что и тѣ учредители таинствъ были не плохіе люди, когда давно уже гадали ², что кто сойдетъ въ преисподнюю неосвященнымъ и несовершеннымъ, тотъ будетъ лежать въ тинѣ, а очищенный и совершенный, пришедши туда, станетъ жить съ богами. Служители таинствъ говорятъ, что носителей баху-
 D. совыхъ жезловъ ³ много, да Бахусовъ-то мало. А эти, по моему мнѣнію, суть не кто другіе, какъ истинные философы. Отъ нихъ-то и я, сколько могъ, не отставалъ въ своей

¹ Очищеніе, по изслѣдованіямъ Крейцера (Symb. VI, 347), почиталось первою степенью посвященія въ таинства. Θεὸν смирнскій говоритъ (Mathem. p. 18), что такихъ степеней было пять: первая — καθαρμός, вторая — ἡ τῆς τελετῆς παράδοσις, третья — ἐποπτεία, четвертая — ἀνάθεσις καὶ στεμμάτων ἐπίθεσις, пятая — τὸ θεοφιλές καὶ θεοῦ συνδίατος εὐδαιμονία.

² Олимпіодоръ полагаетъ, что здѣсь указывается на слова одного мистическаго сочиненія, котораго авторомъ почитали Орфея. См. Fragment. Orph. p. 509. Herm. Numn. in Cerer. 485.

³ Вакхами называли также служителей и жрецовъ Діониса, совершавшихъ его оргіи. Эти Вакхи, при совершеніи оргій, носили жезлы съ зажженными факелами. Ὁ βακχεὺς δ' ἔχων πυρσώδῃ φλόγα πύκακας ἐκ νόρθηκος ἀΐσει... Schol. ad Aristoph. Equit. 406. Barnes. ad Euripid. Boeckh. 145 sqq. Значеніе Платоновыхъ словъ *Φισηεργ* выражаетъ такъ: multi prae se ferunt amorem et studium philosophiae, sed pauci sunt vere philosophi.

жизни, но всячески старался присоединиться къ нимъ. Стараніе мое было ли правильно и успѣшно — узнаемъ ясно, пришедши туда,—узнаемъ, какъ мнѣ кажется, скоро, если будетъ угодно Богу. Вотъ мое оправданіе, Симмиасъ и Кевись, прибавилъ Сократъ. Я справедливо не жалуясь и не скорблю, оставляя васъ и здѣшнихъ господъ; ибо надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми E. господами и друзьями, хотя толпѣ это и не вѣрится. Прекрасно было бы, если бы мое оправданіе убѣдило васъ болѣе, нежели аѳинскихъ судей.

Противъ этихъ словъ Сократа Кевись возразилъ: о всемъ прочемъ, Сократъ, ты говоришь хорошо; но что касается до души, то люди въ этомъ отношеніи очень недоумѣваютъ,— 70. существуетъ ли она гдѣ-нибудь, по отрѣшеніи отъ тѣла, или разрушается и уничтожается въ тотъ самый день, въ который человѣкъ умеръ, то-есть, отрѣшившись отъ тѣла и вышедши изъ него, разсѣвается, какъ воздухъ или паръ, тотчасъ улетаетъ, и уже нигдѣ отъ нея и ничего нѣтъ. Конечно, еслибы она въ самомъ дѣлѣ сосредоточивалась въ себѣ и избавилась отъ тѣхъ золь, о которыхъ ты теперь разсуждалъ; то мы имѣли бы великую и прекрасную надежду, что слова твои, Сократъ, истинны. Но для этого требуется, B. можетъ быть, не мало успокоенія и вѣры, что душа умершаго человѣка существуетъ, и что въ ней есть какая-то сила и разумѣніе.—Правда, Кевись, сказалъ Сократъ. Такъ что же дѣлать? не хочешь ли, потолкуемъ, вѣроятна моя мысль, или нѣтъ?—Что касается до меня, отвѣчалъ Кевись, то я съ удовольствіемъ послушалъ бы, каково твое объ этомъ мнѣніе?—Мнѣ кажется, никто, сказалъ Сократъ, даже и писатель комедій, слушая меня въ эту минуту, не скажетъ, что я пусто- C. словлю,—веду рѣчь не о томъ, о чемъ должно. Итакъ, если хочешь, надобно изслѣдовать. А изслѣдуемъ, существуютъ ли души умершихъ людей въ преисподней, или нѣтъ, вотъ какимъ образомъ. Есть преданіе, самое древнее, какое только помнимъ, что, переселившись туда, онѣ живутъ тамъ, и потомъ

опять приходятъ сюда и происходятъ изъ умершихъ. Если это справедливо, если, то-есть, живые происходятъ изъ умершихъ, D. то какъ же не существуютъ наши души тамъ? Въдъ не существуя, онѣ не произошли бы; и мы имѣли бы достаточный признакъ тамошняго ихъ существованія, еслибы для насъ въ самомъ дѣлѣ было ясно, что онѣ перешли въ жизнь не откуда болѣе, какъ изъ умершихъ: а когда этого нѣтъ, то нужно какое-нибудь иное доказательство. — Безъ сомнѣнія, сказалъ Кевисъ. — Впрочемъ, чтобы легче понять это, наблюдай нетолько надъ людьми, продолжалъ Сократъ, но и надъ всѣми животными и растеніями, — вообще надъ всѣмъ, въ чемъ видимъ E. происходимость. Не такъ ли все бываетъ, что противное происходитъ изъ противнаго, если ему есть что-нибудь противуположное, какъ, на примѣръ, похвальное — постыдному, справедливое — несправедливому, каковыхъ противуположностей безчисленное множество? Разсмотримъ-ка, не необходимо ли, чтобы вещи, противныя чему-нибудь, происходили не изъ чего болѣе, какъ изъ противнаго себѣ. Если, на примѣръ, что-нибудь сдѣлалось ббльшимъ, то не необходимо ли надлежало этому сперва быть меньшимъ, а потомъ возрасти 71. до ббльшаго? — Да. — А когда что-нибудь есть меньшее, то сперва оно, конечно, было ббльшимъ, потомъ уже стало меньшимъ? — Такъ, сказалъ онъ. — Подобнымъ образомъ изъ сильнѣйшаго происходитъ слабѣйшее, изъ быстрѣйшаго медленнѣйшее. — Безъ сомнѣнія. — Что же далѣе? Если вещь сдѣлалась хуже, то не изъ лучшей ли? — Изъ чего же иначе? — Значить, мы удовлетворяемся тѣмъ положеніемъ, заключилъ Сократъ, что все происходитъ такъ, — противное изъ противнаго ¹? — Безъ сомнѣнія. — Но что еще? нѣтъ ли чего-

¹ Въ этомъ мѣстѣ Платонъ почитаетъ необходимымъ происхождение противнаго изъ противнаго въ смыслѣ происхожденія матеріальнаго, а не формальнаго. По матеріи, вещи непрестанно измѣняются — увеличиваются и уменьшаются: но причина того, что онѣ — велики или малы, заключается не въ матеріи, а въ идѣ величины или малости, поколику та или другая идея становится формою извѣстной вещи *черезъ присущіе* (*διὰ τῆς παρουσίας*). Малое не мало безъ великаго; малое мало и не изъ великаго: но какъ скоро съ

нибудь, занимающаго средину между всѣми парами противоположностей, такъ какъ при двухъ противныхъ бываетъ два перехода, то-есть, отъ перваго противнаго во второе, и отъ В. втораго въ первое? Напримѣръ, между бѣльшимъ и меньшимъ есть и возрастаніе и умаленіе, и мы говоримъ, что одно растетъ, другое умаляется.—Да, отвѣчалъ онъ.—Значить, и раздѣляться, и смѣшиваться, и охлаждаться, и согрѣваться—все такимъ же образомъ. Хотя словами мы иногда и не выражаемъ этого, однакожь на дѣлѣ необходимо, чтобы одно взаимно происходило изъ другаго и чтобы переходъ былъ обоюдный.—Конечно, сказалъ онъ.—Что же теперь? продолжалъ Сократъ: жизни противуполагается ли нѣчто такъ, какъ бодрствованію — сонъ? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — А что именно? — Смерть, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, жизнь и смерть, если онѣ взаимно противуположны, происходятъ обоюдно, и между ними двумя бываетъ двоякое происхожденіе?—Какъ же иначе? — Итакъ я, сказалъ Сократъ, приведу тебѣ одну изъ такихъ паръ, о которыхъ сейчасъ упоминалъ, и укажу на ея переходы; а ты приведи другую. Я говорю: «сонъ и бодрствованіе», и утверждаю, что изъ сна бываетъ бодрствованіе, а изъ бодрствованія—сонъ; происхожденія же ихъ суть: дремать и пробуждаться. Довольно для тебя, или нѣтъ? спросилъ онъ. — D. Очень довольно.—Скажи же и ты такъ о жизни и смерти. Не говорилъ ли ты, что жизнь противна смерти? — Говорилъ.—И онѣ бываютъ одна изъ другой?—Да.—Что же бываетъ изъ живущаго?—Умершее, сказалъ онъ. — А потомъ изъ умершаго, спросилъ Сократъ?—Необходимо согласиться, что живущее, отвѣчалъ Кевисъ.—Значить, изъ умершихъ, Кевисъ, бываютъ вещи живыя и существа живущія? — Кажется, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, наши души находятъ E. ся въ преисподней ¹? заключилъ Сократъ. — Вѣроятно. —

чѣмъ-нибудь, что не считаетъ себя малымъ, сопоставляется великое, — изъ того, что не считало себя малымъ, тотчасъ является малое.

¹ Изложенное здѣсь доказательство безсмертія души основывается на гипотезѣ до-мірнаго существованія душъ, которую Пиагоръ и Платонъ при-

Равнымъ образомъ и изъ двухъ происхожденій не явно ли по крайней мѣрѣ одно? Напримѣръ, умираніе явно или нѣтъ? — Конечно явно, отвѣчалъ онъ. — Такъ что же намъ сдѣлать? продолжалъ Сократъ: не придать ли ему происхожденія противоположнаго? Неужели въ этомъ отношеніи природа хрома? Умиранію не необходимо ли противоположить какое-нибудь происхожденіе? — Совершенно необходимо, сказалъ онъ. — Какое же? — Оживаніе. — Но если

72. есть оживаніе, продолжалъ Сократъ; то оно,—это оживаніе, не будетъ ли переходеніемъ мертвыхъ въ существа живущія? — Конечно, будетъ. — Значитъ, мы согласились и въ томъ, что существа живущія не менѣе бываютъ изъ мертвыхъ, какъ и умершія изъ живущихъ? А если такъ, то, кажется, имѣемъ достаточный признакъ, что души умершихъ необходимо должны гдѣ-нибудь существовать, откуда могли бы снова произойти. — Изъ признанныхъ положеній, Сократъ, повидимому, необходимо слѣдуетъ. — И замѣть, Кевисъ, сказалъ онъ, что тѣ положенія мы признали, думаю, не безразсудно. Вѣдь если не противопоставить одного происхожденія другому, такъ, чтобы они совершали кругъ, но допустить производимость только въ одностороннемъ направленіи — отъ противнаго къ противоположному, не поворачивая ея снова отъ послѣдняго на первое; то знай, что наконецъ все будетъ имѣть одинъ и тотъ же

знавали какъ несомнѣнную истину. Они предполагали, что души всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, какія были, есть и будутъ, суть жительницы міра духовнаго или ноуменальнаго, и число ихъ—опредѣленное, всегда одно и то же, не увеличивается и не уменьшается. Эти души переходятъ въ міръ явленій по зачатіи и чрезъ рожденіе тѣла, а по разрушеніи тѣлеснаго состава, опять возвращаются въ свое отечество—міръ ноуменальный, но возвращаются уже съ нажитыми на землѣ нравственно-хорошими, или нравственно-худыми свойствами, и потому послѣ смерти получаютъ или награды, или наказанія. Теорію о до-мірномъ существованіи душъ Платонъ основывалъ на теоріи идей, которыя приписывалъ душъ, какъ нѣчто предметное, полученное ею въ міръ духовномъ, и которыя возбуждаются въ ней чрезъ припоминаніе. Отсюда, философски изслѣдывать истину значитъ припоминать ее, или вводить въ сознаніе богатство познаній, которыми душа наслаждалась въ царствѣ ноуменовъ.

видъ, все придетъ въ одно и тоже состояніе, — и происхожденія прекратятся. — Какъ это говоришь ты, спросилъ онъ? — Мои слова понять не трудно, отвѣчалъ Сократъ. Если бы, напримѣръ, засыпаніе существовало, а противоположнаго ему, то-есть, пробужденія отъ сна не было: то, знаешь, сказаніе объ Эндиміонѣ ¹ показалось бы наконецъ С. пустымъ и потеряло бы смыслъ; потому что и все прочее, подобно ему, находилось бы вѣчно въ состояніи сна. Когда же бытія только смѣшивались бы, а не раздѣлялись, — вскорѣ вышло бы Анаксагорово: «всѣ вещи вмѣстѣ» ². Такъ-то и здѣсь, любезный Кевисъ: еслибы все живущее умира- D. ло и, умерши, сохраняло свой образъ смерти, а не оживало снова; то не необходимо ли, чтобы наконецъ все умерло и ничто не жило? Пусть одно живущее происходитъ отъ другаго: но какъ скоро оно умираетъ, то какимъ способомъ и всему не сдѣлаться бы жертвою смерти?—Мнѣ кажется, нѣтъ такого способа, Сократъ, отвѣчалъ онъ. По моему мнѣнію, ты говоришь совершенно справедливо. — Да, Кевисъ, продолжалъ Сократъ, это, думаю, вѣрише всего, и мы не обманываемся, допуская такую истину. Въ самомъ дѣлѣ есть и оживаніе и происхожденіе живаго изъ мертваго; есть и души умершихъ, и добрымъ изъ нихъ E. хорошо, а злымъ худо.

Да то же самое, Сократъ, вытекаетъ и изъ другаго основанія, подхватилъ Кевисъ, если только справедливо, что ты часто говаривалъ, то-есть, что ученіе есть не болѣе, какъ припоминаніе. Отсюда, кажется, необходимо слѣдуетъ, что то, что теперь припоминаемъ, мы знали когда-то прежде; а это было бы

¹ Эндиміонъ, по сказанію греческой мифологіи, взятъ былъ Зевсомъ на небо; но потомъ, за связь съ Діаной, сброшенъ оттуда на землю и погруженъ въ вѣчный сонъ.

² Анаксагоръ училъ, что прежде существованія отдѣльныхъ вещей всѣ разнородныя стихіи матеріальнаго міра, или такъ называемыя оміомеріи, находились въ состояніи совершенной слитности. Объ этомъ онъ написалъ книгу, которая начиналась такъ: *ὁμοῦ πάντα χρίματα ἔν, τοῦς δ' αὐτὰ διαίρεσι καὶ διακόσμησι* Diog. Laert. 11 6.

невозможно, еслибы наша душа до своего явленія въ образѣ 73. человѣка нигдѣ не существовала. Такъ вотъ и поэтому она должна быть нѣчто безсмертное.—Но чѣмъ же это доказывается, Кевисъ? спросилъ Симміасъ. Приведи мнѣ на память, потому что въ настоящее время я не очень помню. — Это доказывается однимъ прекраснымъ основаніемъ, сказалъ Кевисъ, что люди, когда хорошо предлагаютъ имъ вопросы, сами рѣшаютъ ихъ, какъ надобно, чего они, конечно, не могли бы сдѣлать, еслибы не имѣли въ себѣ знанія и В. правильнаго смысла. Особенно, когда приводятъ ихъ къ чертежамъ и другому тому подобному,—тотчасъ же видно, что дѣло такъ бываетъ ¹. — А если не убѣждаешься этимъ, Симміасъ, сказалъ Сократъ, то смотри, не согласишься ли съ нами, изслѣдывая предметъ вотъ какимъ образомъ. Ты вѣдь не вѣришь, что такъ называемое ученіе есть припоминаніе? — Не то что не вѣрю, отвѣчалъ Симміасъ, но имѣю нужду именно въ томъ, о чемъ теперь рѣчь, — въ припоминаніи. Впрочемъ изъ словъ Кевиса я уже почти вспомнилъ и убѣжденъ, хотя тѣмъ не менѣе послушалъ бы, какъ ты будешь С. объ этомъ говорить.—Вотъ какъ, отвѣчалъ онъ. Мы, конечно, согласимся, что тотъ, кто припоминаетъ что-нибудь, прежде когда-то долженъ былъ знать это.—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — Значитъ, согласимся также, что пріобрѣтенное этимъ способомъ знаніе есть припоминаніе. А какой способъ я разумѣю? Кто, или увидѣвъ, или услышавъ, или принявъ что-нибудь инымъ чувствомъ, узналъ не одно это, но пришелъ къ мысли и о другомъ, знаніе чего не то же, а отлично отъ перваго; тому не въ правѣ ли мы приписать воспоминаніе о вещи, пришедшей ему на мысль?—Какъ это D. говоришь ты, Сократъ? — Напримѣръ такъ: знаніе человѣка и лиры, вѣрно, различно?—Какъ же не различно?—А не извѣстно ли тебѣ, что друзья, видя лиру, платье, или что другое, обыкновенно употребляемое ихъ любезными, испытыва-

¹ Кевисъ, повидимому, указываетъ здѣсь на извѣстное мѣсто въ Платоновомъ Менонѣ р. 31 sqq.

ють слѣдующее: они узнаютъ лиру и въ мысляхъ представляютъ любимаго человѣка, которому принадлежитъ она? Не есть ли это припоминаніе? Такимъ же образомъ, кто часто видитъ Симміаса, тотъ вспоминаетъ и о Кевисѣ. Подобныхъ примѣровъ можно найти множество.—Да, очень много, слышу Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — Такъ не есть ли это пѣ-^{Е.} которое припоминаніе, спросилъ Сократъ, — особенно когда оно испытывается въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ, по давности времени и отсутствію мысли, мы уже забыли?—Безъ сомнѣнія отвѣчалъ, онъ.—Чтожь? продолжалъ Сократъ: значить, при видѣ нарисованнаго коня или нарисованной лиры, можно вспомнить о человѣкѣ, и при видѣ нарисованнаго Симміаса—о Кевисѣ.—Конечно.—Но нельзя ли, при видѣ нарисованнаго Симміаса, вспомнить и о самомъ Сим-^{74.} міасѣ? — Разумѣется, можно, сказалъ онъ. — И припоминаніе о всемъ этомъ не вызывается ли какъ подобными, такъ и неподобными предметами?—Вызывается.—А когда кто вспоминаетъ о чемъ-нибудь по подобію¹; тогда не необходимо ли ему притомъ думать, чего недостаетъ, либо что есть подобнаго въ той вещи, о которой онъ вспомнилъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Смотри же, продолжалъ Сократъ, такъ ли это? Мы вѣдь говоримъ, что есть нѣчто равное — разумію не кусокъ дерева, равный другому куску, или камень—камню или что-нибудь иное въ этомъ родѣ; нѣтъ, а отличное отъ всего этого,—равное само по себѣ, самое понятіе равенства:

¹ По ученію Платона, міръ видимый есть отпечатокъ, или проявленіе міра невидимаго, ноуменальнаго. Въ мірѣ ноуменальномъ все отдѣльное существуетъ, какъ бытіе само въ себѣ—идеально. Душа въ домірномъ своемъ бытіи созерцала всѣ вещи въ идеяхъ;—и теперь, въ мірѣ явленій, предметы своими свойствами только возбуждаютъ въ ней эти идеальные прототипы. Но бывъ возбуждены, они въ свою очередь служатъ для человѣка масштабомъ, или началомъ повѣрки свойствъ, обнаруживаемыхъ здѣшними явленіями. Само собою разумѣется, что этимъ ученіемъ совершенно изгоняется отвлеченное понятіе. Никакая общность не происходитъ изъ частныхъ, а только возбуждается ими. Равенство не есть отвлеченіе отъ нѣсколькихъ вещей, найденныхъ равными; а напротивъ, онѣ признаются равными или неравными отъ пробудившейся идеи равенства.

- В. говоримъ или нѣтъ? — Разумѣется, говоримъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — И мы знаемъ его, — это равное само по себѣ? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Откуда же у насъ это знаніе? Не изъ того ли, о чемъ сейчасъ упоминали? Именно, не чрезъ знаніе ли равныхъ, или деревьевъ, или камней, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, пришли мы къ тому, отличному отъ перваго знанія? Или оно, по твоему мнѣнію, не отлично? Разсуди еще такъ: не правда ли, что равные камни и деревья иногда хоть и тѣ же самые, а принимаютъ различный видъ и являются то равными, то неравными? — Безъ сомнѣнія. — Чтожъ? значить, равное само по себѣ иногда кажется тебѣ неравнымъ? равенство — не равенствомъ? — Отнюдь нѣтъ, Сократъ. — Такъ видно, равныя и равное само по себѣ — не одно и то же? сказалъ онъ. — По мнѣ, никакъ не одно, Сократъ. — Однакожь знаніе о томъ равномъ, продолжалъ онъ, ты придумалъ и получилъ именно изъ этихъ равныхъ, отличныхъ отъ перваго? — Твои слова очень справедливы, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — И притомъ, оно или подобно тѣмъ, или неподобно? — Конечно. — Но это все равно, заключилъ онъ: во всякомъ случаѣ, если, видя одно, ты
- Д. вмѣстѣ придумываешь другое, подобное ли то, или неподобное; то твое придумываніе необходимо должно быть воспоминаніемъ. — Безъ сомнѣнія ¹. — А что такое вотъ это? спросилъ онъ. Не испытываемъ ли мы чего-нибудь такого и въ деревьяхъ и въ томъ, что сейчасъ называли равнымъ: въ самомъ ли дѣлѣ они представляются намъ столь же совершенно равными, какъ равное само по себѣ? Не недостаетъ ли имъ чего-нибудь, чтобы быть такими, каково послѣднее? Или въ нихъ есть все? — Многого недостаетъ имъ, отвѣчалъ онъ. — И такъ, согласишься ли ты, что когда кто-нибудь, видя извѣстную вещь, размышляетъ: этой вещи, которую я теперь вижу, хочется походить на нѣчто другое существую-

¹ Слова «И притомъ оно» до «Безъ сомнѣнія» нѣкоторыми критиками признаются за неподлинныя. См. *Hermann Schmidt Kritischer Commentar. an Platos Phaedon* (Halle 1850) стр. 60—66.

щее, но ей чего-то недостаетъ, она не можетъ сдѣлаться та- Е.
кою, какъ это нѣчто, она хуже его; — то размышляющій не
необходимо ли долженъ напередъ знать тѣ, къ чему она хотя и
приближается, однакожъ уступаетъ этому?—Необходимо.—
Чтожъ? а мы, въ отношеніи къ вещамъ равнымъ и равному
самому по себѣ, испытываемъ это, или нѣтъ?—Непремѣнно
испытываемъ.—Значить, мы необходимо должны знать рав-
ное прежде того времени ¹, когда, увидѣвъ въ первый разъ
вещи равныя, размышляемъ, что всѣ онѣ, хотя и стре-
мятся быть какъ равное, но что имъ чего-то недостаетъ.— 75.
Правда.—Впрочемъ, пожалуй, и то допустимъ, что равнаго
мы не придумываемъ и не можемъ придумать иначе, какъ
чрезъ зрѣніе, осязаніе или какое другое чувство, — разу-
мѣю всѣ ихъ тождественными.—Въ отношеніи къ цѣли на-
стоящей рѣчи они въ самомъ дѣлѣ тождественны, Сократъ.
—Стало быть, чувства-то и приводятъ насъ къ мысли, что
въ нихъ все стремится къ существенно равному и все не-
достаточнѣе его. Не такъ ли мы говоримъ?—Такъ.—Зна- В.
чить, прежде, нежели мы начали видѣть, слышать, или
какъ иначе чувствовать, намъ надлежало уже имѣть зна-
ніе равнаго самаго по себѣ, что такое оно, — если о ве-
щахъ, равныхъ по свидѣтельству чувствъ, надобно было

¹ Платонъ своимъ образомъ высказываетъ здѣсь то же самое о необходи-
мости идей въ душѣ, предшествующихъ всякому чувственному усмотрѣнію,
что говоримъ мы о безусловной всеобщности отвлеченныхъ понятій. Сколь бы
ни малъ былъ кругъ предметовъ, отъ которыхъ сдѣлано нами отвлеченіе, —
понятіе наше по формѣ бываетъ не менѣе обще, какъ и то, которое основыва-
лось бы на отвлеченіи повсюдномъ. Находя равными, наприимѣръ, только
два предмета, мы вносимъ ихъ въ ту же самую форму равенства, въ кото-
рую внесли бы и всѣ равные предметы. Изъ этого Логика обыкновенно за-
ключаетъ, что причина общности зависитъ не отъ отвлеченія, но предше-
ствуетъ ему и бываетъ необходимымъ его условіемъ, безъ котораго оно не-
возможно. Это самое Платонъ говоритъ и о равенствѣ вещей. Онѣ никогда
не бываютъ совершенно равны; имъ всегда чего-то недостаетъ, чтобы
быть совершенно равными. Но мы никакъ не могли бы судить о недоста-
точности равенства въ нихъ, еслибы напередъ уже не знали равенства са-
мага въ себѣ, которое повѣтому есть необходимое условіе нашего сужденія
о всемъ равномъ и неравномъ.

заклѹчить, что все въ нихъ стремится быть такимъ, какъ то равное, и что онѣ все однакожь хуже его.—Изъ сказаннаго это необходимо, Сократъ.—А не тотчасъ ли по рожденіи мы и видѣли, и слышали, и другими дѣйствовали чувствами?—Конечно.—Между тѣмъ знаніе равнаго, говоримъ, должны были получить все-таки прежде чувствъ?—Да.—Такъ выходитъ, что это знаніе мы получили до рожденія.—Выходитъ... —Если же получили его до рожденія и родились, уже обладая имъ, то и до рожденія и тотчасъ по рожденіи знали не только равное, бѣльшее и меньшее, но и все того же рода; ибо теперь у насъ рѣчь не болѣе о равномъ, какъ и о прекрасномъ самомъ по себѣ, и о добромъ самомъ по себѣ, и о справедливомъ, и о святомъ, и, какъ сказано, обо всемъ, чему мы даемъ имя сущности,—и въ вопросахъ, когда спрашиваемъ, и въ отвѣтахъ, когда отвѣчаемъ; то-есть, знаніе всего этого необходимо должно было принадлежать намъ еще до рожденія. — Правда.—И еслибы, получивъ эти знанія, мы не забывали ихъ; то, раждаясь знающими, знали бы ихъ во всю жизнь, потому что знать есть удерживать пріобрѣтенное знаніе, не теряя его. Развѣ не потеря знанія, Симміасъ, называется забвеніемъ?—Безъ сомнѣнія, Сократъ, отвѣчалъ онъ.—Но какъ скоро полученное до рожденія, родившись, мы потеряли, а потомъ дѣятельностію чувствъ, направленныхъ къ утраченному, снова пріобрѣтаемъ тѣ самыя знанія, которыя имѣли прежде; то занятіе, называемое ученіемъ, не есть ли возвращеніе собственнаго нашего знанія? и не справедливо ли мы дадимъ ему имя припоминанія? — Конечно справедливо.—Вѣдь нашли же мы возможнымъ, чтобы человѣкъ, постигая какой-нибудь предметъ или зрѣніемъ, или слухомъ, или инымъ чувствомъ, обращался мыслію и на нѣчто другое, что было имъ забыто, но къ чему чувствуемое приближается или сходствомъ или несходствомъ. Поэтому, говорю, одно изъ двухъ: или мы родились знающими и въ продолженіе жизни уже знаемъ; или

люди, какъ говорится, учащіяся, въ послѣдствіи только при-
поминають, и ученіе есть воспоминаніе.—Разумѣется такъ,
Сократъ.—Что же ты избереешь, Симміасъ?—то ли, что мы
родились знающими, или то, что въ послѣдствіи припоминаемъ
вещи, о которыхъ прежде знали? — Въ настоящее время, В.
Сократъ, я не могу избрать.—Отчего же? избереешь. Какъ
тебѣ покажется вотъ это? Человѣкъ знающій въ состояніи
ли дать отчетъ въ томъ, что знаетъ, или не въ состояніи?
—Непремѣнно въ состояніи, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — А
думаешь ли, что всѣ въ состояніи дать отчетъ въ томъ,
о чемъ мы сейчасъ говорили? — Желательно бы, сказалъ
Симміасъ; но я очень боюсь, что завтра поутру уже не
будетъ ни одного человѣка, кто сдѣлалъ бы это, какъ дол-
жно.—Слѣдовательно, по твоему мнѣнію, Симміасъ, не всѣ С.
имѣють это знаніе, заключилъ Сократъ.—Никакъ не всѣ.
—Стало быть, только припоминають, что когда-то знали?
— Необходимо. — Когда же именно наши души получили
знаніе о тѣхъ предметахъ? Ужъ вѣрно не тогда, когда мы
родились людьми?—Разумѣется не тогда.—Значитъ, преж-
де? — Да. — Поэтому наши души, Симміасъ, существовали
прежде, чѣмъ начали существовать въ образѣ человѣка, и
существовали безъ тѣлъ, но имѣли разумѣніе. — Да, если
только своихъ знаній, Сократъ, мы не получили въ самый
мигъ рожденія; этотъ мигъ еще остается для предположе-
нія. — Хорошо, другъ мой; но въ какое же другое время D.
они теряются? Вѣдь сейчасъ допущено, что мы рождаемся,
не имѣя ихъ? Такъ неужели тогда и теряемъ, когда по-
лучаемъ? Или укажешь на какое-нибудь иное время?—От-
нюдь нѣтъ, Сократъ; я самъ не замѣтилъ, какъ сказалъ
вздоръ.—Значитъ такъ и будетъ, Симміасъ, продолжалъ онъ.
Если прекрасное, доброе и всякая сущность, о которой у
насъ непрестанно толкъ, дѣйствительно существуетъ, и если
отъ чувствъ мы все возводимъ къ ней, находя, что она и
прежде была нашею, и сравниваемъ съ нею чувственные E.
впечатлѣнія; то не необходимо ли, чтобы какъ это, такъ

и наша душа, имѣли бытіе до нашего рожденія? Когда же этого нѣтъ, — о настоящемъ предметѣ не надлежало ли бы говорить иначе? Не такъ ли, не съ равною ли необходимостію, допуская это, надобно допустить и существованіе нашихъ душъ до нашего рожденія, а отвергая первое, отвергнуть и послѣднее?—Эта необходимость, Сократъ, мнѣ кажется чрезвычайною, сказалъ Симміасъ, и твои слова весьма кстати, что наша душа, такъ же какъ и сущность,

77. о которой ты теперь говоришь, имѣла бытіе до нашего рожденія. Для меня нѣтъ ничего яснѣе, что это истинно въ высочайшей степени, что таково и прекрасное, и доброе, и все, сейчасъ упомянутое тобою. Я чувствую себя совершенно убѣжденнымъ.

А Кевисъ-то? сказалъ Сократъ. Вѣдь надобно убѣдить и Кевиса. — Я думаю, отвѣчалъ Симміасъ, что онъ достаточно убѣжденъ, хотъ и нѣтъ человѣка упорнѣе его въ невѣріи доказательствамъ. Мнѣ кажется, и для него не сла-

В. бо основаніе, что наши души существовали до нашего рожденія. Развѣ то еще, даже по моему мнѣнію, Сократъ, не доказано, что онѣ будутъ существовать и послѣ нашей смерти. Есть въ народѣ мнѣніе, и о немъ-то сейчасъ говорилъ Кевисъ, что съ смертію человѣка душа его разсѣвается, и тутъ конецъ ея бытія; ибо что препятствуетъ ей произойти и образоваться гдѣ-нибудь индѣ и существовать до вшествія въ человѣческое тѣло, а потомъ, вышедши и отрѣшившись отъ него, скончаться и исчезнуть? —

С. Ты хорошо говоришь, Симміасъ, примолвилъ Кевисъ. Доселѣ доказана какъ будто половина того, что доказать надлежало: доказано, то-есть, что наши души существовали до нашего рожденія;—а надобно еще доказать, что онѣ не менѣе будутъ существовать, какъ и прежде, чѣмъ мы родились. Тогда уже доказательству конецъ. — Доказано и это, Симміасъ и Кевисъ, сказалъ Сократъ, если вамъ угодно настоящее разсужденіе свести въ одно съ принятымъ прежде, то-есть, что все живущее происходитъ изъ умер-

шаго. Въдь когда душа существовала прежде, а для рожденія и вступленія въ жизнь принуждена была выйти изъ смерти и изъ состоянія мертвенности; то не необходимо ли ей D. существовать и по смерти, чтобы опять родиться? Значить, то, о чемъ вы говорите, уже доказано. Впрочемъ ты и Симмиасъ, кажется, охотно изслѣдовали бы этотъ предметъ еще болѣе, страшась, какъ дѣти, чтобы въ самомъ дѣлѣ вѣтеръ на развѣялъ и не развѣялъ души, когда она будетъ выходить изъ тѣла, особенно если кому случится умирать не въ тихую погоду, а въ сильную бурю. — Тутъ Ке- E. висъ улыбнулся и сказалъ: постарайся же, Сократъ, убѣжденіемъ разогнать нашъ страхъ, или лучше не нашъ страхъ, а страхъ скрывающагося въ насъ дитяти ¹. Попытайся внушить ему, что не должно бояться смерти, будто пугалища. — Да, надобно обаять ² его каждый день, пока не изгоните, примолвилъ Сократъ. — Но гдѣ намъ взять такихъ сильныхъ 78. обаяній, Сократъ, когда ты оставляешь насъ? спросилъ онъ. — Эллада велика, Кевисъ, отвѣчалъ Сократъ; въ ней, вѣроятно, есть добрые люди: да много и варварскихъ народовъ. Ища такого обаянія, должно прослѣдить всѣ ихъ, не щадя ни денегъ ни трудовъ; ибо нѣтъ предмета, для котораго бы деньги могли быть употреблены пригоднѣе. Надобно также искать обаянія и другъ у друга, потому что, можетъ быть, не легко вамъ найти кого-нибудь, кто могъ бы сдѣлать это лучше васъ. — Именно такъ и будетъ, сказалъ Кевисъ. Но возвратимся къ тому, отъ чего уклонились, если тебѣ B. угодно. — Конечно угодно; почему не возвратиться? — Вотъ и

¹ Подъ именемъ скрывающагося въ насъ дитяти Кевисъ разумѣетъ, конечно, животную природу, которая, будучи тѣсно связана съ интересами чувственной жизни, боится за нее и не внимаетъ никакимъ представленіямъ разума.

² Обаять — то же что заговаривать или изгонять недугъ посредствомъ заговоровъ, подъ которыми въ этомъ мѣстѣ Платонъ разумѣетъ умныя философскія бесѣды, направляемыя противъ недуговъ чувственности. То же самое см. Charin. 155. D. E. и 157. Греческому *ἐπαδαίω* еще ближе соотвѣтствуетъ у насъ слово «напѣвать»; только оно употребляется обыкновенно въ дурную сторону.

хорошо, примолвилъ онъ.—Итакъ, мы должны сдѣлать себѣ, вѣроятно, слѣдующій вопросъ, продолжалъ Сократъ: чему свойственно впадать въ такое состояніе, то-есть, въ состояніе исчезновенія? и въ отношеніи къ какимъ вещамъ мы боимся его, въ отношеніи къ какимъ—нѣтъ? А потомъ разсмотримъ: душа относится ли къ этому роду вещей, и робѣтъ ли намъ за нее, или неробѣтъ?—Ты справедливо говоришь, сказалъ онъ.—Смотри же, не тому ли, что слагается и сложно по природѣ, свойственно вступать въ это состояніе, то-есть, раздѣляться на свои начала, какъ сложному? и не правда ли, что одному несложному такое состояніе неприлично—болѣе, чѣмъ всякой другой вещи?—Мнѣ кажется такъ, отвѣчалъ Кевись.—Но всегда то же и существующее тѣмъ же образомъ не есть ли несложное? а бывающее иногда такъ, иногда иначе, и никогда не остающееся тѣмъ же, не есть ли сложное?—Кажется.—Ну, такъ пойдемъ къ тому, сказалъ онъ, къ чему шли въ
 С. прежнемъ разсужденіи. Сущность сама по себѣ, которой бытіе своими вопросами и отвѣтами мы опредѣлили, одинакимъ ли всегда существуетъ образомъ, или иногда такъ, иногда иначе? Равное само по себѣ, прекрасное само по себѣ, сущее само по себѣ, поколику оно есть, подлежитъ ли хоть какому измѣненію? или каждая изъ вещей сущихъ, сама по себѣ однородная, продолжаетъ быть тою же и такимъ же образомъ, не подлежа никогда, никакъ и никакой перемѣнѣ?—
 D. Необходимо тою же и такимъ же образомъ, Сократъ, отвѣчалъ Кевись.—А что скажешь о многихъ прекрасныхъ предметахъ, какъ то: о людяхъ, лошадахъ, платьяхъ и другихъ
 E. тому подобныхъ, или о равныхъ, похвальныхъ и всѣхъ соименныхъ имъ? Одинаково ли они существуютъ, или, въ противность первымъ, несогласны ни съ самими собою, ни между собою, и никогда, ни подъ какимъ видомъ, можно сказать, не остаются тѣми же?—Опять такъ, отвѣчалъ Кевись; никогда не остаются тѣми же.—И не правда ли, что послѣд-
 79. ніе ты можешь постигать осязаніемъ, зрѣніемъ и другими чувствами, а первые, существующіе одинакимъ образомъ, можно

постигать не иначе, какъ умомъ, поколику они не имѣютъ
 вида и не подлежатъ зрѣнію? — Совершенно справедливо,
 сказалъ онъ. — Итакъ положимъ, если угодно, два рода су-
 ществъ, продолжалъ Сократъ: одинъ родъ существъ види-
 мыхъ, другой безвидныхъ. — Положимъ, отвѣчалъ Кевисъ. — И
 существа безвидныя всегда одинаковы, а видимыя никогда не
 остаются тѣми же. — И это положимъ, прибавилъ онъ. — Хо-
 рошо, сказалъ Сократъ. Есть ли въ насъ что-нибудь, кромѣ
 тѣла и души! — Ничего нѣтъ болѣе, отвѣчалъ онъ. — Которо- В.
 му же роду подобнѣе и сроднѣе, по нашему мнѣнію, тѣло? —
 Очень ясно, сказалъ онъ, что роду существъ видимыхъ. — А
 душа? — роду видимыхъ или безвидныхъ? — По крайней мѣрѣ
 люди не видятъ ее, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — Но о видимомъ и
 безвидномъ мы говоримъ вѣдь относительно къ природѣ чело-
 вѣческой. Или, думаешь, къ какой другой? — Къ человѣчес-
 кой. — Такъ что же сказать о душѣ? видима она, или невид-
 дима? — Невидима. — Значить, безвидна? — Да. — Слѣдова-
 тельно, она болѣе, чѣмъ тѣло, походить на существо без-
 видное, а тѣло на видимое? — Крайне необходимо, Сократъ. С.
 — Но прежде не допустили ли мы также, что, пользуясь тѣ-
 ломъ, для наблюденія чего-нибудь посредствомъ зрѣнія, слу-
 ха, или другаго чувства (ибо наблюдать тѣлесно — значить
 употреблять чувства), душа бываетъ увлекаема тѣломъ къ
 такимъ предметамъ, которые никогда не существуютъ оди-
 накимъ образомъ, и что, касаясь ихъ, она и сама блуждаетъ,
 возмущается и шатается, какъ опьянѣлая? — Конечно допу-
 стили. — Напротивъ, дѣлая наблюденія сама собою, она спѣ- D.
 жественному и, какъ сродная ему, всегда съ нимъ живетъ, по-
 колику живетъ и можетъ жить сама по себѣ, перестаетъ
 блуждать и, касаясь предметовъ, всегда существующихъ
 одинакимъ образомъ, становится тою же, и это ея свойство
 названо разумностію. — Ты въ полномъ смыслѣ прекрасно
 объясняешь истину, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — Итакъ душа,
 на основаніи прежде сказанныхъ и настоящихъ положеній, Е.

- которому роду подобнѣе и сроднѣе?—Этотъ ходъ изслѣдованія, Сократъ, кажется, всякаго, даже самаго упорнаго человѣка, заставитъ согласиться, что душа несравненно подобнѣе существу, всегда тождественному, чѣмъ противному. — Ну а тѣло? — Существу другаго рода. — Смотри же и на то, что
80. природа повелѣваетъ служить и управляться, а первой управлять и господствовать. Поэтому, которая сторона опять кажется тебѣ подобною божественному и которая смертному? Не то ли у тебя въ умѣ, что божественному свойственно управлять и начальствовать, а смертному — управляться и служить?—То самое.—На что же походить душа?—Ужъ явно, Сократъ, что душа походить на божественное, а тѣло—на смертное.—Такъ смотри, Кевисъ, продолжалъ онъ, изъ всего сказаннаго не вытекаетъ ли слѣдующее: душа весьма подобна божественному, бессмертному, мысленному, однородному, неразрушаемому, всегда тождественному, существующему всегда одинакимъ образомъ; а тѣло опять весьма подобно человѣческому, смертному, несмысленному, многообразному, разрушаемому, никогда не существующему одинакимъ образомъ. Можемъ ли сказать что-нибудь иное, кромѣ этого, любезный Кевисъ, и доказать, что это не такъ? — Не можемъ. — Чтожъ? если это такъ, то тѣлу не надлежитъ ли скоро разрушиться, а душѣ или оставаться вовсе неразрушимую, или быть къ тому близкою?—Какъ не надлежитъ?—
- С. Ты, конечно, замѣчаешь, продолжалъ Сократъ, что по смерти человѣка тѣло, сторона его видимая, на виду лежащая и называемая мертвою,—та сторона, которой надобно разрушиться, распасться и рассыпаться, подвергается всему этому не вдругъ, а сохраняется довольно долгое время, особенно когда кто умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, съ тѣломъ еще необезображеннымъ; потому что и одряхлѣвшее, но только набальзамированное, какъ бальзамируются тѣла у Египтянъ, оно удерживаетъ свою цѣлость почти на неопредѣленное—
- Д. *всегда*. Впрочемъ, пусть иныя части его и сгниваютъ: за то

кости, жилы и прочіе, подобныя этимъ, члены, можно сказать, безсмертны. Или нѣтъ?—Да.—Ну, а душа, это существо безвидное, по своемъ отшествіи въ другое, столь же доблестное, чистое и безвидное мѣсто, просто сказать, въ преисподнюю (*εις Ἄιδου, ὡς ἀληθῶς* ¹), къ доброму и мудрому Богу, куда, если угодно ему, сейчасъ должно идти и моей,— такъ эта-то душа, имѣющая такія качества и одаренная такими свойствами, по разлученіи съ тѣломъ, неужели вдругъ, какъ утверждаетъ толпа, развѣтается и исчезнетъ? Далеко ^{Е.} не то, любезные мои, Симміасъ и Кевисъ, а скорѣе вотъ что: если душа отрѣшается чистою и не увлекаетъ за собою ничего тѣлеснаго, поколику въ жизни не имѣла произвольнаго общенія съ тѣломъ, но избѣгала его и сосредоточивалась въ самой себѣ, постоянно размышля объ этомъ (что и значить истинно философствовать),—размышляя, какимъ бы ^{81.} образомъ въ самомъ дѣлѣ легче умереть,—или не это называется размышлять о смерти?—Именно это.—То съ подобными свойствами не отойдетъ ли она въ подобное себѣ безвидное мѣсто, гдѣ находясь, будетъ наслаждаться блаженствомъ, какъ чуждая и заблужденій, и безумія, и страха, и неистовой любви, и другихъ человѣческихъ золь, и всю послѣдующую свою жизнь, согласно съ тѣмъ, что рассказы-ваютъ о посвященныхъ, станетъ дѣйствительно проводить съ богами? Такъ ли скажемъ, Кевисъ, или иначе?—Такъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Кевисъ.—Напротивъ, если ду- ^{В.} ша, думаю я, отрѣшается грязною и неочищеною отъ тѣла, поколику находилась во всегдашнемъ общеніи съ нимъ, служила ему, любила его, была очаровываема пожеланіями и страстями, такъ что ничего не почитала истиннымъ, кромѣ тѣлообразнаго, что можно осязать, видѣть, пить, ѣсть и при-

¹ У Платона здѣсь этимологическая игра словъ, которую въ русскомъ переводѣ удержать невозможно. Душа, существо безвидное, τὸ ἀειδές, переходитъ въ соотвѣтственное себѣ безвидное мѣсто: *εις τοιοῦτον τόπον ἀειδῆ*, то-есть, по истинѣ *εις Ἄιδου τόπον*; но Ἄιδης, которое Платонъ производитъ отъ ἀειδής, есть уже преисподняя.

- лагать къ дѣламъ любовнымъ, а темнаго для глазъ и безвиднаго, мыслимаго и одобряемаго философіею обыкновенно не
- С. терпѣла, боялась и убѣгала, — такая душа, какъ ты думаешь? безъ примѣси ли, одна, сама по себѣ, оставитьъ тѣло? — Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Такъ видно будетъ она переложена тѣлообразными свойствами, видренными въ нее жизнию и общеніемъ тѣла, которое пользовалось всегдашнимъ ея вниманіемъ и великою заботливостію? — Конечно. — Должна же быть она вѣсоста, тяжела, земнородна и видима, другъ мой; а съ такими свойствами тяготѣеть и влечется опять къ видимому, боясь міра безвиднаго и преисподней, и блуждая,
- Д. какъ говорятъ, около склеповъ и гробницъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ видали тѣлообразныя явленія душъ, какими дѣйствительно представляются образы ихъ, когда онѣ не чисто отрѣшились, но удержали въ себѣ видимое, вслѣдствіе чего и бывають видимы. — Вѣроятно, Сократъ. — Конечно вѣроятно, Кевишь; и это — души людей не добрыхъ, а худыхъ, принужденныя блуждать около такихъ мѣстъ въ наказаніе за прежнее дурное свое поведеніе. И блуждаютъ онѣ дотолѣ, пока, сопровождаемыя пожеланіемъ тѣлообразнаго, не облекутся
- Е. въ новое тѣло. А облекаются онѣ, должно быть, въ такіе виды, къ какимъ пристрастны были въ жизни. — Какіе же разумѣешь ты, Сократъ? — Напримѣръ, души, пристрастившіяся къ обжорству, похотливости, бражничеству, и неостерегавшіяся этого, вѣроятно, облекаются въ породу ословъ и другихъ подобныхъ животныхъ. Или ты не думаешь? —
82. Дѣло очень вѣроятное. — А души, предпочитавшія несправедливость, властолюбіе и хищничество, — въ породу волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Или во что иное, скажемъ, переселяются онѣ? — Пожалуй, что въ это, отвѣчалъ Кевишь. — Такъ не ясно ли, куда переходятъ и прочія, смотря по сходству заботливости каждой? — Конечно, какъ не ясно? сказалъ онъ. — Не гораздо ли уже счастливѣе ихъ и не лучшее ли получаютъ мѣсто упражнявшіяся въ народной и
- В. политической добродѣтели, которую называютъ разсудитель-

ностію и справедливостію, зависящею отъ нрава и усердія, хотя еще не отъ философіи и разума?—Какъ же онъ счастливѣе? — Такъ, что имъ свойственно снова войти въ породу общежительную и кроткую, напримѣръ, въ пчель, ось, муравьевъ, или даже опять въ поколѣніе человѣковъ и сдѣлаться людьми порядочными.—Вѣроятно.—Но вступить въ общество боговъ нельзя никому, кромѣ любознательнаго, то есть, кромѣ человѣка, любящаго мудрость и отходящаго со с. вершено чистымъ. А для этого, любезные мои, Симміасъ и Кевисъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣлесныхъ пожеланій, не поддаются имъ и мужаются, не страшась ни домашняго разстройства, ни скудости, какъ страшатся многіе и именно корыстолюбивые люди, не боясь ни безславія, ни укора въ неизвѣстности, какъ боятся властолюбцы и честолюбцы. Повторяю: они воздерживаются отъ этого.—Да и не прилично было бы имъ, Сократъ, примолвилъ Кевисъ.—Клянусь Зевсомъ, неприлично, продолжалъ д. онъ. Потому-то, Кевисъ, всѣ, сколько-нибудь заботящіеся о своей душѣ и нелелѣющіе тѣла, раскланиваются съ подобными людьми, не идутъ по одной съ ними дорогѣ, такъ какъ эти люди сами не знаютъ, куда лежитъ путь ихъ. Вѣря, что не должно противодѣйствовать философіи и избѣгать предлагаемаго ею освобожденія и очищенія, они слѣдуютъ за философіею и направляются туда, куда она ведетъ ихъ.—Какъ это, Сократъ?—Я объяснюсь, отвѣчалъ онъ. Любознательные понимаютъ, что философія, находя ихъ душу заключенною в. въ тѣлѣ и будто связанною, принужденною смотрѣть на существующее не чрезъ самое себя, а сквозь тѣло, какъ сквозь решетку темницы, и возвращаться во всякомъ невѣжествѣ, и видящую, что эта темница укрѣпляется пожеланіями, располагающими узника еще тѣснѣе вязать самого 83. себя,—любознательные, говорю, понимаютъ, что философія, находя ихъ душу въ такомъ состояніи, понемногу утѣшаетъ ее и старается доставить ей свободу, показывая, что наблюденіе и посредствомъ глазъ, и посредствомъ ушей, и

посредствомъ другихъ чувствъ, крайне обманчиво, что надобно отходить отъ нихъ, какъ скоро они перестаютъ быть необходимо нужными, надобно собираться и сосредоточиваться въ себѣ и не вѣрить ничему, кромѣ того, что сама

В. она мыслить о томъ, что есть само по себѣ, наблюдаемое же посредствомъ инаго и существующее въ иномъ не признавать за истину. И это иное есть чувственное и видимое; а что созерцаетъ душа сама по себѣ, то называется мыслимымъ и безвиднымъ. Душа истиннаго философа, видя, что не должно противодѣйствовать этому освобожденію, удерживаетъ себя, сколько можно, отъ удовольствій и пожеланій, отъ скорби и страха, — въ той мысли, что человѣкъ, сильно возмущаемый либо удовольствіемъ, либо страхомъ, либо скорбію, либо пожеланіями, подвергается чрезъ нихъ не тому только злу, о которомъ думаетъ, на-

С. примѣръ, болѣзни или обнищанію, производимому страстями, но злу самому великому и крайнему, о которомъ не думаетъ. — Какому же это, Сократъ? спросилъ Кевисъ. — Сильно радуясь, или о чемъ-нибудь скорбя, душа всякаго человѣка бываетъ принуждена вмѣстѣ думать о томъ, что особенно чувствуетъ, какъ яснѣйшее и несомнѣнно истинное, почему это не таково. А предметъ ея радости или скорби большею частію видимый или нѣтъ? — Конечно видимый. — Слѣдовательно, при этомъ чувствованіи душа большею частію бываетъ связана тѣломъ. — Какимъ же образомъ? — Такимъ, что у всякаго удовольствія и у всякой скорби какъ будто есть гвоздь, которымъ онѣ пригвозждаютъ и прикрѣпляютъ душу къ тѣлу и дѣлаютъ ее тѣловидною ¹,

¹ Сократъ старается здѣсь объяснить то, какимъ образомъ душа постепенно оземленѣваетъ, и отчего среди радостей чувственной жизни скорбитъ, а испытывая чувственные скорби, можетъ радоваться. Ища источника удовольствій въ тѣлѣ, она, при этомъ поискѣ, не въ состояніи разстаться съ благородными и духовными своими стремленіями, но ими-то именно и входитъ въ тѣлесную жизнь, чтобы ихъ, будто сосуды, назначенные для храненія истиннаго, добраго и прекраснаго, наполнить предметами радости непостоянными и измѣняющимися. Чувственность дѣйствительно слагаетъ въ нихъ свои дары и этими дарами, будто гвоздями, закрѣпляетъ ихъ, а съ

чрезъ который, то-есть, душа представляетъ себѣ истиннымъ только то, о чемъ свидѣтельствуеть ей тѣло. По сочувствію же съ тѣломъ, она должна уже раздѣлять и его радости, значить, сойтись съ нимъ въ обычаѣ и пищѣ, и явиться въ преисподней отнюдь не чистою, но непременно полною тѣлесности, а потому вскорѣ снова упасть въ иное тѣло и прозябнуть, будто изъ сѣмени, лишаясь права на жизнь божественную, чистую и однородную.—Твои слова, Е. Сократъ, весьма справедливы, сказалъ Кевисъ.—Такъ вотъ причина, Кевисъ, по которой люди истинно любознательные отличаются скромностію и мужествомъ, а не та, которую представляетъ себѣ народъ. Или ты думаешь?—От- 84.
нюдь нѣтъ.—Да и дѣло; душа философа конечно разсудить и не придетъ къ мысли, что между тѣмъ какъ философіи предлежитъ доставлять ей свободу, сама она, освобожденная философіею, должна предаваться удовольствіямъ и скорбямъ и, снова связывая себя, дѣлать собственную работу безуспѣшною, подобно Пенелопѣ, принимавшейся ткать въ противную сторону ¹. Нѣтъ, успокоивъ эти чувства, избравъ руководителемъ разсудокъ, постоянно занимаясь созерцаніемъ истиннаго, божественнаго, вышемнѣннаго ² и въ этомъ находя свою пищу, она увѣрена, что именно такъ должно жить, пока живется, а послѣ смерти перейти къ сродному и подобно- В.
му себѣ, и избавиться отъ человѣческихъ золъ. Кто питается этою пищею, тому удивительно ли не бояться, Симміасъ и

ними и душу, — за собою. Такимъ образомъ душа въ духовныхъ своихъ стремленіяхъ болѣе и болѣе оземленѣваетъ. Но между тѣмъ какъ это происходитъ, тѣ драгоценные сосуды, на которыхъ какбы надписано: «для истиннаго, добраго и прекраснаго», — вовсе не наполняются, а только сквернятся; такъ какъ положенное въ нихъ гниетъ и превращается въ прахъ. Отсюда чувственная радость отравляется скорбію, и человѣкъ становится Танталомъ, который по горло стоитъ въ водѣ и не можетъ утолить своей жажды, потому что для утоленія ея требуется не такое питье.

¹ Пенелопа сколько успѣвала соткать днемъ, столько ткала назадъ ночью.

² Вышемнѣнное, ἀδδξαστον, есть знаніе, приобретаемое чрезъ созерцаніе идей, знаніе несомнѣнное, ἐπιστήμη, которому противуполагается δόξα, или мнѣніе, получаемое посредствомъ чувствъ, и потому ненадежное, измѣнчивое.

Кевись, что душа его, приготовившаяся подобнымъ образомъ, по отрѣшеніи отъ тѣла, расторгнется, развѣется вѣтромъ, исчезнетъ и не будетъ продолжать нигдѣ никакого существованія?

- С. Послѣ этихъ разсужденій Сократа настало долгое молчаніе. И самъ онъ, какъ было замѣтно, и многіе изъ насъ размышляли о сказанномъ. Между тѣмъ Кевись и Симміасъ о чемъ-то немного между собою поговорили, и Сократъ, взглянувъ на нихъ, спросилъ: Что? какъ вамъ кажутся наши разсужденія? видно неудовлетворительны? Въ нихъ и въ самомъ дѣлѣ нашлось бы еще много сомнительнаго и подверженнаго возраженіямъ, когда бы кто-нибудь вздумалъ разсмотрѣть ихъ надлежащимъ образомъ. Итакъ, если вы разсуждаете о чемъ другомъ — не говорю ни слова; а когда
- D. имѣете недоумѣнія, относящіяся къ нашему предмету, — не полѣнитесь и сами высказать и разобрать ихъ, какъ можете сдѣлать это лучше, и меня примите въ свою бесѣду, какъ скоро со мною надѣтесъ бѣльшихъ успѣховъ.— Да, Сократъ, скажу тебѣ правду, отвѣчалъ Симміасъ. Оба мы волнуемся недоумѣніями, и давно уже побуждаемъ и заставляемъ другъ друга спросить тебя, чтобъ узнать твой отвѣтъ; но удерживаемся, боясь наскучить и въ настоящія минуты сдѣлать тебѣ неудовольствіе.— Услышавъ это, Сократъ слегка улыб-
- E. нулся и сказалъ: Ахъ, Симміасъ! другихъ людей, конечно трудно было бы мнѣ убѣдить, что нынѣшняго случая я не почитаю бѣдственнымъ; но мои убѣжденія слабы даже и для васъ: вы боитесь, что теперь я брюзгливѣе, чѣмъ въ прежней своей жизни. Въ дѣлѣ предсказанія для васъ я, кажется, хуже лебедей, которые поютъ во всю жизнь, а почувствовавъ приближеніе смерти, поютъ долѣе и чаще—на радости, что отходятъ къ богу, которому служатъ. Боясь смерти за себя, люди лгутъ и на лебедей, когда утверждаютъ, что ихъ пѣніе есть выраженіе предсмертной скорби, — лгутъ, не разсудивъ, что ни одна птица не поетъ, когда алчетъ, зябнетъ, или стѣсняется иною скорбію. Да и

соловей, и ласточка, и удождь, которыхъ пѣніемъ, говорятъ, выражается плачь, мнѣ кажется, поютъ не отъ скорби, какъ и лебеди, которые, будучи птицами Аполлона, имѣютъ, думаю, даръ предчувствія и поютъ въ тотъ день го- в. раздо болѣе, нежели во время своей жизни, — отъ радости, предчувствуя блага преисподней. Я считаю и себя сослуживцемъ лебедей и жрецомъ того же бога, и думаю, что получилъ отъ своего владыки даръ предсказанія не хуже, чѣмъ они, а потому и не малодушнѣе ихъ расстаюсь съ жизнію. Итакъ, вы можете рассуждать и спрашивать меня о чемъ угодно, пока придутъ одиннадцать аеинскихъ судей. — Ты говоришь прекрасно, примолвилъ Симміасъ: я открою тебѣ свое недоумѣніе; скажетъ и онъ, въ с. чемъ несогласенъ съ твоими мыслями. Касательно предмета настоящей нашей рѣчи, Сократъ, мнѣ представляется, можетъ быть, то же, что и тебѣ, а именно: имѣть въ этой жизни ясное объ этомъ предметѣ познаніе или невозможно, или очень трудно; однакожъ не изслѣдывать относящихся къ нему мыслей всѣми способами и отказываться отъ изысканій прежде, нежели вниманіе будетъ совершенно утомлено, свойственно опять человѣку весьма слабому. Въ этомъ отношеніи надобно достигнуть безъ сомнѣнія чего-нибудь одного: либо узнать и открыть, какъ дѣло обстоитъ, либо, когда это невозможно, принять самое лучшее и неопровер- d. жимое человѣческое слово, и на немъ, будто на доскѣ, попытаться переплыть жизнь; если кто не можетъ переплыть ее безопаснѣе и вѣрнѣе на твердѣйшемъ суднѣ, на какомъ-нибудь словѣ божіемъ ¹. Итакъ, я не постыжусь теперь вопрошать тебя, когда и ты то же говоришь, и не буду винить себя впослѣдствіи, что не объявилъ своего

¹ Чтобы убѣдиться въ истинѣ безсмертія, Симміасъ почитаетъ необходимымъ какое-нибудь слово божіе: кто не слышитъ его, тотъ долженъ слѣдовать по крайней мѣрѣ наилучшему и неопровержимому слову человѣческому. Этимъ положеніемъ ясно указывается на два источника истины, которыхъ требовала философія Сократа,—на божественное откровеніе и философское изслѣдованіе. О первомъ Сократъ говаривалъ: «меня надоумливать бо-

мнѣнія. Да, Сократъ, рассуждая о твоихъ словахъ и самъ съ собою, и вмѣстѣ съ Кевисомъ, я нахожу ихъ не очень е. удовлетворительными.—Можетъ быть, и справедливо, другъ мой, молвилъ Сократъ. Но скажи мнѣ, почему они неудовлетворительны?—Потому, продолжалъ онъ, что это самое основаніе можно приложить и къ гармоніи, и къ лирѣ, и къ струнамъ, что то-есть гармонія отъ настроенной лиры есть нѣчто невидимое и безтѣлесное, нѣчто прекрасное и божественное, а самая лира и струны суть тѣла, предметы 86. тѣловидные, сложные, земляные и сродные смерти. Итакъ, что еслибы кто разбилъ лиру или перерѣзалъ, либо изорвалъ струны, а другой сталъ бы доказывать, какъ ты, что та гармонія не уничтожилась, но непремѣнно существуетъ? Вѣдь никакъ невозможно, чтобы лира съ изорванными струнами и смертовидныя струны еще существовали, а гармонія, однородная съ божественнымъ и подобная бессмертно- в. му, погибла прежде смертнаго? Что еслибы кто сказалъ, что гармонія должна продолжать свое бытіе, что прежде должны сгнить дерево и струны, нежели испытаетъ что-нибудь гармонія? Ты, Сократъ, думаю, и самъ знаешь, какъ мы большею частію разумѣемъ душу. Тѣло наше какъ будто натянуто и держится теплотою и холодомъ, сухостію и влажностію, и такъ далѣе; а душа наша есть смѣ- с. шеніе и гармонія этихъ началъ, зависящая отъ хорошаго и мѣрнаго соединенія ихъ между собою. Если же душа есть гармонія, то явно, что съ непомѣрнымъ ослабленіемъ нашего тѣла, или съ его напряженіемъ отъ болѣзней и прочихъ золь, она, не смотря на свою божественность, должна тотчасъ уничтожиться, подобно тому, какъ уничтожаются и другія гармоніи, на примѣръ, въ звукахъ и во всѣхъ произ-

жественное» — и потому самъ убѣждалъ слушателей одно дѣлать, другаго не дѣлать—не иначе, какъ по внушенію божественнаго (*Xenoph. memog. 1, 14.*). Но этотъ голосъ божественнаго внушенія, по ученію Сократа, яснѣе постигаетъ тотъ, кто философствуетъ, то-есть, опирается на твердѣйшее человѣческое слово.

веденіяхъ художниковъ, между тѣмъ какъ остатки каждаго тѣла могутъ сохраниться долгое время, пока не сгорятъ D. или не сгниютъ. Теперь смотри, что сказать намъ на это основаніе, когда кто-нибудь захочетъ утверждать, что душа, будучи смѣшеніемъ тѣлесныхъ началъ, во время такъ называемой смерти уничтожится первая? — Тутъ Сократъ, почти по всегдашнему своему обыкновенію, пристально посмотрѣлъ на насъ и, улыбнувшись, сказалъ: Симміасъ говоритъ въ самомъ дѣлѣ справедливо; такъ отвѣчайте ему, кто изъ васъ способенъ меня. Вѣдь онъ, кажется, не худо задѣлъ мое основаніе. Впрочемъ, прежде нужно, думаю, знать, въ чемъ еще Кевисъ обвиняетъ его, чтобы, восполь- E. зовавшись этимъ временемъ, поразсудить, что сказать намъ, а потомъ, выслушавъ его, или уступить имъ, если ихъ мысли хорошо настроены, или уже защищать свое разсужденіе, если нѣтъ. Итакъ, говори-ка, Кевисъ, продолжалъ онъ, что въ моей рѣчи беспокоитъ тебя и заставляетъ сомнѣваться. — Готовъ говорить, отвѣчалъ Кевисъ. Мнѣ кажется, она доселѣ стоитъ у насъ на одномъ мѣстѣ и подвергается тому самому осужденію, о которомъ сказано было прежде. Что наша душа существовала до своего вступленія въ на- 87. стоящій видъ, — тому я не противорѣчу и не говорю, будто этотъ предметъ не очень ловко и, не во гнѣвъ молвить, не очень достаточно доказанъ: а что она и послѣ нашей смерти гдѣ-нибудь существуетъ, — въ томъ я неслишкомъ убѣжденъ, хотя и не соглашаюсь съ возраженіемъ Симміаса, будто душа не сильнѣе и не долговѣчнѣе тѣла, потому что, мнѣ кажется, она превосходнѣе всѣхъ подобныхъ вещей. Такъ въ чемъ же ты еще сомнѣваешься? скажутъ мнѣ. Если видишь, что по смерти человѣка не перестаетъ существовать даже слабѣйшая часть его; то не допустишь ли, что въ продолженіе того же времени долж- B. на сохраняться долговѣчнѣйшая? На это вотъ что: смотри, дѣло ли я говорю. Кажется, и мнѣ, подражая Симміасу, надобно употребить какое-нибудь подобіе. Настоящая рѣчь, по

- моему мнѣнію, очень походить на то, какъ еслибы кто-нибудь, говоря объ умершемъ старомъ ткачѣ, сталъ утверждать, что онъ не уничтожился, но, вѣроятно, гдѣ-нибудь существуетъ, и въ доказательство указывалъ бы на одежду, въ которую одѣтъ именно тотъ, кто выткалъ ее, и которая сохранилась, не исчезла. Когда же не повѣрили бы ему, — онъ спросилъ бы: что долговѣчнѣе, природа че-
- С. ловѣка, или природа платья, которое употребляется и носится? и изъ отвѣта, что природа человѣка гораздо долговѣчнѣе, вывелъ бы заключеніе: если и кратковременнѣйшее не уничтожилось, то тѣмъ болѣе цѣлъ человѣкъ. Но это, Симміасъ, думаю, не такъ. Смотри-ка и ты, что я говорю. Всякій можетъ понять, что, утверждая подобныя вещи, мы утверждали бы нелѣпость. Правда, что тотъ ткачъ, износивъ и соткавъ много подобныхъ платьевъ, пересталъ
- D. существовать, хотя позднѣе первыхъ, однакожь раньше послѣдняго: но отсюда не слѣдуетъ, что человѣкъ хуже и слабѣе платья. Этимъ самымъ подобіемъ можетъ, по видимому, выражаться отношеніе души къ тѣлу: кто говорилъ бы о нихъ именно это, тотъ, по моему мнѣнію, говорилъ бы вѣрно, что, то-есть, душа долговременнѣе, а тѣло слабѣе и кратковременнѣе, хотя также въ правѣ
- E. былъ бы прибавить, что каждая душа изнашиваетъ много тѣлъ, особенно когда проживаетъ много лѣтъ; ибо если при жизни человѣка тѣло течетъ и исчезаетъ, а душа непрестанно воспроизводитъ изнашивающуюся ткань, то, при уничтоженіи своемъ, находясь въ послѣдней, она погибаетъ прежде одной этой. Когда же душа исчезла, тогда-то уже тѣло обнаруживаетъ свойство собственной слабости, то-есть, предается гніенію и скоро распадается. Значить, основываясь на этомъ доказательствѣ, еще нельзя быть вполне
88. увѣреннымъ, что послѣ смерти наша душа гдѣ-нибудь существуетъ. Положимъ, иной допустить и болѣе, нежели сколько ты утверждаешь,—допустить, что душа не только существовала до времени нашего рожденія, но что нѣтъ

препятствія быть ей чьею-нибудь душою и послѣ нашей смерти, то-есть, часто рождаться и опять умирать; ибо природа ея такъ крѣпка, что можетъ перенести и многократное рожденіе: но, допустивъ это, онъ все-таки не согласится, чтобы многократныя рожденія не изнуряли ея, и чтобы наконецъ при которой-нибудь изъ смертей она вовсе не уничтожилась; а о такой смерти и о такомъ разрушеніи тѣла, которое принесетъ душѣ погибель, никто, ска- В. жетъ онъ, не знаетъ, потому что никто не можетъ этого чувствовать. Если же такъ, то избѣгая безразсудной от-важности, не надобно бросаться на смерть, пока нельзя доказать, что душа совершенно бессмертна и не подлежитъ погибели: напротивъ, приближаясь къ смерти, должно всегда бояться за свою душу, какъ бы она, въ настоящемъ своемъ соединеніи съ тѣломъ, вовсе не погибла.

По выслушаніи этихъ разсужденій, всѣмъ намъ, какъ С. открылось послѣ изъ взаимныхъ объясненій, было непріятно; потому что сильно убѣжденные прежнимъ доказательствомъ, теперь мы, казалось, снова возмутили свой умъ и сомнѣвались уже не только въ томъ, что было сказано, но и въ томъ, что могло быть сказано впоследствии: выходило, то-есть, что или мы—ничтожные судьи, или вмѣстѣ неизслѣдимъ и самый предметъ.

Эпекр. Ради боговъ, прощаю вамъ, Федонъ. Слушая сей-часъ тебя, я подумалъ самъ въ себѣ: какому же еще повѣримъ мы доказательству? Предложенное Сократомъ бы- D. ло вѣдь очень убѣдительно, и вотъ оно теперь лишилось вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что наша душа есть нѣкоторая гармонія, мнѣ всегда чрезвычайно нравилась, и тотъ, кто высказалъ ее, напомнилъ только о собственномъ моемъ убѣжденіи. Значитъ, я опять въ началѣ дѣла, и имѣю великую нужду въ какомъ-нибудь новомъ основаніи, которое бы убѣдило меня, что съ смертію человѣка душа его не умираетъ. Скажите же мнѣ, ради Зевса, съ какой еще стороны Сократъ подошелъ къ этому предмету? Неужели,

Е. скажешь, и онъ, подобно вамъ, обнаружилъ нѣкоторое неудовольствіе? или, напротивъ, съ кротостію помогъ изслѣдованію? Притомъ достаточна ли была его помощь, или недостаточна? Расскажи намъ обо всемъ, сколько можно подробно.

Фед. Хотя я и часто, Эхекратъ, удивлялся Сократу, но никогда не былъ восхищенъ имъ такъ, какъ въ настоящемъ
89. случаѣ. Въ томъ-то, можетъ-быть, нѣтъ ничего страннаго, что онъ умѣлъ отвѣчать на возраженія: меня особенно изумило въ немъ во первыхъ то, съ какою охотою, кротостію и любовію выслушалъ онъ разсужденія молодыхъ людей; во вторыхъ то, какъ мѣтко понялъ онъ болѣзнь, произведенную въ насъ изложенными основаніями; въ третьихъ то, какъ прекрасно исцѣлилъ ее, останавливая насъ, будто бѣглецовъ или побѣжденныхъ, и побуждая къ изслѣдованію и дружному разсматриванію предмета.

Эхекр. А какъ именно?

В. Фед. Я скажу. Мнѣ случилось сидѣть на подножной скамейкѣ возлѣ кровати, по правую руку Сократа: значить, Сократъ сидѣлъ гораздо выше меня. И такъ, поглаживая мою голову и собравши на затылкѣ мои волосы (которыми иногда имѣлъ привычку играть), онъ сказалъ: завтра, Федонъ, ты, можетъ быть, острижешь эти прекрасные локоны.—Вѣроятно, Сократъ, отвѣчалъ я.—Нѣтъ, не завтра, если хочешь меня послушаться.—А что? спросилъ я.—Сегодня, сказалъ онъ, и я — свои, и ты — свои, сегодня,
С. если только наше разсужденіе умретъ, и мы не найдемъ силъ оживить его. Да, будь я на твоемъ мѣстѣ и лишись возможности возстановить изслѣдованіе, тотчасъ бы далъ клятву, подобно Аргивианамъ ¹, не прежде отпустить локоны, какъ послѣ побѣды надъ доказательствами Симміаса и Кевиса.—Но съ двумя, примолвилъ я, говорятъ, и Иракль не могъ справиться.—Такъ пригласи меня, будто Юлая,

¹ Аргивиане, бывъ разбиты Лакедемонянами, рѣшились дотогѣ не отращать волосъ, пока не одержатъ надъ ними побѣды. Herod. 1, 81.

пока солнце не сѣло. — Прошу, сказалъ я, но не какъ Иракль, а какъ Юлай—Иракла.— Это будетъ все равно, отвѣчалъ онъ. Но поостережемся, чтобы и съ нами чего-нибудь не приключилось. — Что же? спросилъ я. — Чтобы намъ не сдѣлаться разсужденіе-ненавидцами, какъ дѣлаются человѣконенавидцами, сказалъ онъ. Никто не терпитъ D. такого зла, какое терпятъ ненавистники разсужденій. Разсужденіе-ненавидѣніе и человѣконенавидѣніе происходятъ однимъ и тѣмъ же образомъ, а именно: послѣднее рождается въ душѣ отъ сильнаго къ кому-нибудь довѣрія, не основывающагося на искусной разсудительности, когда, то-есть, мы почитали человѣка совершенно справедливымъ, искреннимъ и вѣрнымъ, а потомъ, немного спустя, нашли его лукавымъ, невѣрнымъ, и тому подобное. И кто испытывалъ это часто, особенно же отъ тѣхъ, которыхъ считалъ самыми близкими и короткими друзьями, тотъ, многократно B. обманутый, наконецъ ненавидитъ всѣхъ и увѣряется, что ни въ комъ нѣтъ искренности. Или, по твоему мнѣнію, бываетъ не такъ?—Конечно такъ, отвѣчалъ я.—А не дурно ли это, спросилъ онъ, и не явно ли, что такой человѣкъ беретъ имѣть дѣло съ людьми, не владея искусствомъ человѣкознанія? Вѣдь еслибы обращеніе съ ними онъ основывалъ, какъ слѣдуетъ, на искусствѣ; то держался бы той мысли, что добросердечныхъ и лукавыхъ очень немного, а 90. среднихъ между ними весьма много.—Какъ это понимаешь ты, спросилъ я?—Такъ же, какъ очень малое и очень великое, отвѣчалъ онъ. Представишь ли ты себѣ что-нибудь рѣже, какъ отыскать очень великорослаго или очень малорослаго, также очень быстрого или очень медленнаго, очень безобразнаго или очень красиваго, очень бѣлаго или очень чернаго человѣка, собаку и пр.? Не замѣчаешь ли, что предѣльныя точки всѣхъ этихъ крайностей весьма рѣдки, немногочисленны, а вещей, занимающихъ средину между ними—великое множество?—Конечно, отвѣчалъ я. — И не думаешь ли, сказалъ онъ, что еслибы мы предложили да- B.

- же состязаніе въ лукавствѣ, то и тогда открылось бы весьма немного лукавцевъ перваго разряда? — Вѣроятно, отвѣчалъ я. — Да, вѣроятно, примолвилъ онъ. Но въ этомъ-то разсужденія не походятъ на людей (теперь вѣдь я слѣдовалъ за тобою, какъ за предводителемъ), а походятъ въ томъ, что человѣкъ, не имѣющій искусства разсуждать о предметѣ, вѣритъ какому-нибудь изъ разсужденій, какъ истинному, и потомъ, немного спустя, оно представляется ему ложнымъ, иногда справедливо, иногда и нѣтъ, вообще — то такимъ, то инымъ. Между тѣмъ ты знаешь, что тѣ-то осо-
- С. бенно, которые занимаются разсужденіями противорѣчущими, — тѣ-то и почитаютъ себя людьми мудрѣйшими; они-то одни-де и понимаютъ, что нѣтъ ничего здраваго и твердаго ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, что все существующее, точно какъ въ Эврипѣ ¹, вращается то туда, то сюда, ни на минуту не останавливаясь на одномъ мѣстѣ. — Ты очень справедливо говоришь, сказалъ я. — Такъ не жалкое ли было бы состояніе, Федонъ, продолжалъ онъ, когда бы кто, при существованіи разсуж-
- Д. денія справедливаго и основательнаго, которое можно себѣ прояснить, случайно услышавъ о томъ же предметѣ другія, кажущіяся то справедливыми, то ложными, обвинялъ не самаго себя и не свою неловкость, но, отъ досады, собственную вину слагалъ бы на разсужденія, и потому, ненавидя и браня ихъ, на всю остальную жизнь лишился бы истины и знанія о вещахъ существующихъ? —
- Точно, жалкое было бы состояніе, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ я. — Итакъ, прежде всего будемъ осторожны, продолжалъ онъ, не пустимъ въ свою душу той мысли, что будто въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего здраваго: напротивъ
- Е.

¹ Эврипъ — проливъ между Бэотіею и Эвбею, замѣчательный между прочимъ потому, что днемъ и ночью волны въ немъ идутъ преемственно то въ одну, то въ другую, — противоположную сторону. Stallb. I, II, p. 164.

скорѣе сознаемъ, что мы-то еще не здравы, а потому должны мужественно дѣйствовать и стараться пріобрѣсти здоровье, ты и прочіе — для послѣдующей вашей жизни, а я — для самой смерти; иначе, въ отношеніи къ 91: предмету нашего изслѣдованія, я похожу теперь, должно быть, не на философа, а на спорщика, какими бывають большіе невѣжды, которые, о чемъ-нибудь разсуждая, забываются не объ уразумѣннн разсматриваемаго предмета, а о томъ, какимъ бы образомъ свое предположеніе показать присутствующимъ со стороны выгодной. Въ настоящемъ случаѣ я буду отличатся отъ нихъ, кажется, только тѣмъ, что, не стараясь выставлать свои слова истинными (развѣ мимоходомъ) для присутствующихъ, стану заботиться, какъ бы ихъ выставить именно такими для самаго себя; ибо расчитываю, любезный другъ, — и смотри, В. какъ своекорыстно: если утверждаемое мною въ самомъ дѣлѣ справедливо, то хорошо повѣрять; а когда умершему не будетъ ничего, то въ послѣднее время, предъ смертію, я своею скорбію по крайней мѣрѣ не наведу скуки на присутствующихъ. Впрочемъ, это ненавидѣніе не умретъ со мною; иначе было бы худо: нѣтъ, оно скоро исчезнетъ. Приготовившись такимъ образомъ, Симміасъ и Кевисъ, молвилъ онъ, я приступаю къ разсужденію. Вы же, если хотите меня послушаться, заботьтесь не о Сократѣ, а С: гораздо болѣе объ истинѣ. Найдете слова мои справедливыми, — соглашайтесь; не найдете, — противорѣчьте имъ, сколько можете — въ той мысли, чтобы, по ревности къ моему убѣжденію, я не обманулъ себя и васъ, и, какъ пчела, не улетѣлъ, оставивъ свое жало.

Итакъ начнемъ, сказалъ онъ. Прежде всего напомните мнѣ, что говорили вы, если я самъ не въ состояннн буду вспомнить. Симміасъ, кажется, не вѣрять — изъ опасенія, что душа, не смотря на свою божественность и превосходство предъ тѣломъ, исчезнетъ первая, какъ нѣко- D. торый родъ гармоніи. А Кевисъ, помнится, уступилъ мнѣ,

что душа долговременнѣе тѣла: только то, говорить, никому неизвѣстно, не погибнетъ ли она теперь, можетъ быть, износивъ уже не разъ много тѣлъ и оставляя послѣднее; не это ли именно и называется смертію — гибель души, между-тѣмъ какъ тѣло непрестанно погибаетъ? Это, или что другое, должны мы изслѣдывать, Симміасъ и Кевисъ? — Оба согласились, что это. — Но въ

Е. прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ, спросилъ онъ, все ли вы отвергаете, или иное отвергаете, иное нѣтъ? — Да; иное — такъ, отвѣчали они, а иное нѣтъ. — Напримѣръ, какъ вы думаете о нашемъ мнѣніи, продолжалъ онъ, что ученіе есть припоминаніе? и если признаете его справедливымъ, то не необходимо ли вамъ допустить, что наша душа гдѣ-то существовала еще до своего вшествія въ тѣло? —

92. Что касается до меня, сказалъ Кевисъ, то я и тогда чрезвычайно вѣрилъ этой мысли и теперь держусь ея болѣе, чѣмъ всякой другой. — Да и я такъ думаю, примолвилъ Симміасъ, и удивительно было бы, еслибы объ этомъ предметѣ мнѣ понравилось что-нибудь иное. — Однакожь тебѣ, еивскій нашъ гость, вѣрно нравится что-нибудь иное, возразилъ Сократъ, когда ты держишься того мнѣнія, что гармонія есть вещь сложная, и что душа есть нѣкоторая гармонія, происходящая отъ напряженія тѣлесныхъ элементовъ; ибо ты вѣроятно самъ не согласишься съ собою, когда будешь говорить, что гармонія составила прежде существованія тѣхъ частей, изъ которыхъ ей надлежало составиться; или согласишься? — Конечно, не соглашусь, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — А замѣчаешь ли, спросилъ Сократъ, что тебѣ надобно утверждать это, если говоришь, что душа существовала до принятія человѣческаго вида и тѣла; стало быть, она была сложена изъ частей, еще не существовавшихъ? Вѣдь она уже не походитъ у тебя на приведенное подобіе — гармонію; потому что для гармоніи сначала получаютъ бытіе и лира, и струны, и звуки, пока

С. негармоническіе, а гармонія и послѣ всего является, и

прежде всего исчезаетъ. Итакъ, какимъ же образомъ одно изъ твоихъ мнѣній согласуется съ другимъ? — Никакъ не согласуется, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Однакожь въ рѣчи о гармоніи, замѣтилъ Сократъ, всего приличнѣе быть гармоніи. — Конечно, всего приличнѣе, сказалъ послѣдній. — Такъ вотъ твое разсужденіе и безъ гармоніи. Смотри же, что ты избереешь: то ли, что ученіе есть припоминаніе, или то, что душа есть гармонія?—Гораздо лучше первое, D. Сократъ, отвѣчалъ онъ; потому что послѣднее у меня ничѣмъ не доказывается, а только представляется правдоподобнымъ, бросается въ глаза, потому-то многимъ и нравится. Между тѣмъ я знаю, какъ обманчивы бываютъ разсужденія, въ которыхъ доказательства основываются на подобіи: не поостерегись отъ нихъ кто-нибудь, тотчасъ обманется — и въ геометріи и во всемъ другомъ. Напротивъ разсужденіе о припоминаніи и ученіи утверждается на основаніи достовѣрномъ; ибо сказано было, что наша душа и до вшествія въ тѣло существовала, такъ какъ ей принадлежитъ сущее, то-есть то, что выражается названіемъ сущности. E. Такимъ образомъ у меня не остается сомнѣнія, что предложенная мысль принята мною основательно и правильно. Слѣдовательно, я ли сказалъ бы, или кто другой, что душа есть гармонія, — этого мнѣнія мнѣ, думаю, принимать не надобно. — Но какъ ты думаешь, Симміасъ? спросилъ Сократъ: кажется ли тебѣ, что гармонія, или какое-нибудь другое сочетаніе должны находиться въ состояніи, отличномъ отъ состоянія частей, входящихъ въ сочетаніе?—Не 93. кажется. — Значить, первыя и дѣйствуютъ и страдаютъ только такъ, какъ дѣйствуютъ и страдаютъ послѣднія. — Подтвердилъ. — Поэтому гармоніи остается не управлять тѣми началами, изъ которыхъ она образуется, а слѣдовать имъ. — Согласился. — Значить, гармонія никакъ не можетъ находиться въ движеніи, издавать звуки, вообще проявляться иначе, вопреки частямъ своимъ. — Конечно не можетъ, отвѣчалъ онъ. — Но что? всякая гармонія не такъ ли есть

- В. гармонія, какъ бываетъ настроена?—Я не понимаю этого, сказалъ онъ. — Если, то-есть, строй выше и болѣе, лишь бы позволялъ инструментъ; то не выше ли и не болѣе ли также гармонія? Напротивъ, когда строй ниже и менѣе; то не ниже ли и не менѣе ли проявляется послѣдняя? — Конечно. — А можно ли сказать это о душѣ? Можно ли утверждать, чтобы одна душа хотя сама малѣйшимъ образомъ имѣла болѣе и въ большей степени, нежели другая душа, самое это свойство — быть душею? — Никакъ нельзя,
- С. отвѣчалъ онъ. — Хорошо, продолжалъ Сократъ: скажи же теперь, ради Зевса, не говорятъ ли, что иная душа отличается умомъ, добродѣтелию, благодію, а другая — безуміемъ, порочностію, зломъ? и не справедливо ли говорятъ это? — Конечно справедливо. — Итакъ, если душу называютъ гармонією; то чѣмъ почитаютъ упомянутыя — добродѣтель и зло? Не иною ли гармонією и дисгармонією? Когда, то-есть, душа настроена, то бываетъ доброю и въ самой своей гармоніи заключаетъ другую гармонію; а когда она не настроена, то другой гармоніи не имѣетъ? — Не знаю, что сказать на это, отвѣчалъ Симміасъ. — Однако
- Д. человекъ, слѣдующій такому предположенію, очевидно долженъ бы сказать нѣчто подобное. Впрочемъ, мы еще прежде согласились, что одна душа не можетъ быть душею ни болѣе, ни менѣе другой души; а это значить, что одна гармонія не выше и не болѣе, или не ниже и не менѣе другой. Не такъ ли? — Конечно такъ. — Гармонія же, которая не ниже и не выше другой, должна быть и настроена равнымъ образомъ не выше и не ниже. Правда ли? — Правда. — Но, настроенная не выше и не ниже, можетъ ли она заключать въ себѣ гармоніи болѣе или
- Е. менѣе? или заключаетъ ее ровно?—Ровно.—Итакъ, если одна душа не болѣе и не менѣе другой души обладаетъ этимъ свойствомъ — быть душею, то одна не болѣе и не менѣе другой настроена? — Такъ. — Находясь же въ такомъ состояніи, одна не можетъ имѣть болѣе, нежели

другая, — либо дисгармоніи, либо гармоніи? — Конечно не можетъ. — И далѣе: находясь въ такомъ состояніи, одна изъ нихъ будетъ ли болѣе причастна злу, либо добродѣтели, чѣмъ другая, если зло есть дисгармонія, а добродѣтель — гармонія? — Никакъ не болѣе. — Такъ вотъ безъ сомнѣнія вѣрное заключеніе, Симміасъ, что никакая душа не причастна злу, какъ скоро душа есть гармонія; потому что гармонія, оставаясь совершенно этимъ самымъ — гармоніею, не можетъ вмѣщать въ себѣ дисгармоніи. — Конечно не можетъ. — Значить и душа, оставаясь совершенно душою, не вмѣщаетъ въ себѣ зла. — Какъ же иначе, судя потому, что сказано выше?—Да, изъ нашего разсужденія слѣдуетъ, что души всѣхъ живыхъ существъ равно добры, если всѣ онѣ именно это самое — души. — Мнѣ кажется такъ, Сократъ, сказалъ онъ. — А хорошо ли, думаешь, утверждать подобное мнѣніе, спросилъ Сократъ, и дошло ли бы наше разсужденіе до такого заключенія, когда бы предположеніе, что душа есть гармонія, было справедливо?—Никакъ не дошло бы, отвѣчалъ онъ.— Но что? продолжалъ Сократъ: изъ всего, находящагося въ человѣкѣ, называешь ли ты господствующимъ что-нибудь, кромѣ души, особенно когда она благоразумна? — Не называю. — А душа, господствуя, пожеланіямъ тѣла, или противится имъ? Разумію вотъ что. Когда, напримѣръ, мучить зной и жажда, — душа иногда влечетъ къ противоположному — не пить; а когда томитъ голодъ, — она побуждаетъ къ противоположному — не ѣсть. Видимъ множество и другихъ примѣровъ, какъ она противится тѣлу. Или нѣтъ? — Конечно видимъ. — Однакожь не согласились ли мы прежде, что если душа есть гармонія, то она не можетъ разногласить съ тѣми составными частями, которыя сообщаютъ ей напряженность, ослабленіе, движеніе и все, свойственное имъ самимъ, и что она должна не управлять, а управляться ими? — Согласились, отвѣчалъ онъ; какъ не согласиться? — Чтожь? а теперь

она дѣлаетъ, по видимому, противное, то-есть, управляетъ всѣмъ тѣмъ, изъ чего, говорятъ, составлена; теперь D. она противустоитъ почти всему во всю жизнь и господствуетъ всячески, иногда строгими обузданіями и посредствомъ скорбей, напримѣръ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, либо въ врачебныхъ средствахъ, иногда кроткими внушеніями, грозя пожеланіямъ, гнѣву и трусости, и вразумляя ихъ такъ, какъ бы разговаривала съ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ себя, подобно Омиру, который говоритъ объ Одиссеѣ:

Е. Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло....

Думаешь ли, что Омиръ сложилъ эти стихи, почитая душу гармонію, управляемую пожеланіями тѣла? Не мыслилъ ли онъ напротивъ, что душа управляетъ и владычествуетъ ими, и что она есть нѣчто гораздо божественнѣе гармоніи? ¹ — Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, мнѣ кажется. — Итакъ, вовсе не хорошо намъ, почтеннѣйшій, называть душу гармонію; иначе мы, по всей вѣроятности, 95. не сойдемся ни съ Омиромъ, божественнымъ поэтомъ, ни сами съ собою. — Правда, сказалъ онъ.—

Хорошо, продолжалъ Сократъ; съ еивскою Гармонію у насъ, кажется, сладилось: теперь что дѣлать съ Кадмомъ ², Кевисъ? Какъ и какимъ словомъ преклонить его?—

¹ Душа, по своему существу, конечно не есть гармонія; однакожь ни что не мѣшаетъ ей быть гармонически или дисгармонически настроенною. Еслибы она была чистымъ и совершеннымъ духомъ, въ которомъ нельзя отличать явленія отъ бытія; то понятіе о гармоніи къ ней было бы дѣйствительно неприложимо. А такъ какъ, существуя сама въ себѣ, она въ то же время рефлектируетъ сама себя и становится явленіемъ; то въ значеніи явленія ей необходимо обнаруживать тотъ или другой строй,—тѣмъ необходимѣе, что въ ея существо, чего Сократъ конечно не предполагалъ, — входитъ начало не только жизни духовной, но и чувственной, и какъ то, такъ и другое привноситъ въ нее свой законъ дѣятельности. Примѣнительно къ этимъ-то законамъ, смотря по тому, который изъ нихъ господствуетъ, душа настроитъ не только свои силы, но чрезъ нихъ—и самое тѣло.

² Какъ Симміасъ, такъ и Кевисъ были Фивяне. Поэтому опровергнувъ мнѣніе Симміаса, Сократъ говоритъ, что съ еивскою гармонію теперь кон-

Вѣроятно, найдешь какъ, отвѣчалъ Кевисъ. Настоящее твое разсужденіе противъ гармоніи было чрезвычайно, я не ожидалъ этого; ибо когда Симміасъ высказалъ свое сомнѣніе, — мнѣ казалось очень удивительнымъ, еслибы кто вздумалъ опровергать его. Поэтому я вдругъ весьма В. изумился, когда онъ не могъ выдержать и перваго натиска твоей рѣчи. Стало быть, нѣтъ ничего страннаго, что и Кадмово слово подвергнется той же участи. — Не превози меня, добрый человекъ, сказалъ Сократъ, чтобы какая-нибудь зависть не унизила того разсужденія, которое сейчасъ будетъ предложено. Лучше припишемъ это попеченію божію, а сами омировски ¹ обратимся къ предмету и посмотримъ, дѣло ли ты говоришь. Сущность твоего вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: ты считаешь нужнымъ доказать, что наша душа непричастна гибели и безсмерт- С на, и что философъ, приближающійся къ смерти, надѣясь за гробомъ вступить въ состояніе гораздо лучшее, въ сравненіи съ состояніемъ людей, жившихъ иначе, питается надеждою не безразсудною, не нелѣпою. Доказательство же, что душа есть нѣчто сильное и богообразное, что она существовала прежде, нежели мы стали людьми, не мѣшаетъ, говоришь, отвергать ея безсмертіе. Позволительно, правда, приписывать ей долговѣчность, что, то-есть, она и до земной жизни имѣла бытіе неопредѣленно продолжительное, многое знала и дѣлала; но отсюда еще не вытекаетъ мысль о ея безсмертіи; ибо самое вшествіе D. ея въ человѣческое тѣло, подобно зародышу болѣзни, могло быть началомъ ея гибели. И вотъ она настоящую свою жизнь проводитъ скорбно, а въ минуту такъ называемой смерти и окончательно исчезаетъ. Въ отношеніи къ нашей боязни, ты думаешь, все равно, однажды ли душа входитъ

чено. Но въ миеологіи была своя еивская Гармонія, жена еивскаго царя Кадма; — отсюда острога Сократа: мы разсмотрѣли дѣло Гармоніи; надобно разсмотрѣть и дѣло Кадма.

¹ Омировски, то-есть, по обычаю Омировыхъ героевъ,—смѣло и мужественно.

въ тѣло, или много разъ; ибо кто не знаетъ и не можетъ доказать ея безсмертіе, тотъ, если только не безразсуденъ, долженъ постоянно находиться въ опасеніи. Вотъ почти Е. буквально твои слова, Кевисъ. Я нарочно нѣсколько разъ повторилъ ихъ, чтобы ничто не ускользнуло отъ насъ, если бы ты хотѣлъ прибавить къ нимъ, или отнять отъ нихъ что-нибудь. — Но въ настоящемъ случаѣ, примолвилъ Кевисъ, мнѣ нечего ни отнимать отъ нихъ, ни прибавлять къ нимъ: тутъ все, что я говорю.

Послѣ этого Сократъ долго молчалъ, размышляя самъ съ собою, и потомъ продолжалъ: Ты не бездѣлицы требуешь, Кевисъ; надобно вѣдь вообще разсмотрѣть причину рожденія и разрушенія. Хочешь ли, я расскажу, что въ 96. этомъ отношеніи случилось съ самимъ мною? И если въ моихъ словахъ иное покажется тебѣ полезнымъ для подтвержденія собственной твоей мысли, то воспользуйся этимъ. — Разумѣется, весьма охотно, сказалъ Кевисъ.—Слушай же, что буду говорить. Находясь еще въ молодости¹, я удивительно какъ жаденъ былъ до той мудрости, которую называютъ исторіею природы: мнѣ представлялось дѣломъ блистательнымъ знать причину всякой вещи, отъ чего каждая рождается, отъ чего погибаетъ и отъ чего существуетъ. Часто волновался я недоумѣніемъ, изслѣдывая в. во-первыхъ то, въ самомъ ли дѣлѣ иные справедливо утверждаютъ, что когда холодное и теплое предаются нѣкоторому гніенію, тогда получаютъ образованіе животныя, и чѣмъ мы мыслимъ, — кровію ли, воздухомъ, огнемъ, или не это, но мозгъ даетъ намъ чувства и слуха, и зрѣнія, и обонянія, изъ которыхъ происходятъ память и мнѣніе, а изъ памяти и мнѣнія, доведеннаго до постоянства, рождается знаніе? Замѣчая опять, что все это подлежитъ раз-

¹ Рассказъ Сократа, что онъ въ своей молодости стремился все объяснить изъ идей ума, надобно относить не къ Сократу, а къ Платону. Это ясно открывается далѣе на стр. 109 В., гдѣ на ученіе объ идеяхъ указывается, какъ на теорію прежнюю, обыкновенную, много разъ толкованную, чего Сократу приписать никакъ невозможно.

рушенію, и видя измѣняемость неба и земли, наконецъ я С. показался самъ себѣ столь неспособнымъ для подобныхъ изысканій, что изъ рукъ вонъ (ὡς οὐδὲν χρεῖμα). И вотъ тебѣ достаточный признакъ: прежде я кое-что ясно-таки зналъ, какъ и мнѣ самому казалось, и другимъ; а послѣ, чрезъ свои изслѣдованія, дошелъ до такой слѣпоты, что даже разучился знать вещи, дотолѣ мнѣ извѣстныя. Не говоря о множествѣ ихъ, укажу только на одну: отчего человѣкъ растетъ? Передъ тѣмъ временемъ я считалъ очевиднымъ D. для всякаго, что это бываетъ отъ пищи и питья. Когда, то есть, чрезъ пищу плоть прибавляется къ плоти, кости къ костямъ, и такимъ же образомъ все прочее, что съ чѣмъ сродно; тогда небольшая тяжесть становится уже большею, а слѣдовательно изъ малорослаго человѣка образуется великорослый. Такъ думалъ я прежде, и—какъ тебѣ кажется? — не ладно ли? — Мнѣ кажется, ладно, отвѣчалъ Кевисъ. — Смотри-ка и на это еще. По моему мнѣнію, достаточно правильнымъ казалось мнѣ, что когда великорослый человѣкъ станетъ возлѣ малорослаго, тогда бываетъ выше его цѣлою головою, равно какъ и конь выше коня. А и того яснѣе, что десять болѣе восьми, ибо прибавилось E. два,—и два локтя болѣе одного, потому что превышаютъ его половиною. — Да теперь-то, спросилъ Кевисъ, какъ же ты думаешь объ этомъ? — Теперь, клянусь Зевсомъ, я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ извѣстны; теперь я не могу даже увѣриться въ томъ, какимъ образомъ бываетъ, что когда кто приложилъ единицу къ единицѣ, то или единица, къ которой приложено, превратилась въ два, или приложенная и та, къ которой приложено, 97. чрезъ приложеніе одной къ другой, сдѣлались двумя. Для меня удивительно вотъ что: доколѣ каждая изъ единицъ существовала отдѣльно,—каждая была единицею, тогда онѣ не были двумя; а когда сблизились между собою, то вдругъ сближеніе ихъ стало причиною — сдѣлаться имъ двумя. Не понимаю также и того, какимъ образомъ, когда кто

- разсѣкъ одно, — самое разсѣченіе послужило причиною бытія двухъ. Вѣдь причина двухъ здѣсь противоположна
- В. причинѣ двухъ тамъ: тамъ стало два отъ взаимнаго сближенія и сложенія одного съ другимъ; а здѣсь произошло два отъ удаленія и раздѣленія одного отъ другаго. Равнымъ образомъ я не могу увѣриться и въ томъ, извѣстно ли мнѣ, откуда единица. Однимъ словомъ: не могу понять вообще, какъ что-нибудь этимъ путемъ рождается, исчезаетъ, или существуетъ. Самъ я напрасно ищу другаго, а показанный вовсе не нравится. Между тѣмъ однажды мнѣ кто-то сказалъ, будто онъ читалъ, говоритъ, въ книгѣ
- С. Анаксагоровой, что распорядитель и причина всего есть умъ. Тогда я радъ былъ этой причинѣ; мнѣ казалось, какъ-то хорошо, что причина всего есть умъ. Если это справедливо, думалъ я; то умъ, распоряжая всѣмъ, указываетъ мѣсто каждой вещи тамъ, гдѣ быть ей всего лучше. Поэтому кто захотѣлъ бы искать причину всякаго предмета, какъ онъ происходитъ, уничтожается, либо существуетъ; тотъ долженъ бы вывести ее изъ того, какъ ему
- Д. лучше существовать, страдать, или дѣйствовать. На этомъ-то основаніи человѣку надлежало бы уже и отъ самаго себя, и отъ прочихъ предметовъ требовать только превосходнѣйшаго и наилучшаго, хотя тотъ же самый человѣкъ по необходимости зналъ бы и худшее; потому что знаніе того и другаго есть одно и то же. Размышляя объ этомъ весело, я думалъ, что касательно причины вещей въ Анаксагорѣ нашелъ учителя по душѣ себѣ, что онъ сперва
- Е. скажетъ мнѣ о землѣ,—плоска ли она, или кругла, а сказавъ это, откроетъ причину и необходимость, дѣйствительно ли онъ излагаетъ самое лучшее мнѣніе, и точно ли землѣ всего лучше быть такою,—откроетъ также въ срединѣ ли она находится, и объяснить, почему ей лучше быть въ срединѣ. Если онъ объявитъ мнѣ это, думалъ я, то
98. рѣшусь не желать другой, инородной причины. Было у меня намѣреніе узнать отъ него такимъ же образомъ и о солн-

цѣ, и о лунѣ, и о прочихъ звѣздахъ, что касается до ихъ относительной скорости, поворотовъ и другихъ свойствъ, то есть, какое бы дѣйствіе или страданіе для всякаго изъ этихъ предметовъ могло быть самымъ лучшимъ. Утверждая, что все устроено умомъ, онъ конечно, думалъ я, не станетъ искать для этихъ вещей иной причины, кромѣ той, что быть имъ въ такомъ состояніи, въ какомъ онѣ находятся, всего лучше. Нашедши же причину предметовъ, в. взятыхъ порознь и вообще, онъ покажетъ, какъ мнѣ казалось, и самое лучшее для каждаго изъ нихъ, и общее благо для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И я не хотѣлъ дешево отдать своихъ надеждъ, но съ жаромъ ухватился за книги, намѣреваясь прочитать ихъ какъ можно скорѣе, чтобы какъ можно скорѣе узнать, что всего лучше и что хуже. Но столь удивительныя надежды, другъ мой, не долго оставались со мною. Продолжая читать, я вижу, что умомъ этотъ человѣкъ нисколько не пользуется, и порядка вещей не изъясняетъ никакими причинами: напротивъ въ основа- с. ній всего полагаетъ воздухъ, эфиръ, воду и много другихъ странностей. Онъ точно такъ поступаетъ, думаю я, какъ еслибы кто, положивъ, что Сократъ все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ умомъ, началъ потомъ приводить причины каждаго моего дѣла и сказалъ, на примѣръ, будто я потому теперъ сижу здѣсь, что мое тѣло состоитъ изъ костей и жилъ, что кости тверды и отдѣлены одна отъ другой со- ставами, а жилы имѣютъ способность растягиваться и о- слабляться, и лежатъ около костей вмѣстѣ съ плотію и ко- D. жею, которая все обхватываетъ; а такъ какъ кости могутъ быть поднимаемы въ ихъ составахъ, то растягивающіяся и ослабляющіяся жилы даютъ мнѣ возможность сги- бать члены,—и вотъ, согнувшись, я и сижу здѣсь. Пожалуй, и теперешній рзговоръ нашъ онъ произвелъ бы изъ по- добныхъ причинъ, на примѣръ, изъ голоса, воздуха, слуха и изъ множества другихъ того же рода, не обративъ вни- E. манія на причины истинныя, что Аѳиняне сочли за луч-

шее осудить меня, что поэтому мнѣ показалось лучше сидѣть здѣсь и, слѣдуя справедливости, терпѣливо подверг-
 99. нуться казни, которой они требуютъ. Вѣдь клянусь собакою, что и жилы мои, и кости, увлекаясь мнѣніемъ лучшаго, давно бы, думаю, были гдѣ-нибудь въ Мегарѣ или Бэотіи ¹, еслибы, вмѣсто того, чтобы бѣжать и скрыться, я не почелъ дѣломъ болѣе справедливымъ и честнымъ принять отъ города назначенную мнѣ казнь. Приводить подобныя причины вовсе не годится. Конечно, кто сказалъ бы, что безъ такихъ вещей, какъ кости, жилы и другія мои принадлежности, я не могъ бы дѣлать, что мнѣ угодно, тотъ сказалъ бы правду: но говорить, будто всѣ свои дѣла я дѣлаю умомъ, потому что у меня есть жилы и кости, а
 в. не потому, что избираю самое лучшее, было бы глупо вдоль и поперекъ ². Это значило бы не умѣть отличить, что другое дѣло — причина, и другое дѣло — то, безъ чего причина не могла бы быть причиною. И мнѣ кажется, многіе, мысля будто оцупью впотьмахъ, употребляютъ вовсе не тѣ имена для названія дѣйствительныхъ причинъ. Поэтому одинъ окружаетъ землю круговоротомъ, посредствомъ котораго небо предписываетъ ей стоять неподвижно; другой подпираетъ ее, какъ широкую квашню,
 с. воздухомъ: а силы, которою все, что гдѣ теперь стоитъ, поставлено самымъ лучшимъ образомъ, — такой силы никто и не ищетъ, и не усвоетъ ей божественнаго могущества. Люди предпочли выдумать Атланта, который былъ бы могущественнѣе и безсмертнѣе той силы, и все связывалъ бы наилучшимъ образомъ, а истинное благо и союзъ, дѣйствительно все связующій и сохраняющій, вмѣнили ни во что. И такъ мнѣ пріятно было бы поступить къ кому-нибудь въ ученики, что-
 д. бы узнать эту причину. Но, не владѣя ею и не имѣя воз-

¹ Это тѣ самыя мѣста, куда ученики уговаривали Сократа бѣжать изъ темницы.

² Было бы глупо вдоль и поперекъ, по гречески: πολλή ἄν καὶ μακρὰ ῥαθυμίᾳ εἶη τοῦ λόγου. Не хочу докнзывать, что русское выраженіе здѣсь вполне соответствуетъ греческому; но подойти ближе къ подлиннику я не могъ.

возможности открыть ее самъ, или перенять у другаго, хочешь ли, Кевись, я покажу тебѣ новую, употребляемую мною попытку ¹ отыскать ее? — Чрезвычайно хочу, отвѣчалъ онъ. — Послѣ того мнѣ показалось, продолжалъ Сократъ, что, утомившись въ изслѣдованіи истины, я долженъ остережся, какъ бы непотерпѣть такого же несчастія, какому подвергаются люди при разсматриваніи и наблюденіи солнечнаго затмѣнія. Вѣдь иные, смотря на солнце, а не на подобіе его въ водѣ, или въ чемъ другомъ, Е. портятъ зрѣніе. Размысливъ объ этомъ, я испугался, не ослѣпнуть бы и мнѣ душою, созерцая эти предметы очами и рѣшаясь касаться ихъ каждымъ своимъ чувствомъ. Поэтому я вздумалъ прибѣгнуть къ мышленію и въ немъ наблюдать истину сущаго. Впрочемъ моя мысль, можетъ быть, не вовсе соотвѣтствуетъ тому, чему она уподобляется: вѣдь я не согласенъ, что человѣкъ, созерцая сущее въ мышленіи, ² 100. созерцаетъ его образнѣе, чѣмъ созерцающій на самомъ дѣлѣ. Итакъ я поспѣшилъ обратиться къ своему собственному способу, то-есть, предполагая всякій разъ извѣстное основаніе, которое находилъ самымъ твердымъ, я принималъ за истину все, что казалось согласно съ нимъ,—причина ли то была, или иное что-нибудь, — и отвергалъ, какъ невѣрное, что съ нимъ не согласовалось. Хочется высказать тебѣ это яснѣе; думаю, ты не понимаешь меня. — Да, не очень, клянусь В. Зевсомъ, отвѣчалъ Кевись. — Впрочемъ, я говорю не но-

¹ *Новую попытку*, въ подлинникѣ τὸν δευτερον πλοῦν—греческая пословица моряковъ, выражающая ту мысль, что, когда нѣтъ благоприятнаго вѣтра, приходится лавировать. Ruhnken. ар. Wyttenb. Adn. p. 243.

² Выраженіе Платона въ этомъ мѣстѣ: τὸν (ἀνθρώπον) ἐν τοῖς λόγοις σκοποῦμενον, значить то же, что *созерцающаго въ идеяхъ*. Но идеи, по Платону, если не были вещи или предметы, усматриваемые чувствами, то не могли быть названы также и подобіями ихъ, или образами: въ другихъ мѣстахъ его сочиненій идеи называются τὰ παραδείγματα ἐν τῇ φύσει. Parm. 132 D.—дѣйствительными существами, но отнюдь не понятіями разсудка и не вещами. Поэтому великое само по себѣ, малое само по себѣ, равное само по себѣ и проч.—все это—не понятія и не вещи, а идеи, чрезъ присутствіе или общеніе которыхъ являются уже относительныя величины, имѣющія значеніе понятій.

вое, продолжалъ Сократъ, но то же самое, о чемъ не переставалъ говорить всегда,—и въ другихъ случаяхъ, и въ нынѣшней бесѣдѣ. Мнѣ предстоитъ показать родъ употребляемой мною причины; для этого я снова иду къ тому, о чемъ уже было много толковано, и начинаю съ положенія, что есть нѣчто само въ себѣ прекрасное, доброе, великое и иное прочее. Если въ этомъ ты уступишь мнѣ и согласишься со мною; то отсюда надѣюсь показать тебѣ и причину мою, и вывести заключеніе о безсмертіи души. — Будь увѣренъ въ моемъ согласіи и не медли своимъ заключеніями, отвѣчалъ Кевисъ. — Смотри же, что выдетъ далѣе, сказалъ Сократъ: такъ ли покажется и тебѣ, какъ мнѣ?

Мнѣ кажется, что если есть нѣчто прекрасное, кромѣ прекраснаго самаго въ себѣ, то оно прекрасно не по чему иному, какъ по своему участію въ томъ прекрасномъ. То же говорю я и о всемъ. Согласенъ ли ты на эту причину?—Согласенъ, отвѣчалъ онъ. — Хорошо же, продолжалъ Сократъ. Теперь я не знаю и не хочу знать никакихъ другихъ мудрыхъ причинъ, и если кто скажетъ мнѣ, что прекрасное прекрасно или отъ красиваго цвѣта, или отъ вида, или отъ чего иного; то я, боясь потеряться во множествѣ подобныхъ основаній, распрощусь со всѣми ими, и просто, безыскусственно, пожалуй, можетъ-быть, и глупо, буду держаться одного, что прекрасное происходитъ не отъ чего другаго, какъ или отъ присутствія, или отъ общенія, или отъ инаго участія въ немъ того прекраснаго: ибо это *или-или* я еще не рѣшилъ, а то рѣшилъ, что всякія прекрасныя вещи бываютъ прекрасны отъ прекраснаго. Послѣдній отвѣтъ, кажется, безопаснѣе и для меня самаго, и для другаго: держась этой мысли, мы вѣроятно никогда не уронимъ себя, но и я, и другой—можемъ надежно отвѣчать, что прекрасныя вещи бываютъ прекрасны отъ прекраснаго. Не такъ ли и ты думаешь?—Такъ.—Значитъ, и все великое бываетъ велико и бѣльшее больше отъ велико-

сти, а меньшее меньше—отъ малости?—Да.—Поэтому ты не согласишься, когда кто скажетъ, что одинъ бóльшій болѣе другаго головою, а другой меньшій—менѣе тѣмъ же 101. самымъ; но будешь утверждать, что все, что больше другаго, больше не чѣмъ инымъ, какъ величиною,—что бóльшее больше отъ величины, равно какъ и меньшее не отъ чего инаго меньше, какъ отъ малости,—будешь утверждать это конечно изъ опасенія, чтобы не встрѣтить противорѣчія, почитая кого-нибудь больше или меньше головою: вѣдь В. тогда бóльшее было бы больше, а меньшее меньше отъ одной и той же причины; притомъ бóльшее было бы больше такую малою вещью, какъ голова. Да странно и подумать, что нѣчто великое велико малымъ. Или ты не опасешься этого?—Опасаясь, отвѣчалъ Кевисъ, улыбаясь.—Поэтому ты равнымъ образомъ побоишься сказать, что десять больше осьми двумя, что не количествомъ и не по причинѣ количества, а двумя и отъ двухъ первое больше послѣдняго. Побоишься также сказать, что двухлоктевое пространство больше однолоктеваго—не величиною, а половиною; ибо и здѣсь то же самое опасеніе.—Конечно, С. отвѣчалъ онъ.—Но что? не поопасешься ли ты утверждать, что когда единица сложена съ единицею, то причина двухъ есть сложеніе, или, когда раздѣлено что-нибудь, то причина частнаго есть дѣленіе? Не закричишь ли ты, что не знаешь, какъ иначе сдѣлаться всякой вещи, если не чрезъ участіе ея въ сродной ей сущности? Найдешь ли ты иную причину и двухъ, кромѣ той, что два причастны двоицѣ, что въ двоицѣ должно получить участіе все, имѣющее быть двумя, равно какъ въ единицѣ—все, чему надобно быть однимъ? А съ этими дѣленіями, сложеніями и другими подобными хитростями ты конечно распрощаешься, предоставивъ отдѣлываться ими людямъ, которые по D. мудрѣе тебя. Боясь, по пословицѣ, собственной своей тѣни и неопытности, ты будешь держаться за упомянутое твердое основаніе. Если же оно сдѣлается предметомъ нападе-

нiя; то ты оставишь возражателя и не будешь отвѣчать ему, пока не размотришь, что вытекаетъ изъ твоего начала,—и слѣдствiя изъ него, по твоему мнѣнiю, согласны ли между собою, или несогласны. Когда же предстояло бы дать въ немъ отчетъ, то дашь его такъ: прищешь предположенiе, которое было бы между болѣе общими лучшее, и будешь идти далѣе, поступая подобнымъ образомъ, пока не достигнешь до чего-нибудь удовлетворительнаго. Притомъ, желая найти нѣчто истинное, ты не по-
 102. зволишь себѣ смѣшенiя, какъ дѣлаютъ спорщики, и не станешь бросаться въ разговорѣ то къ началу, то къ слѣдствiямъ. У спорщиковъ нѣтъ объ этомъ ни рѣчи, ни заботы: довольные своею мудростiю, они взбуровливаютъ все вмѣстѣ, лишь бы только нравиться самимъ себѣ. На-
 противъ ты, если хочешь быть въ числѣ философовъ, конечно будешь дѣлать такъ, какъ я говорю.—И ты говоришь очень справедливо, отвѣчали Симмиасъ и Кевисъ.

Эхекр. Въ самомъ дѣлѣ, клянусь Зевсомъ, Федонъ; мнѣ кажется, это разсужденiе Сократа удивительно какъ ясно—даже для человѣка съ небольшимъ умомъ.

Фед. Конечно, Эхекратъ; такимъ показалось оно и всѣмъ бывшимъ тогда у Сократа.

Эхекр. Да и намъ,—хотя мы не были у него, а только слушаемъ. Ну что же говорено было далѣе.

Фед. Помнится, когда въ этомъ уступили ему и согласились, что каждая изъ идей имѣетъ значенiе сама по себѣ, и что все другое, являющееся подъ ними, отъ нихъ заимствуетъ и названiе; то онъ вслѣдъ за тѣмъ спросилъ: если же ты думаешь такъ, то, говоря, что Симмиасъ болѣе Сократа и менѣе Федона, не приписываешь ли Симмиасу того и другаго,—и великорослости, и малорослости? — Приписываю.—Однакожь смотри, продолжалъ онъ: усвоя Симмиасу преимущество предъ Сократомъ, согласенъ ли ты, что это—правда не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Вѣдь Симмиасу, должно быть, естественно являться выше не потому, что

онъ Симміасъ, а по свойственной ему величинѣ. И опять, С. онъ—выше не потому, что Сократъ есть Сократъ, а потому, что Сократу, въ сравненіи съ ростомъ Симміаса, принадлежитъ малорослость. — Справедливо. — Такимъ же образомъ Симміасъ—ниже Федона не потому, что Федонъ есть Федонъ, а потому, что Федону, въ сравненіи съ малорослостію Симміаса, свойствена великорослость.—Такъ.—Слѣдовательно Симміасъ получаетъ названіе малорослаго и великорослаго, поколику находится между обоими, доставляя случай одному изъ нихъ быть выше своей мало- D. рослости великорослостію, а другому стоять ниже своей великорослости малорослостію. И тутъ же ¹, улыбнувшись, прибавилъ: я выражаюсь конечно съ судейскою точностію; однакожь это такъ, какъ говорю.—Кевисъ согласился.—И говорю это съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мое мнѣніе сдѣла- лось твоимъ; ибо мнѣ кажется, что не только великость сама по себѣ никогда не желаетъ быть вмѣстѣ великою и малою, но и великость наша не принимаетъ малаго и не хочетъ превосходить малости. Тутъ одно изъ двухъ: она или убѣгаетъ и удаляется, когда подходитъ противное ей E. малое; или исчезаетъ, когда послѣднее уже подошло. Пусть она даже терпитъ и принимаетъ малость: но все не хочетъ быть инымъ, чѣмъ была прежде. Напримѣръ, я принялъ и терплю малость, и пока продолжаю быть тѣмъ, что есмь, я малъ; а то великое само по себѣ не смѣетъ превратиться въ малое, равно какъ и малое не хочетъ сдѣлаться или быть великимъ. Такимъ же образомъ и всѣ другія противоположности, оставаясь тѣмъ, чѣмъ были, не хотятъ сдѣлаться или быть противными тому, но въ этомъ состояніи или устраниются, или исчезаютъ. — Мнѣ 103. кажется, совершенно такъ, отвѣчалъ Кевисъ. — Услышавъ это, кто-то изъ присутствовавшихъ сказалъ (кто та-

¹ Συυραφικῶς, этимъ словомъ указывается на точность, съ какою обыкновенно пишутся судейскія, или дѣловыя бумаги—συυραφικῶι. Сравни Gorg, p. 451 В. εἰπομεν ἂν ἄσπερ οἱ ἐν τῷ δῆμῳ συυραφόμενοι.

- кой, не помню хорошенько): ради боговъ! да въ прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ развѣ не было допущено, совершенно вопреки настоящему положенію, что изъ меньшаго происходитъ большее, а изъ большаго меньшее, и что именно такимъ образомъ противныя происходятъ изъ противныхъ? а теперь, по видимому, говорится, что этого никогда не бываетъ. — Сократъ наклонилъ голову и, выслушавъ, сказалъ: браво, что вспомнилъ! только ты не понялъ различія между тѣмъ, что теперь говорится, и тѣмъ, что было говорено тогда. Тогда было говорено, что противная вещь бываетъ изъ противной, а теперь, что противное само по себѣ ни въ насъ, ни въ природѣ, никогда не можетъ сдѣлаться противнымъ самому себѣ. Тогда, другъ мой, мы разсуждали о предметахъ, заключающихъ въ себѣ противное, и на этомъ основаніи называли ихъ своими именами; а теперь разсуждаемъ о томъ, что, сообщаясь предметамъ, называемымъ противными, даетъ имъ имя ¹ противныхъ.
- С. Этому-то мы никогда не приписывали рожденія одного отъ другаго. И вдругъ, взглянувъ на Кевиса, спросилъ: не пугаетъ ли и тебя, Кевись, что-нибудь подобное словамъ его? — Нѣтъ, отвѣчалъ Кевись, я уже не прежній,

¹ Чтобы яснѣе понять различіе, какое указываетъ Сократъ между прежнимъ положеніемъ, что изъ меньшаго происходитъ большее, а изъ большаго меньшее, или вообще — что противныя происходятъ изъ противныхъ, — и между послѣднимъ, что противоположности не хотятъ перейти въ противное себѣ, надобно представить, что всякая вещь имѣетъ матерію и форму. Но форма обыкновенно принимается въ двухъ значеніяхъ: одна — въ значеніи видовомъ, а другая — въ родовомъ; первая заключаетъ въ себѣ признаки, отличающіе ее отъ другихъ вещей того же рода, и слѣдовательно указываетъ на разницы матеріальныя, а послѣдняя характеризуется прииѣтами, отличающими ее отъ другихъ родовъ, слѣдовательно ничего матеріальнаго въ себѣ не имѣетъ. Формы въ послѣднемъ смыслѣ Платонъ называетъ идеями и говоритъ, что онѣ одна въ другую не переходятъ и не принимаютъ въ себя ничего противнаго: напротивъ отдѣльныя вещи, означаемыя частными именами и опредѣляемыя формами матеріальными, измѣняютъ свои свойства и дѣлаются малыми изъ великихъ, или великими изъ малыхъ, смотря по тому, какой идеѣ становятся причастными. Иначе сказать: вещи, по матеріи, одна другой не противны; противоположность ихъ зависитъ отъ того, въ какой идеѣ, или родовой формѣ онѣ содержатся. Какъ по матеріи не про-

хотя отнюдь не говорю, что не пугаетъ меня многое.—Слѣдовательно мы согласны другъ съ другомъ, сказалъ онъ,—согласны именно въ томъ, что противное само по себѣ никогда не будетъ противнымъ самому себѣ. — Безъ сомнѣнія.—Изслѣдуй же мнѣ еще вотъ что, продолжалъ онъ: не согласишься ли со мною? Ты называешь что-нибудь теплотою и холодомъ? — Называю. — Не снѣгъ ли это и огонь?—О, совсѣмъ нѣтъ.—Значить, теплота, сама по себѣ, отлична отъ огня, а холодъ, самъ по себѣ,—отъ снѣга?— D. Да.—Тебѣ, думаю, кажется также, что снѣгъ, въ состояніи снѣга, принимая въ себя теплоту, какъ прежде говорили, никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ,—снѣгомъ и теплотою, но, по присоединеніи къ нему теплоты, или устраняется отъ нея, или пропадаетъ. — Конечно. — Тоже и огонь, по приближеніи къ нему холода, либо отступаетъ, либо исчезаетъ, и никакъ не осмѣливается, принявъ въ себя холодъ, оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ,—огнемъ и холодомъ. Ты правду говоришь, отвѣчалъ Кевисъ.—Бываетъ, стало- E. быть, продолжалъ онъ, въ отношеніи къ кое-чему подобному, что не только самъ родъ навсегда удерживаетъ свое имя, но и нѣчто другое, чтò хотя отлично отъ этого рода, однакожь постоянно является въ его образѣ, пока сохраняетъ свое бытіе. Смыслъ моихъ словъ, можетъ быть, сдѣлается яснѣе вотъ на чемъ. Нечету вѣроятно всегда должно при-

тивныя, онѣ происходятъ одна отъ другой; относительно же къ идеѣ, происхожденіе ихъ одной отъ другой невозможно. Но между идеею и матеріею вещи, по ученію Платона, есть нѣчто среднее: это—та видовая форма (*морфѣ*) которою обозначается общеніе вещи съ извѣстною идеею, или которая есть какъ бы запечатлѣніе матеріи, не позволяющее ей принимать въ себя не только противнаго идеѣ, давшей вещи образъ, но и тѣхъ свойствъ, какія могли бы быть внесены въ этотъ образъ противною идеею. Треугольникъ, по содержанію, не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго четвероугольнику; такъ что величина перваго можетъ быть превращена въ величину послѣдняго. Но идея треугольника никогда не уступитъ своего значенія идеѣ четырехугольника и не приметъ его въ себя. И когда этою идеею сообщена матеріи форма опредѣленныхъ тремя линиями трехъ угловъ, тогда треугольникъ въ этой формѣ не только не приметъ идеи четвероугольника, но и тѣхъ свойствъ, которыя могли бы быть внесены ею въ его образъ.

- надлежать то имя, которымъ теперь называемъ его; не такъ ли?—Конечно.—Но въ ряду существъ одинъ ли нечетъ (въ 104. этомъ-то и состоитъ мой вопросъ), или есть и другія вещи, которыя хотя и не то, что нечетъ, однакожь, называя каждую изъ нихъ ея именемъ, надобно всегда называть ее и нечетомъ, поколику ея природа такова, что отъ нечета она никогда не отдѣляется? Для примѣра могу указать на троицу и на многое другое. Размотри-ка троицу: не кажется ли тебѣ, что ее всегда должно называть и собственнымъ ея именемъ, и именемъ нечета, хотя нечетъ—не то, что троица? Таковы по природѣ и троица, и пятерица, и цѣлая половина всѣхъ чиселъ: хотя они не нечетъ самъ по себѣ, однакожь каждое изъ нихъ всегда бываетъ нечетомъ.
- В. противъ два, четыре и всякое число изъ другаго ряда чиселъ, не будучи само по себѣ четомъ, тѣмъ не менѣе всегда бываетъ четное. Согласенъ или нѣтъ? — Какъ не согласиться, отвѣчалъ онъ.—Смотри же, что я выведу, сказалъ Сократъ: вѣдь именно отсюда явствуетъ, что не только тѣ противныя взаимно себя не принимаютъ, но и взаимно непротивныя, и однако всегда заключающія въ себѣ противное, не принимаютъ той идеи, которая противна другой, въ нихъ самихъ находящейся: если же она под-
- С. ходитъ, то или исчезаютъ, или удаляются. Не скажемъ ли, что число три скорѣе или исчезнетъ, или подвергнется чему иному, прежде чѣмъ потерпитъ, чтобы, оставаясь тремя, оно сдѣлалось четомъ?—Конечно скажемъ, отвѣчалъ Кевисъ.—Между тѣмъ двоица вѣрно не противна троицѣ? продолжалъ Сократъ.—Безъ сомнѣнія не противна.—Стало быть, не только противные роды не терпятъ взаимнаго приближенія, но и иное противное не терпитъ, чтобы къ нему приближалось противное.—Твои слова весьма справедливы.—Итакъ не угодно ли, продолжалъ Сократъ, мы по возможности опредѣлимъ, что это такое?—
- Д. И очень.—Не то ли это, Кевисъ, сказалъ онъ, что чѣмъ бы ни владѣло обладающее,—оно заставляеть обладаемое

удерживать не только идею себя, но и постоянно противнаго себѣ?—Какъ это?—Такъ, какъ и сейчасъ говорили: ты вѣроятно знаешь, что все, чѣмъ овладѣваетъ идея трехъ, вынуждено быть не только тремя, но и нечетомъ. — Конечно. — А къ противнымъ вещамъ, сказали мы, никогда не подойдетъ идея, противная тому образу, который дѣлаетъ ихъ такими. — Точно такъ. — Но сдѣлалъ ихъ такими-то образъ нечета? — Да. — Противень же ему образъ чета?—Да.—Слѣдовательно къ тремъ никогда не подойдетъ идея чета.—Очевидно никогда.—Поэтому число три чуждо чета.—Чуждо.—То-есть, три—нечетъ.— Да.—Но я намѣренъ былъ опредѣлить, что бы такое было, хотя и не противное другому, однакожъ не принимающее противнаго себѣ, подобно троицѣ, которая хотя и не противна чету, однакожъ все-таки не принимаетъ его; потому что четъ привлекъ бы къ ней противное, какъ двоица привлекла бы противное къ нечету, огонь—къ холоду, и такъ далѣе. Смотри-ка, не опредѣлишь ли вотъ какимъ образомъ: противное не принимаетъ не только противнаго, но и того, что можетъ принять противное, во что бы оно ни входило; такъ что и приносящее отнюдь не принимается ради того, что противно приносимое. Вспомни еще (ибо часто слушать весьма не худо), что число пять на приметь образа чета, а десять—дважды пять образа нечета. Это послѣднее, само по себѣ, положимъ, противво чему-нибудь иному ¹; однакожъ оно не приметь образа нечета. Равнымъ образомъ и часть полуторная, и все такое, — и половина, и третья часть, не приметь образа цѣлости. Слѣдуешь ли за мною? и такъ ли тебѣ кажется?—Я совершенно согласенъ и слѣдую за тобою, отвѣчалъ онъ.—Говори же опять сначала, продолжалъ

¹ То-есть, десятирица противна не формѣ нечета, а только виду его—числу пятеричному, которое есть нечетное; однакожъ и поэтому уже она не можетъ сдѣлаться нечетомъ. Такимъ же образомъ половина, треть и проч. хотя не противны цѣлому, такъ какъ цѣлое противно части; однакожъ не принимаютъ въ себя цѣлаго, но удаляются отъ его формы.

Сократъ, и подражая мнѣ, отвѣчай не то, о чемъ я буду спрашивать, а другое. Я предлагаю тебѣ дѣлать отвѣты не такіе, какъ прежде, имѣя въ виду, кромѣ прежнихъ безопасныхъ отвѣтовъ, найти другую безопасность. Если бы ты вздумалъ спросить меня: что сообщится тѣлу, когда кому сдѣлается тепло? то я далъ бы тебѣ не тотъ безопасный и простоватый отвѣтъ, что сообщится теплота, но, приспособительно къ теперешнему нашему разговору, отвѣчалъ бы хитрѣе, что огонь. Равно, если бы ты спросилъ: что сообщится тѣлу, когда оно заболѣетъ? то въ отвѣтъ я указалъ бы не на болѣзнь, а на лихорадку. Или на вопросъ: что сообщится числу, когда оно станетъ нечетомъ? я поставилъ бы на видъ не нечетность, а единицу. Такимъ образомъ и все. Смотри же, достаточно ли понялъ ты теперь, чего я хочу? — Весьма достаточно, сказалъ онъ. — Такъ отвѣчай, продолжалъ Сократъ, что должно сообщиться тѣлу, чтобы ему сдѣлать-

Д. ся живымъ? — Должна сообщиться душа, отвѣчалъ онъ. — И это всегда такъ бываетъ? — Какъ же не всегда? сказалъ онъ. — Значитъ душа, чѣмъ бы она ни владѣла, всему и всегда приносить жизнь? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — А жизни есть что-нибудь противное, или нѣтъ? — Есть, сказалъ. — Что такое? — Смерть. — Но изъ того, въ чемъ мы недавно согласились, не слѣдуетъ ли, что душа никогда не приметъ противнаго тому, что она всегда приносить? — Непремѣнно слѣдуетъ, отвѣчать Кевисъ. — Что же теперь? скажи-ка, чѣмъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи чета? — Нечетомъ, отвѣчалъ онъ. — А то, что не принимаетъ справедливости и музыкальности? — Одно немзыкальностію, другое несправедливостію, сказалъ онъ. — Хорошо; какъ же мы называемъ то, что не принимаетъ смерти? Безсмертнымъ. — Но душа не принимаетъ смерти? — Нѣтъ. — Слѣдовательно душа безсмертна? — Безсмертна. — Хорошо, примолвилъ онъ; можешь ли теперь считать это доказаннымъ? Или какъ тебѣ кажется? — Да и очень достаточно, Сократъ.

— Такъ что же, Кевисъ? продолжалъ онъ: еслибы нечету необходимо было не погибать; то неужели и три оста- 106.
 валось бы негибнущимъ? — Какъ же иначе? — Значить, еслибы и нетеплому надлежало не погибать; то какъ скоро кто вздумалъ бы къ снѣгу приблизить теплоту, онъ устранился бы безвредно и не растаялъ? Вѣдь снѣгъ не можетъ погибнуть, а удерживая свое существованіе, не можетъ принять теплоту. — Твоя правда, сказалъ онъ. — Еслибы, думая также, и нехолодному надобно было не погибать; то какъ скоро кто приблизилъ бы къ огню что-нибудь холодное, огонь не потухъ бы и не погибъ, но отошелъ бы не-вредимымъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Но не необходимо ли сказать то же самое и о безсмертномъ? спросилъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, если безсмертное есть вмѣстѣ и в. негибнущее, то душѣ, когда приближается къ ней смерть, погибнуть невозможно; потому что смерти, по вышесказанному, она вѣрно не приметъ и не будетъ мертвою, равно какъ число три, сказали мы, не будетъ четомъ, хотя оно и не есть нечетъ самъ по себѣ, или какъ огонь не будетъ холодомъ, хотя онъ и не есть теплота въ огнѣ. Впрочемъ, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: что препятствуетъ нечету, — хотя, по приближеніи къ нему чета, какъ найдено, онъ и не дѣлается четомъ, — что препят- С. ствуетъ нечету уничтожиться и вмѣсто себя дать мѣсто чету? Кто сказалъ бы это, съ тѣмъ мы не могли бы спорить, что нечетъ не уничтожается; потому что нечетъ не есть нѣчто негибнущее. А будь это намъ извѣстно, мы легко спорили бы, что, по приближеніи чета, и нечетъ и три тотчасъ уходятъ. Точно также могли бы спорить и объ огнѣ, и о теплотѣ, и о всемъ другомъ. Не правда ли? — Конечно. — То самое теперь и о безсмертномъ: если намъ извѣстно, что оно не гибнетъ, то душа не только безсмертна, но и не гибнетъ; а когда не такъ, то нужно иное доказательство. — Нѣтъ, для этого-то не нуж- D. но, сказалъ онъ; ибо едва ли что-нибудь не разрушится,

если даже бессмертное и вѣчное подвергнется разрушенію. — Я думаю, всѣ будутъ согласны, продолжалъ Сократъ, что и Богъ, и самая идея жизни, и все, что есть бессмертное, никогда не гибнетъ. — Это, клянусь Зевсомъ, по моему мнѣнію, извѣстно всѣмъ людямъ, отвѣчалъ Кевись, а еще болѣе извѣстно богамъ. — Но когда бессмертное вмѣстѣ и неразруσιμο; то душа, существо бессмертное, вѣрно есть и существо негибнущее? — Крайне необходимо. — Слѣдовательно, по пришествіи смерти къ человѣку, смертное его, должно быть, умереть, а бессмертное, устранившись отъ смерти, отойдетъ невредимымъ и неразрушимымъ. — Явно. — Итакъ, Кевись, прибавилъ онъ, душа, безъ всякаго сомнѣнія, есть существо бессмертное и негибнущее, и наши души непремѣнно будутъ въ преисподней. — Да и я, Сократъ, ничего не могу сказать кромѣ этого, заключилъ Кевись: какъ не вѣрить словамъ твоимъ! Но если Симміасъ, или кто другой, имѣетъ сдѣлать замѣчаніе, то хорошо бы не молчать имъ: кто желаетъ говорить или слушать объ этомъ предметѣ; тотъ, не знаю, какое лучшее время могъ бы избрать для удовлетворенія своему желанію, какъ не настоящее. — Но вѣдь и самъ я, по крайней мѣрѣ послѣ того, что было сказано, не могу уже не вѣрить, примолвилъ Симміасъ. Одно лишь величіе предмета, о которомъ шла рѣчь, и несоразмѣрная съ нимъ человѣческая слабость удерживаютъ меня въ недоумѣніи касательно бывшаго разсужденія. — Нетолько касательно бывшаго, Симміасъ, сказалъ Сократъ: твои слова годились бы и въ отношеніи къ прежнимъ нашимъ положеніямъ; то-есть, сколь бы достовѣрными они ни казались вамъ, все однакожь надобно изслѣдовать ихъ яснѣе, и если достаточно изслѣдуете, то, думаю, убѣдитесь въ моемъ словѣ, сколько возможно убѣждаться человѣку. А когда это для васъ прояснится, тогда ни о чемъ болѣе не будете спрашивать. — Ты правду говоришь, сказалъ онъ. —

Но вотъ о чемъ еще нужно размыслить, друзья, про-

должалъ Сократъ: если душа безсмертна, то должно имѣть С. о ней попеченіе въ отношеніи не къ одному тому времени, въ которомъ мы, какъ говорится, живемъ, но ко все-му; и тотъ, по видимому, подвергнется страшной опасности, кто вознерадитъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы смерть была оставленіемъ всего, то для людей злыхъ какая бы находка, — оставляя вмѣстѣ съ тѣломъ и душу, оставить злыя дѣла свои! Но когда открывается, что душа безсмертна, — ей вѣдь нѣтъ инаго избавленія отъ золь, нѣтъ инаго спасенія, какъ сдѣлаться наилучшею и разумнѣй- D. шею; ибо, отходя въ преисподнюю, она не уноситъ ничего, кромѣ образованія и пищи своей ¹; а это умирающему, говорятъ, тотчасъ же, въ самомъ началѣ его отшествія, или очень полезно, или очень вредно. Сказываютъ такъ ²: каждаго умирающаго духъ ³, которому онъ въ жизни достался, беретъ для отведенія въ нѣкое мѣсто, гдѣ собравшіеся подвергаются суду и идутъ въ преисподнюю, — всякій съ своимъ вожатымъ, кому кого велѣно отсюда перевезть туда. Достигнувъ назначеннаго мѣста E. и пробывъ въ немъ опредѣленное время, всякій, подъ руководствомъ уже другаго вожатая, опять идетъ, — и это совершается въ большіе и длинные періоды. Впрочемъ такое шествіе не походитъ на описываемое Эсхиловымъ 108. Тилефомъ. Послѣдній говоритъ, что въ преисподнюю ведетъ простая стезя; а мнѣ кажется, что она и не проста и не одна: иначе на что бы и вожатаи; ибо гдѣ дорога одна, тамъ никто и никогда не заблудится. Нѣтъ, на этой

¹ Кромѣ образованія и пищи, *πῶς τῆς παιδείας καὶ τροφῆς*. Само собою разумѣется, что *τροφῆ* принимается здѣсь въ смыслѣ метафорическомъ, какъ пища душъ, или пріобрѣтенныя ими познанія.

² Разсужденія Сократа о судьбѣ отшедшихъ душъ въ преисподнюю называются у Аполлодора *ὑκλίται*, или рапсодіями изъ одиннадцатой пѣсни Омировой Одиссеи. Такихъ рапсодій въ сочиненіяхъ Платона три: въ Федонѣ, Горгіасѣ (р. 512 sqq.) и Государствѣ (X р, 614.)

³ Платонъ допускаетъ, что каждый человѣкъ проводитъ жизнь подъ покровительствомъ приставленнаго къ нему духа (*δαίμων*), который сопровождаетъ его и въ жизнь загробную, Cratyl. р. 397. Symp. р. 262. Tim. р. 40 ал.

- дорогѣ должно быть много перекрестковъ и обходовъ: я вывожу свое заключеніе изъ священныхъ церемоній и уставовъ ¹. Душа благонравная и умная вступаетъ въ путь, и новое настоящее не незнакомо ей: а пристрастная къ тѣлу, какъ я прежде сказалъ, долго витаетъ около
- В. него и около видимаго мѣста и, чрезвычайно упорствуя и много страдая, насильно, едва-едва уводится приставленнымъ къ ней духомъ. Когда же она приходитъ туда, куда и другія; тогда отъ ней, нечистой, надѣлавшей столько грѣховъ, связанной неправедными убійствами, или совершившей иное тому подобное и подобнымъ душамъ свойственное, — отъ ней всѣ убѣгаютъ и отвращаются, никто не хочетъ быть ни ея спутникомъ, ни проводникомъ, — и она
- С. блуждаетъ въ самомъ жалкомъ состояніи, пока не пройдетъ извѣстное время, послѣ котораго самая уже необходимость влечетъ ее въ приличное жилище. Напротивъ всякая душа, проведшая жизнь чисто и воздержно, имѣетъ сопутниками и проводниками боговъ, и переходитъ въ пристойное для себя мѣсто. А на землѣ есть много удивительныхъ мѣстъ, и она, по своимъ свойствамъ и величинѣ, какъ меня увѣряли, не такова, какою обыкновенно почитаютъ ее землеописатели. — Что же ты говоришь это,
- Д. Сократъ? спросилъ Симміасъ. О землѣ вѣдь я и самъ много-таки слышалъ, однако не то, въ чемъ ты увѣренъ; поэтому съ удовольствіемъ послушалъ бы. — Но вѣдь не съ Главконовымъ искусствомъ надобно, кажется, рассказывать это ², Симміасъ. Правду молвить, тутъ требуется искусство потруднѣе Главконова. Можетъ быть, это было бы даже

¹ Здѣсь Платонъ разумѣетъ, кажется, ту часть языческихъ обрядовъ, которыми указывается на многообразные пути въ преисподнюю. Сюда относятся слова *Олимпіодора* у Виттенбаха: ἀλλὰ καὶ τῶν ἀποικημένων ψυχᾶς τριχῆ θεραπέουσι ἄλλως μὲν τὰς τῶν παναγῶν ἱερέων, ἄλλως δὲ τὰς τῶν βιοθανάτων (насилственно убитыхъ) καὶ ἐτι ἄλλως τὰς τῶν πολλῶν.

² Съ Главконовымъ искусствомъ всего не расскажешь, — пословица. Она примѣняется къ такимъ вещамъ, которыя требуютъ немного ума и соображенія. А въ происхожденіи этой пословицы критики несогласны между собою. *Xenoph.* Мемор. 1, 7, 3.

выше моихъ силъ; а еслибы я и могъ, то жизни моей, Симмиасъ, не достало бы для разсужденія столь обширнаго. Что же касается до идеи земли, какую мнѣ передали, и до мѣстъ ея, то объ этомъ ничто не мѣшаетъ побесѣдовать. — Да и того довольно, сказалъ Симмиасъ. — Итакъ меня увѣряли, продолжалъ Сократъ, во-первыхъ въ томъ, что если земля вращается въ центрѣ неба, то ей нѣтъ надобности ни въ воздухѣ, ни въ какомъ иномъ основаніи, чтобы не упасть: для поддержанія ея достаточно повсюду-наго самоподобія неба и равновѣсія земли; ибо равновѣсная вещь, поставленная, въ срединѣ чего-нибудь самоподобнаго, нимаю не можетъ отступить въ которую-либо сторону, но, какъ самоподобная пребываетъ неуклонно. Такъ вотъ въ чемъ увѣряли меня, сказалъ онъ. — И правильно, замѣтилъ Симмиасъ. — Сверхъ того, продолжалъ Сократъ, земля очень велика, и мы, отъ Фасиса до Геркулесовыхъ столповъ, занимаемъ малѣйшую часть ея, живя около моря¹, какъ муравьи и лягушки около болота. Другія подобныя мѣста заселены иными многими жителями. Есть же вокругъ по землѣ очень довольно впадинъ, различныхъ и по виду, и по величинѣ, въ которыя стекаются—и вода, и облака, и воздухъ. А сама настоящая земля стоитъ чистая въ чистомъ небѣ,—тамъ, гдѣ звѣзды. У многихъ, занимающихся этимъ предметомъ, небо называется также эфиромъ, котораго осадокъ есть все, стекающее въ земныя впадины. Мы не замѣчаемъ, что живемъ въ земныхъ впадинахъ, и думаемъ, будто наше жилище—на земной поверхности, уподобляясь тому, кто, обитая въ самой глубинѣ моря, представлялъ бы, что онъ обитаетъ на морѣ и, сквозь воду взирая на солнце и другія звѣзды, море почиталъ бы небомъ. По своей медленности и слабости, онъ никогда не поднимался бы до морской поверхности и не видалъ бы ея;

¹ Живя около моря—разумѣется море Средиземное. Мѣстность, о которой говоритъ Сократъ, простирается отъ востока къ западу и лежитъ между Чернымъ моремъ и Гибралтаромъ.

ему даже не пришлось бы слышать ни отъ какого очевидца, во сколько чище и прекраснѣе тотъ міръ, который выдается изъ моря въ верхнее пространство. Точно въ такомъ состояніи находимся и мы: живя въ какой-то впадинѣ земли, мы думаемъ, что живемъ на ея поверхности, воздухъ называемъ небомъ и представляемъ, что звѣзды текутъ именно по этому небу. А все отъ того,

Е. что слабость и медленность не позволяютъ намъ вознестись до предѣловъ воздуха: иначе, кто поднялся бы до его высоты, или взлетѣлъ къ ней, окрилившись; тотъ, изникнувъ, какъ вынырнувшія изъ моря рыбы видятъ надводное, увидѣлъ бы все тамошнее и, лишь бы только природа его могла выдержать созерцаніе, узналъ бы, что тамъ-то истинное небо, истинный свѣтъ и истинная земля. Вѣдь эта земля, эти камни, и вообще все здѣшнее повреждено и изъѣдено, подобно вещамъ, изъѣденнымъ морскою горечью; такъ что въ морѣ этомъ и ничего порядочнаго не растетъ, и, можно сказать, ничего нѣтъ совершеннаго, а только рывины, песокъ, безконечный илъ и грязь — вездѣ, гдѣ есть земля ¹, и все это нисколько не идетъ въ сравненіе съ тѣмъ, что у насъ почитается красотою. Напротивъ тамъ, на этой чистой землѣ, нашлось бы много вещей далеко превосходнѣе нашихъ. Да, Симміасъ, если полезно рассказывать и хорошія басни; то вѣрно стѣбитъ труда послушать,

В. что находится на землѣ поднебесной. — О, конечно, Сократъ; мы съ удовольствіемъ выслушали бы это сказаніе, примолвилъ Симміасъ. — Говорятъ, другъ мой, продолжалъ Сократъ, во-первыхъ, что эта самая земля, если смотрѣть на нее сверху, походить на двѣнадцатигранный ² кожаный мячъ,

¹ *Вездѣ, гдѣ есть земля.* — Поэтому Сократъ долженъ былъ полагать, что въ морѣ земля — не вездѣ, что по мѣстамъ есть бездонныя массы водъ.

² По примѣру Пиеагорейцевъ, Платонъ природу вещей въ ихъ образахъ и явленіяхъ определялъ геометрическими фигурами и, между прочимъ, міръ уподоблялъ двѣнадцатистороннику, землю — кубу, огонь — пирамидѣ, и т. д. *Iambli. vit. Pythag.* § 8.

раскрашенный цвѣтами, которыхъ образчики суть цвѣта, употребляемые живописцами; только тамъ изъ подобныхъ, даже изъ гораздо прелестнѣйшихъ и чистѣйшихъ цвѣтовъ С. состоитъ вся земля. Тамъ иная часть ея пурпуровая, красоты удивительной, иная златовидная, а иная такъ бѣла, что бѣлѣ гипса и снѣга. Есть на ней и другіе цвѣта, притомъ въ гораздо большемъ количествѣ и превосходнѣе тѣхъ, какіе мы видали. Да и самыя эти впадины ея, полныя воды и воздуха, блистаютъ какою-то пестротою D. цвѣтовъ; такъ что въ единствѣ ея вида является непрерывное разнообразіе. Если же такова земля; то аналогически таковы на ней и растенія, то-есть деревья, цвѣты, плоды, таковы на ней и горы, таковы, по своей гладкости, прозрачности и отличной цвѣтности, самыя камни, — и ихъ-то частицы суть любимыя у насъ камешки: сердоликъ, яспись, смарагдъ и другіе подобные. Тамъ нѣтъ ничего, что было бы хуже ихъ: напротивъ все гораздо лучше, — и E. причина та, что тѣ камни чисты, не изъѣдены и не повреждены, какъ здѣшніе, отъ гнили, отъ соли и отъ всего, что сюда стекается, и что камнямъ, землѣ, животнымъ и растеніямъ сообщаетъ безобразіе и болѣзни. Укра- 111. шаясь всѣмъ этимъ, та земля украшается еще золотомъ, серебромъ и иными подобными вещами. Тамъ рождается этого очень много, въ большихъ массахъ и по всей землѣ, отчего она представляетъ зрѣлище, достойное созерцателей блаженныхъ. На той землѣ есть множество и прочихъ животныхъ, есть и люди, изъ которыхъ одни обитаютъ въ средоземліи, другіе около воздуха, какъ мы — около моря, а иные на островахъ, лежащихъ близъ твердой земли и окруженныхъ воздухомъ. Однимъ словомъ: что у насъ вода и море для нашего употребленія, то у нихъ воздухъ; а что у насъ воздухъ, то у нихъ эфиръ. В. Времена же года такъ уравновѣшены, что тѣ люди не подвергаются болѣзнямъ, живутъ гораздо долѣе, нежели здѣшніе, и во столько выше насъ зрѣніемъ, слухомъ, обо-

няніемъ и прочими чувствами, во сколько воздухъ чище воды, а эфиръ чище воздуха. Есть у нихъ также кумиры и храмы боговъ, и въ этихъ храмахъ существенно обитаютъ боги, бываютъ божественныя изреченія, предсказанія, видѣнія и обращенія людей съ богами. А солнце, луну и звѣзды видятъ они въ самой ихъ природѣ и сообразно съ этимъ наслаждаются всякимъ другимъ блаженствомъ. Такъ-то все на той землѣ и около той земли! Соразмѣрно съ числомъ ея впадинъ, на ней кругомъ много мѣстъ,—то болѣе глубокихъ и отверзтыхъ, нежели на обитаемой нами, то хотя и глубокихъ, но имѣющихъ меньшія, въ сравненіи съ нашими, ущелія; а есть мѣста и не столь глубокія, какъ здѣсь, за то обширнѣйшія. Всѣ они подъ землею соединены многими узкими или широкими прокопами и приведены въ сообщеніе посредствомъ каналовъ, которыми обильныя воды льются изъ однихъ въ другія, какъ въ чаши. Подъ землею есть также неозримое множество вѣчно текущихъ рѣкъ воды теплой и холодной; есть много и огня, — великія огненныя рѣки, много рѣкъ и болотистыхъ, то болѣе чистыхъ, то болѣе грязныхъ, какъ въ Сициліи рѣки грязи ¹, предшествующія огненному потоку, и самый потокъ. Ими наполняется каждое мѣсто, и каждому по временамъ случается испытывать ихъ разливы. Все это движется вверхъ и внизъ, какъ будто въ землѣ есть какое-то качаніе. Не происходитъ ли оно отъ слѣдующей причины? Одно изъ ущелій земли особенно велико и прокопано насквозь чрезъ всю 112. землю — то самое, о которомъ упоминаетъ Омиръ ², говоря:

Въ даль необъятную, гдѣ подъ землею глубочайшая бездна,
и которое въ различныхъ мѣстахъ, какъ онъ, такъ и мно-

¹ Явно, что здѣсь говорится объ изверженіяхъ Этны и о потокахъ извергаемой ею лавы.

² Указывается на мѣсто Иліады въ книгѣ восьмой ст. 13.

гіе другіе поэты называютъ тартаромъ. Въ это именно ущелье вливаются и изъ него опять выливаются всѣ рѣки. Причемъ каждая становится такою, какова земля, по которой она течетъ. Причина же, почему всѣ рѣки отсюда вытекаютъ и сюда стекаются, состоитъ въ томъ, что эта В. жидкость не имѣетъ ни дна, ни опоры, и потому находится въ состояніи качанія и поднимается вверхъ и внизъ. То же дѣлаютъ вокругъ ея самый воздухъ и вѣтеръ; ибо и они слѣдуютъ за нею. Когда вода стремится сперва къ одной, потомъ къ другой земной оконечности; тогда, какъ дышущіе всегда выдыхаютъ и вдыхаютъ въ себя потокъ воздуха, такъ и тамъ воздухъ, увлекаемый качаніемъ воды, при входѣ и выходѣ, производитъ ужасные, необоримые вѣтры. Доходя въ своемъ стремленіи до мѣста, называющагося С. нижнимъ, вода разливается по рѣкамъ, текущимъ изнутри земли и наполняетъ ихъ, подобно наливальщикамъ, а убѣгая оттуда и притекая сюда, опять обогащаетъ здѣшніе потоки, которые отъ избытка водъ вливаются и въ каналы, и въ землю, и, достигнувъ до извѣстныхъ мѣстъ по принятому направленію, образуютъ моря, озера, рѣки и источники. Отсюда уже, обращаясь подъ землю, по совершеніи путей—то должайшихъ и большихъ, то кратчайшихъ и меньшихъ, потоки снова изливаются въ тартаръ — одни D. очень низко, въ сравненіи съ истокомъ, другіе не такъ; впрочемъ устья всѣхъ ихъ вообще ниже истока. Притомъ нѣкоторые изъ нихъ вытекаютъ со стороны противоположной своему впаденію, а нѣкоторые съ той же. Есть и такіе, которые, трижды или много разъ обошедши вокругъ земли и обвивши ее змѣеобразно, опускаются до крайней возможной глубины, и потомъ опять вливаются. Возможно же этимъ водамъ достигнуть лишь средоточія земли съ той E. и другой стороны, а далѣе стремиться онѣ не могутъ; потому что вода, откуда бы ни втекала, за средоточіемъ непременно пойдетъ уже вверхъ. Такихъ-то водныхъ потоковъ много -- и великихъ, и различныхъ: но между мно-

гими есть еще четыре особенные. Изъ этихъ четырехъ самый большой и снаружи обтекающій землю есть такъ называемый океанъ. Прямо противъ него, въ противоположномъ направленіи, течетъ Ахеронъ, пробѣгающій по пустыннымъ мѣстамъ, а потомъ уходящій подъ землю и

113. изливающійся въ озеро Ахерусію, куда приходятъ души многихъ умершихъ, и гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются на предопредѣленное время—то должайшее, то кратчайшее, а потомъ посылаются опять въ порожденія животныхъ. Третья рѣка выходитъ среди ихъ и, недалеко отъ истока, вступивъ въ большое пространство, горящее великимъ пламенемъ, образуетъ озеро обширнѣе нашего ¹ моря, кипящее водою и грязью. Оттуда, мутная и грязная,

В. совершаетъ она свой кругъ, обходитъ различныя мѣста и достигаетъ до послѣднихъ предѣловъ Ахерусіи, но не смѣшивается съ нею водъ своихъ. Наконецъ, сдѣлавъ много изворотовъ подъ землею, она изливается въ самую низкія мѣста тартара. Эту-то рѣку называютъ Пирифлегетономъ, и изъ нея-то огненные потоки, иногда появляющіеся на землѣ, заимствуютъ свое вещество. Прямо противъ нея выходитъ четвертая и направляется сперва въ мѣсто, какъ

С. говорятъ, страшное и дикое. Она имѣетъ вполне цвѣтъ сафира и называется Стигійскою, а озеро, образуемое ею при впаденіи,—Стикомъ. Впадая въ него и обладая чрезвычайною силою своей воды, она течетъ подъ землю, изворачиваясь, идетъ противъ Пирифлегетона и встрѣчается съ нимъ въ Ахерусіи. Ея вода не смѣшивается также ни съ какою другою, но, совершивъ свой кругъ, вливается въ тартаръ противъ Пирифлегетона. Поэты даютъ ей имя Кю-

р. цита. При такомъ устройствѣ преисподней, умершіе приходятъ на мѣсто, куда cadaго ведетъ духъ, и прежде всего подвергаются суду, кто изъ нихъ жилъ хорошо и свято, кто нѣтъ. Тѣ, которыхъ жизнь оказывается посредствен-

¹ Средиземнаго.

ною, идутъ къ Ахерону и, сѣвъ на колесницы, какія у кого есть, отправляются на нихъ къ озеру. Тамъ они обитаютъ и очищаются и, вытерпѣвъ наказаніе за свои неправды, становятся свободными отъ проступковъ, а за сдѣ- Е. ланное добро по заслугамъ получаютъ награду. Людей же, по великости грѣховъ оказавшихся неисцѣлимыми, либо многократно осквернившихъ себя важными святохищеніями, либо совершившихъ многія несправедныя и незаконныя убійства, либо сдѣлавшихъ что-нибудь иное тому подобное,—этихъ людей судьба, приведши, бросаетъ въ тартаръ, откуда они уже не выходятъ. Но люди, совершившіе грѣхи, хотя и исцѣлимые, однакожъ великіе, напримѣръ, въ гнѣвъ сдѣлавшіе насиліе отцу, либо матери, и прожившіе остальную жизнь въ раскаяніи, или понесшіе пятно челоуѣко- 114. убійства какимъ-нибудь другимъ образомъ,—эти люди необходимо-таки низвергаются въ тартаръ; только по прошествіи годичнаго времени ихъ тамъ пребыванія, волна выбрасываетъ челоуѣкоубійцъ въ Коцитъ, а согрѣшившихъ противъ родителей—въ Пирифлегетонъ. И когда они приносятся бывають въ озеро Ахерусію, тогда кричатъ и зовутъ—одни тѣхъ, кого убили, другіе тѣхъ, кого оскорбили; призвавъ же, просятъ и умоляютъ, чтобы они соизволили войти къ нимъ въ озеро и приняли ихъ. И если убѣдятъ, то В. выходятъ и избавляются отъ золь; а когда нѣтъ, — опять уносятся въ тартаръ и изъ тартара снова въ рѣки,—и эти страданія ихъ могутъ прекратиться только по смягченіи обиженныхъ. Такое ужъ наказаніе опредѣлено имъ судіями. Напротивъ люди, по святости жизни, оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ, какъ изъ темницы, прибываютъ въ жилище чистое и обитаютъ С. надъ землею. Впрочемъ и между ними, лишь души, достаточно очистившіяся философіею, живутъ вовсе безъ тѣлъ во всю вѣчность и вселяются въ жилища прекраснѣе земныхъ,—въ такія жилища, какія теперь изобразить и не легко и некогда. Такъ вотъ по той-то, сейчасъ нами раскры-

той причинѣ, Симміасъ, надобно употребить всѣ способы, чтобы сдѣлаться въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ:

Д. хороша вѣдь награда и велика надежда. Конечно, утверждать рѣшительно, что все это произойдетъ не иначе, какъ я рассказалъ, человѣку умному не годится: но что, касательно нашихъ душъ и ихъ жилища, будетъ нѣчто такое или тому подобное,—въ то вѣрить, при явномъ безсмертіи души, кажется, и слѣдуетъ, и можно рѣшиться; ибо эта рѣшимость прекрасна, и ею надобно какъ бы обаять себя. Потому-то я и распространился въ рассказѣ объ этомъ мѣѣ. А когда такъ, то человѣкъ долженъ быть спокоенъ за

Е. свою душу, если въ жизни онъ распростился съ нѣкоторыми удовольствіями и украшеніями тѣла, будто съ вещами себѣ чуждыми и приносящими больше вредъ. Стараясь искать удовольствія въ познаніи, и украшая душу не чуждыми, но дѣйствительно ей свойственными украшеніями, то-есть, здравомысліемъ, справедливостію, мужествомъ, сво-

115. бодою и истиною, онъ ждетъ путешествія въ преисподнюю и готовъ идти туда по зову судьбы. Вотъ и вы, Симміасъ и Кевисъ, продолжалъ онъ, и всѣ другіе, какъ-нибудь и когда-нибудь отойдете: а меня теперь же зоветъ судьба, сказалъ бы трагикъ, и мнѣ почти пора уже приступить къ омовенію; ибо выпить ядъ, кажется, лучше, вымывшись, чтобы не доводить женщинъ до труда омыwać умершаго.

Когда онъ сказалъ это, Критонъ примолвилъ: пусть

В. такъ, Сократъ; но что поручишь ты имъ или мнѣ касательно своихъ дѣтей, либо чего другаго? Поручи какое-нибудь дѣло, которое исполнивъ, мы могли бы тѣмъ выразить тебѣ благодарность.—Говорю то же самое, Критонъ, что всегда: ничего новаго, отвѣчалъ онъ. Если вы будете заботиться о себѣ, то что бы ни сдѣлали, сдѣлаете добро и для меня, и для моихъ, и для васъ самихъ, хотя бы теперь и не обѣщались: а когда вознебудите о себѣ и не захотите жить по сказаннымъ нынѣ и въ прежнее время словамъ моимъ, — будто ходить по

проложенной стезѣ; то, хотя бы теперь многое и съ увѣ- С.
ренностію обѣщали, ничего не сдѣлаете.—Мы вѣрно бу-
демъ такъ поступать, продолжалъ Критонъ: но какимъ
образомъ похоронить тебя? — Какимъ вамъ угодно, если
только схватите меня, и я не убѣгу отъ васъ. Тутъ слегка
засмѣявшись и взглянувъ на насъ, онъ сказалъ: не вѣ-
рять мнѣ Критонъ, друзья, что настоящій Сократъ—тотъ,
который теперь разговариваетъ и поставляетъ въ порядкѣ
каждое свое слово, а не тотъ, котораго онъ скоро уви-
дитъ мертвымъ, и спрашиваетъ, какъ меня похоронить. D.
Видно, говоря такъ долго, что, выпивши ядъ, я не оста-
нусь съ вами, но отойду къ счастливой жизни блажен-
ныхъ,—видно, эти мои слова, по его мнѣнію, сказаны
были только для утѣшенія васъ и меня. Дайте же за
меня Критону ручательство, противное тому, какое онъ
далъ моимъ судьямъ. Онъ поручился, что я останусь, а
вы поручитесь, что послѣ смерти не останусь, но уйду:
тогда ему будетъ легче перенести это; тогда, видя мое E.
тѣло сожигаемымъ или закапываемымъ, онъ устыдится
своей скорби, какъ будто я потерпѣлъ нѣчто жестокое,
и при погребеніи не скажетъ, что кладетъ, выносить и
погребаютъ Сократа. Да, знай, добрый Критонъ, продол-
жалъ Сократъ, что нехорошее объ этомъ слово не только
унизительно для самаго дѣла, но и вредно для душъ.
Нѣтъ, надобно быть спокойнымъ и говорить, что ты погре-
баешь мое тѣло; и погребай, какъ тебѣ угодно, особенно 116.
же какъ думаешь совершить это согласіе съ закономъ.

Сказавъ такимъ образомъ, онъ всталъ и пошелъ въ
другую комнату мыться. Критонъ послѣдовалъ за нимъ,
а намъ приказано остаться. Оставшись, мы разговарива-
ли между собою о сказанномъ, возобновляли въ памяти
бывшее разсужденіе и наконецъ, пришедши къ мысли о
предстоящемъ намъ несчастіи, живо вообразили себѣ,
что, лишившись Сократа, будто отца, мы въ дальнѣйшей
своей жизни будемъ сиротами. Едва онъ омылся, какъ B.

принесли къ нему дѣтей,—у него было два маленькихъ сына, да одинъ большой, — и пришли домашнія женщины ¹. Поговоривъ съ ними въ присутствіи Критона и давъ имъ наставленіе, какое хотѣлъ, онъ приказалъ удалиться и женщинамъ, и дѣтямъ, а самъ вошелъ къ намъ. Между тѣмъ приближалось захожденіе солнца; ибо онъ долго оставался во внутренней комнатѣ. Вошедши, онъ сѣлъ омытый, и тутъ уже разговаривалъ немного. Потомъ пришелъ приставъ одиннадцати судей и, ставъ предъ нимъ, С. сказалъ: Сократъ! на тебя конечно я не буду жаловаться, какъ жалуясь на другихъ, которые бранятъ меня и проклинаютъ, когда я, по приказанію судей, объявляю имъ, что надобно выпить ядъ. Въ продолженіи этого времени я и вообще узналъ тебя, какъ человѣка благороднѣйшаго, кротчайшаго и добрѣйшаго изъ всѣхъ, какіе когда-нибудь сюда приходили, а теперь еще яснѣе вижу, что ты будешь досадовать не на меня,—ибо знаешь виноватыхъ, —а на нихъ. Итакъ ты конечно догадываешься, съ какою вѣстію я пришелъ къ тебѣ: будь счастливъ и постарайся D. подвергнуться необходимости. При этихъ словахъ онъ заплакалъ и, повернувшись, ушелъ. А Сократъ, взглянувъ на него, сказалъ: будь счастливъ и ты, и мы тоже будемъ. Потомъ, обратившись, примолвилъ: какой обходительный человѣкъ! онъ во все это время прихаживалъ ко мнѣ и иногда разговаривалъ; человѣкъ очень добрый! вотъ и теперь искренно оплакиваетъ меня. Ну-ка послушаемся его, Критонъ: пусть кто-нибудь принесетъ ядъ, если онъ стертъ; а если нѣтъ, то пусть сотрутъ ².—Но я думаю, Сократъ, сказалъ Критонъ, что E. на вершинахъ горъ солнце еще свѣтитъ, не закатилось.

¹ Нѣкоторые критики, основываясь на этомъ мѣстѣ, не въ шутку доказывали, что у Сократа было двѣ жены: Ксантиппа и Миртона. Они подтверждали свое мнѣніе значеніемъ слова *γυνή*, будто бы, то-есть, оно означаетъ не женщину, а жену: — явная ложь. Притомъ здѣсь упоминаются не *αἰτοὶ γυναῖκες*, а *οἰκεταὶ γυναῖκες*, то-есть домашнія женщины.

² Ядъ добывается былъ изъ сѣмянъ цикуты, которыя для этого растисались и давали убійственный сокъ.

Притомъ знаю, что другіе, по выслушаніи объявленія, выпивали ядъ очень поздно, ибо много ѣли и долго пиروвали; а иные даже удовлетворяли сладострастнымъ своимъ пожеланіямъ съ бывшими у нихъ любезными. Такъ не спѣши,— время еще позволяетъ. —Тѣ, о которыхъ ты говоришь, Критонъ, сказалъ Сократъ, по крайней мѣрѣ не безъ причины такъ поступали; въ этихъ дѣйствіяхъ они думали найти свою пользу: напротивъ я не имѣю причины поступить такимъ образомъ; потому что, принявъ ядъ нѣсколько позднѣе, ничего не выиграю, а только буду смѣ- 117. шонъ самому себѣ, то-есть, буду привязываться къ жизни и беречь ее, когда она для меня ничто. Такъ послушайся же, сдѣлай, что я говорю.—Выслушавъ это, Критонъ далъ знакъ близъ стоявшему мальчику. Мальчикъ вышелъ и чрезъ нѣсколько времени возвратился, ведя за собою человѣка, долженствовавшаго дать ядъ и державшаго къ рукѣ чашу. Увидѣвъ его, Сократъ сказалъ: хорошо, добрый человѣкъ; что же мнѣ надобно дѣлать? ты вѣдь знатокъ этого.—Болѣе ничего, отвѣчалъ онъ, какъ выпить и ходить, пока не почувствуешь тяжести въ ногахъ; потомъ В. лечь: такъ и будетъ дѣйствіе,—и тутъ же подалъ Сократу чашу. Сократъ принялъ ее съ видомъ чрезвычайно спокойнымъ, безъ трепета, не измѣнившись ни въ цвѣтъ, ни въ лицѣ; только, по обыкновенію, взглянувъ изподлобья на этого человѣка, спросилъ: что ты скажешь? сдѣлать бы отъ этого напитка кому-нибудь возліяніе; можно или нѣтъ?—Мы столько стерли, Сократъ, сколько надобно выпить, отвѣчалъ онъ.—Понимаю, примолвилъ Сократъ; по С. крайней мѣрѣ вѣдь молить боговъ о благополучномъ переселеніи отсюда туда и позволительно и должно: такъ вотъ я и молюсь, чтобы такъ было. Сказавъ это, онъ въ ту же минуту поднесъ чашу къ устамъ и безъ всякаго принужденія, весьма легко выпилъ ее. До этой минуты многіе изъ насъ имѣли довольно силы удерживаться отъ слезъ; но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ и выпилъ, то уже

нѣтъ: даже у меня самага насильно и ручьями полились слезы; такъ что я закрылся плащемъ и оплакивалъ свою участь, — да, именно свою, а не его, потому что лишался такого друга. Что же касается до Критона, то, не могли удержать слезъ, онъ всталъ еще прежде меня. А Аполлodorъ и прежде не переставалъ плакать; но тутъ уже зарыдалъ, завопилъ и такъ терзался, что никто изъ присутствовавшихъ, кромѣ одного Сократа, не могъ не сокрушаться его страданіями. — Что вы дѣлаете, странные люди? сказалъ онъ. Я для того между прочимъ отослалъ женщинъ, чтобы онѣ не произвели чего-нибудь подобнаго; ибо Е. слыхалъ, что умирать надобно съ добрымъ словомъ. Пожалуйста успокойтесь и удержитесь. — Услышавъ это, мы устыдились и удержали сезы; а онъ ходилъ и, почувствовавъ, что его ноги отяжелѣли, легъ навзничъ, — такъ приказалъ тотъ человѣкъ. Вскорѣ онъ же, давшій ядъ, оцупывая Сократа, по временамъ наблюдалъ его ноги и голени и наконецъ, сильно подавивши ногу, спросилъ: чувствуешь ли? — Нѣтъ, отвѣчалъ Сократъ. — Вслѣдъ за этимъ оцупывалъ онъ бедра и, такимъ образомъ восходя выше, показывалъ намъ, какъ онъ постепенно холодѣетъ и окостенѣваетъ. Сократъ осязалъ и самъ себя и примолвилъ, что когда дойдетъ ему до сердца, — онъ отойдетъ. Между тѣмъ всѣ нижнія части тѣла его уже охолодѣли; тогда, раскрывшись (ибо былъ покрытъ), онъ сказалъ (это были послѣднія слова его): Критонъ! мы должны Асклепію пѣтухомъ; не забудьте же отдать. — Хорошо, сдѣлаемъ, отвѣчалъ Критонъ; но смотри, не прикажешь ли чего другаго? — На эти слова уже не было отвѣта; только, немного спустя, онъ вздрогнулъ, и тотъ человѣкъ открылъ его: уста и глаза остановились. Видя это, Критонъ закрылъ ихъ.

Таковъ былъ конецъ нашего друга, Эхекратъ, — человѣка, можно сказать, самага лучшаго, какъ между извѣстными намъ его современниками, такъ и вообще мудрѣйшаго и справедливаго.

